

ПУШКИН

2

—•••••—
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1934

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ДЕМЬЯНА БЕДНОГО, А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
П. Н. САКУЛИНА, В. И. СОЛОВЬЕВА
П. Е. ЩЕГОЛЕВА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

А. С. ПУШКИН

ТОМ ВТОРОЙ СТИХОТВОРЕНИЯ

1826 — 1836

РЕДАКЦИЯ
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Отпечатано в типографии Госиздата
«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»

Москва, Краснопролетарская, 16.

В количестве 27 000 экз.

Главлит № Б — 184

Х—10 Гиз № 43126

Э. кав. № 1700

28 п. л.

ПУШКИН В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.

I.

Пушкин родился в 1799 г., когда XVIII век доживал свои последние дни, а умер в 1837 г., когда XIX век, хотя слабо, но уже предчувствовал наступление исторической катастрофы.

Война двенадцатого года, так наз. Отечественная война, вызванная не только международными осложнениями, но и местными причинами социально-экономического порядка, глубоко потрясла страну и сигнализировала неизбежность больших перемен во внутренней жизни России. О том же напоминал бунт декабристов в 1825 г. Но вот прошла „гроза военной непогоды“, восстание усмирено, и жизнь, казалось, мирно потекла по твердому руслу традиционной государственности. Николай I олицетворял собою „несокрушимую“ мощь самодержавия.

Опорой трона был дворянский класс, класс землевладельцев и рабовладельцев. Получив в 1785 г. „жалованную грамоту“, „корпус дворянства“ стал высшим сословием, достаточно организованным для того, чтобы защищать свои классовые привилегии и расширять свои политические права. В пушкинское время дворянство сделалось настоящим гегемоном страны. Это—период его расцвета. Правда, дворянство распадалось на отдельные слои, в зависимости от различия социально-экономических условий. Рядом с высшим дворянством, богатым и сановным, видим дворянство среднее и мелкое; рядом с „великодушными“ магнатами, ко-

торым принадлежали десятки тысяч крепостных, встречались мелкопоместные дворяне, „малодушные“ и малоземельные, а иногда и совершенно „бездушные“ и безземельные дворянчики. Но все же, взятое в целом, дворянство занимало положение привилегированного и руководящего класса. Материально обеспеченное, оно было и наиболее образованным. Носителем и двигателем культуры было тогда главным образом среднее дворянство. В течение всего XVIII века усваивалась дворянством европейская культура, столь отличная от культурных начал московской Руси. Противоположные стихии должны были ассимилироваться и дать в результате некий синтез. Дворянская Россия в конце концов впитала в себя европейскую культуру и переработала ее настолько, что считала уже своей, русской. Дворцы, усадьбы, библиотеки, картинные галереи и пр. служили внешним показателем достигнутого дворянством культурного уровня. К тридцатым годам XIX века дворянская культура находилась в периоде пышного цветения и устойчивого равновесия.

Дворянская интеллигенция стремится в организованных формах вести свою идеологическую работу. По условиям своего социального бытия и по складу своей психологии с наибольшей охотой она отдается занятиям гуманитарными науками. Если дворянский юноша поступал в университет, то обычно он выбирал словесное отделение. В большом почете была тогда идеалистическая философия. Кружок любителей мудрости, „любомудров“, собиравшийся в двадцатых годах с князем В. Ф. Одоевским во главе,—типичное явление эпохи. Здесь изучали преимущественно немецкого философа Шеллинга. Преемники любомудров, сгруппировавшиеся вокруг Н. В. Станкевича и М. А. Бакунина, углублялись в учение другого немецкого философа, Гегеля. До двадцатых годов XIX века открыто существовали масонские организации. Мистицизм разных оттенков имел широкое распространение. Господствовало отвлеченное умозрение. Но действительность все-таки напоминала о себе и требовала построения идеологий социального характера. Уже в философии идеалистов (И. В. Киреевского, В. Ф.

Одоевского и др.) немалое место занимали как идеи о самобытности русского исторического процесса, так и мысль о возможности для России взять на себя мировую миссию, стать во главе культурного движения народов. Если первая идея была в сущности философским обоснованием того процесса, который уже совершался в самой жизни, то вторая идея была заманчивой, но утопической мечтой, которую, однако, долго лелеяли наши славянофилы (И. В. Киреевский сделался одним из идеологов славянофильства).

Кроме идеалистов и мистиков, в дворянской среде были и материалисты, последователи французских материалистов XVIII века и философа Вольтера. Некоторые офицеры-декабристы (князь Барятинский, Крюков и др.) исповедывали чистый материализм. Двоюродный брат Герцена, химик А. А. Яковлев, может уже считаться предтечей тургеневского Базарова. Под его влиянием находился А. И. Герцен, учившийся не на словесном, а на физико-математическом факультете. В лице Герцена мы имеем уже человека материалистического миропонимания. В то время как консервативное дворянство, при содействии правительства, выковывало свою классовую идеологию, сведенную Уваровым (в 1832 г.) к сжатой формуле „православие, самодержавие и народность“, — прогрессивная и радикальная часть дворянства стремилась к политическим реформам; самым ярким выражением ее действий было уже упомянутое восстание 14 декабря 1825 г. „Русская правда“ Пестеля — значительный факт в истории русских общественных идей. Более радикальные декабристы как бы продолжали дело Радищева, который в конце XVIII века (в сочинении „Путешествие из Петербурга в Москву“, 1790 г.) пропагандировал идеи народовластия и социального равенства. Кое-кто из декабристов уже слышал о социализме. В тридцатых годах Россия обзавелась своими социалистами. То были, конечно, еще сторонники утопического социализма, главным образом сен-симонизма. Герцен и Огарев стояли во главе.

Одним из самых важных проявлений культурной жизни дворянства была художественная литература. Дворянство,

среднее по преимуществу, поставляло писателей. Для некоторых из них литературный труд делается уже профессией. Передовые позиции заняты именно дворянской литературой. Несколько больших течений и, следовательно, литературных стилей сменяли друг друга и боролись между собою. Время Пушкина—это период дворянской культуры и дворянской литературы.

Однако мы впали бы в большую ошибку, если бы забыли о других общественных классах, кроме дворянства. В каждый исторический момент мы видим сосуществование и борьбу классов. Каждый класс имеет свою культуру и даже свою литературу.

Дворянскому классу как классу помещиков противостоит прежде всего многомиллионное крестьянство. В 1835 г. крестьяне составляли около 85 процентов населения; из них больше половины находилось в крепостном состоянии. Деревня преобладала над городом, и земледелие было основной базой тогдашней экономики. Тем не менее капитализм уже делает известные успехи. В 1825 г. насчитывали более пяти тысяч фабрик и более двухсот тысяч рабочих. В процесс индустриализации втянуто было и дворянство (к началу сороковых годов, по наблюдениям А. И. Герцена, известная часть дворянства уже переродилась в буржуазию). Но главным агентом в этой области был, конечно, торгово-промышленный класс, русская буржуазия. Влияние последней становится всё более и более заметным. В зависимости от роста промышленности увеличивается количество рабочих. Рабочий класс фактически уже существует; случались и „бунты“ рабочих. Но рабочие еще не осознали себя как класс, как социально-экономическую категорию. Да и буржуазия еще не могла соперничать с дворянством в политическом отношении. „Развитие капитализма в России, очевидно, пока еще отнюдь не угрожало потрясением основ“,—выразился М. Н. Покровский. Как бы то ни было, против дворян стоит огромная масса крестьян—крестьян-земледельцев и крестьян-рабочих. Промежуточное положение заняла буржуазия. К ней примыкало трудовое население городов: мещанство, ремесленники, торговцы.

Таким образом, недворянская часть населения была довольно значительной и распадалась на известные группы, которые жили своей культурной жизнью. Религиозное движение в форме старообрядчества и сектантства захватывало самые широкие круги „народа“, вплоть до неграмотного крестьянства. Мысль блуждала в потемках, но искала разрешения высших вопросов бытия. С полным основанием можно говорить о народной интеллигенции („народ“ берется здесь в узком значении термина), даже о крепостной интеллигенции. Кое-кому из крепостной интеллигенции посчастливилось выйти из барской усадьбы на простор общественной жизни и получить известность в качестве артистов (Ек. Семенова, В. Самойлов и знаменитый Щепкин), художников (Тропинин, Кипренский и др.), писателей и ученых (Слепушкин, Матинский, Ив. Сибиряков, Егор Алипанов, Мих. Суханов, Погодин, Никитенко, Н. Ф. Павлов и т. д.). Попадая в другие социальные условия, представители крепостной интеллигенции, конечно, значительно поднимались над своей средой, но в их психологии всегда сохранялись классовые черты.

Крупная и мелкая буржуазия, духовенство и чиновничество состояли из людей грамотных. Отсюда главным образом вербовалась демократическая, разночинная интеллигенция. Ее удельный вес был еще не велик сравнительно с дворянской интеллигенцией, но она всё более и более выступала в качестве умственной силы, необходимой на разных культурных поприщах. Достаточно сказать, что в пушкинское время к разночинной интеллигенции принадлежали профессора Погодин, Плетнев, Никитенко и Надеждин, писатели (преимущественно беллетристы) Н. Ф. Павлов, Лажечников, братья Полевые, Николай и Ксенофонт, критик Белинский, литератор Боткин и др. Многие из названных лиц работали рука-об-руку с дворянской интеллигенцией, но не случайно в пушкинскую эпоху разгорелась полемика между демократами и аристократами литературы.

Если взять специально литературную жизнь недворянских слоев населения, то картина получится весьма интересная и в своем роде импозантная. В „народе“, главным образом

среди неграмотного крестьянства, бытовала устная поэзия, ценная как по содержанию, так и по форме. Это—былевые песни о богатырях и исторических событиях, лирические песни, духовные стихи, сказки, устные пьески и пр. Хотя значительная часть этого материала получена по традиции от прошлых времен, но певцы и сказочники, эти неграмотные поэты, не просто хранили унаследованное, но и творчески передавали его. Создавались, повидимому, и новые жанры (частушки, драмы с незаписанным текстом). В устной поэзии находили себе отражение разные проявления народной жизни (сектантство, солдатчина, крепостное право) и разные события текущей жизни. Устная поэзия не только удовлетворяла духовные запросы неграмотных, но и составляла существенную часть общей литературы жизни того времени. Огромная масса читателей, полуграмотных и грамотных людей из крестьян, мещан, купцов, мелких чиновников и т. п., в свою очередь имела в своем распоряжении большую литературу, в состав которой входили и памятники старорусской письменности, и литературная обработка произведений устной поэзии, и своеобразные романы сключениями и рыцарями, и реально-бытовые повести. Были особые писатели, которые обслуживали нужды данной категории читателей. При Пушкине, например, широкой известностью пользовался Александр Анфимович Орлов. Существовала целая группа крестьянских и мещанских поэтов, как напр., Ф. Н. Слепушкин, М. Д. Суханов, Е. И. Алипанов и др. К ним же в сущности принадлежали Н. Г. Цыганов и сам А. В. Кольцов. Хотя разночинские писатели данного периода обычно идут по путям дворянской литературы, но всё же есть достаточное основание выделять беллетристику разночинцев, особенно реально-бытовые повести М. П. Погодина, Н. Ф. Павлова и Н. А. Полевого.

Таким образом, культурная и литературная жизнь пушкинского времени складывается из нескольких пластов. Между ними происходили общение и взаимодействие, что придавало всей жизни характер целостного процесса. Значение Пушкина правильно может быть понято только на фоне этого общего процесса культурной и литературной жизни.

II.

Гениальный поэт был широко образованным человеком и глубоким мыслителем. С полной сознательностью относился он ко всем очередным проблемам жизни, тем самым помогая нам определить его классовую и культурную позицию.

Пушкин—писатель-дворянин и всегда мыслил себя представителем своего класса. Старательно уточняя свое классовое самоопределение, он правильно относил себя к среднему дворянству, которое по преимуществу участвовало в создании дворянской культуры и дворянской литературы. Пушкин говорил об этом с полной отчетливостью и даже гордостью, противопоставляя старинное, родовитое среднее дворянство новой аристократии, придворной знати. Последнюю он открыто ненавидел (как, разумеется, и она его; свидетельством тому—роковая дуэль) и предпочитал оставаться в рядах обедневшего дворянства, ставшего у нас своего рода третьим сословием. Правда, не без горькой иронии, но он готов называть себя „мещанином“. Этого выражения не следует, однако, понимать в том смысле, будто Пушкин оторвался от своего класса. Отщепенцем дворянства он не был и не хотел быть. У него не было желания предпочитать дворянству какой-нибудь другой класс и не было потребности служить чужому классу. От зоркого глаза Пушкина не укрылась динамика социальной жизни, и он трезво расценивал факты. Видя, что Москва тридцатых годов уже утрачивала „свой блеск аристократический“, он понимал, что ее „упадок“ есть результат „обеднения русского дворянства“. Это зрелище, однако, не повергало Пушкина в уныние. Если дворянство находится в упадке, зато Москва,—бодро констатирует он,—„процветает в других отношениях“: купечество богатеет, промышленность растет и просвещение развивается (приводится ряд показательных фактов из области науки, философии и литературы). Среднее дворянство попрежнему способствует успехам русской культуры, а рядом с ним стоит уже разночинец. Без всякой неприязни отмечает Пушкин это крупное явление. „Наши писатели, не принадлежащие к дворянскому сословию,—го-

ворил он (в 1834 г.),—весьма малочисленны. Несмотря на то, их деятельность овладела всеми отраслями литературы, у нас существующими. Это есть важный признак и непременно будет иметь важные последствия“. *Дворянская культура не должна быть неподвижной и изолированной. Прогресс страны требует, чтобы менялись как формы культуры, так и состав ее работников.*

Пушкин старается стоять на твердой почве истории, быть реальным политиком. Историзм вообще характеризует его мышление в зрелую пору. Глазами историка смотрит он не только на то, что стало уже достоянием истории, но и на то, что совершается в настоящем. Обладая живым чувством историзма, Пушкин каждое явление мыслил исторически. Он знает, что история развивается по известным законам и что история каждого народа представляет нечто своеобразное. Ошибочно судить о русской истории по принципам „чужеземного идеологизма“. Автор вольнолюбивых стихов, певец декабризма и друг декабристов, Пушкин неудачу восстания объяснял именно тем, что революционеры с ничтожными средствами выступили против „необъятной силы правительства, основанной на силе вещей“, т. е. на реальном соотношении сил. По тем же мотивам, преклоняясь перед „удивительным самоотвержением и какою-то рыцарскою совестью“ Радищева, он осуждал его книгу „Путешествие из Петербурга в Москву“. Неизменно оставаясь трезвым мыслителем, Пушкин не увлекся ни рассудочно-отрицательной философией XVIII века, ни философским идеализмом двадцатых годов, ни утопическим социализмом тридцатых годов. „Ничего не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя“,—писал Пушкин в 1834 г. В своих высказываниях он отдавал должное умозрительной немецкой философии, которая „спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии“, и убежденно считал положительным явлением тот факт, что „теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству“, т. е. и синтетической философии (1836). Но за всем тем он не разделял того энтузиазма, с каким русские неопиты отно-

сились к немецкой мудрости, и воздерживался от проповеди оптимистических идей о мировой миссии России. Пушкин вообще не любил громких фраз. Он радуется („Мысли на дороге“), что „философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому“. Собственно говоря, у нас нет точных сведений о том, как поэт относился к социализму. Не зная о нем он всё же не мог. Самое молчание его показательное. Пушкин стоит на почве исторической эволюции и мирного прогресса. Даже в молодости он в сущности не пел гимнов революции, а только свободе. Политическая мудрость, по его пониманию, состоит в сочетании „законов мощных“ с „вольностью святой“. Мы не ошибемся, если скажем, что подобной формулой можно определить политическую идеологию и зрелого Пушкина. Новая русская история есть длительный процесс усвоения европейской культуры. Со времени Петра она становится русской культурой. Вопрос лишь в том, как утилизировать европеизм. Пушкин отвергал обе возможные в данном случае крайности: и беспочвенность какого-нибудь графа Нулина, который, вернувшись „из чужих краев, где промотал он в вихре моды свои грядущие доходы“, „святую Русь бранит, дивится, как можно жить в ее снегах, жалеет о Париже страх“, и, с другой стороны, квасной патриотизм, поверхностно восторгающийся своим только потому, что это—свое. Народность, самобытность развития в глазах Пушкина имеет большую важность, но эту проблему он понимает как разумное, органическое слияние культурных начал, полученных от Европы, с теми, какие выработаны русской историей и еще теперь живут в народных массах.

Таковы черты, которыми характеризуется классовое и культурное самоопределение Пушкина. Здесь ключ к пониманию его художественного творчества.

III.

Первая треть XIX века, на которую приходится творческая жизнь Пушкина, замечательна тем, что тогда завершалась

целая эпоха в истории культуры, а вместе с тем заканчивался и вековой процесс создания новых форм литературы. Перед писателями пушкинского времени стояла задача упорядочить брожение и придать литературной жизни необходимую самостоятельность. Переработанная на русской почве европейская культура стала своей для дворянского общества. К тому же стремилась и дворянская литература.

Пушкин—гениальный представитель дворянской литературы своего времени. Никто из писателей его эпохи не разрешил с такой синтетической полнотой и с такой художественной силой очередных задач литературы, как именно Пушкин. Самым внимательным образом следил он за тем, что совершалось тогда в литературной жизни. Всегда и везде он—на передовых позициях. Обо всем высказывал он веские суждения как писатель, который отдает себе полный отчет в теоретических принципах творчества. Статьи, критические заметки, письма Пушкина содержат целую поэтику. Но, конечно, его суждения не имели бы надлежащей цены, если бы не опирались на его творческий опыт и если бы не подкреплялись его художественными произведениями; поэтическое творчество в конце концов—лучший способ разрешения теоретических проблем словесного искусства.

Как артист-виртоуз, Пушкин в совершенстве владел оружием художественного творчества—словом. В течение всего XVIII века шла выработка нового литературного языка. К концу этого столетия была признана необходимость сделать язык легким, приятным и понятным, чтобы прежде всего удовлетворить вкусы образованного общества. Крупная реформа была произведена Карамзиным и его школой. Чтобы придать строю речи естественность, „приятность“ и „изящество“, Карамзин ограничил употребление славянизмов и старался использовать „самородное богатство“ русского языка, а рядом с этим широко допускались иностранные слова (варваризмы) и вводились новые (неологизмы). Синтаксис речи строился по типу разговорного языка. Легкость, симметричность и даже ритмичность речи—вот качества, какими отличался литературный язык карамзинистов. Всё это было сделано до Пушкина. Но он еще застал споры

между сторонниками и противниками карамзинской реформы. Да и сторонники уже приходили к убеждению, что требуется дальнейшее усовершенствование языка. Современники Пушкина много работали в этом направлении; некоторые решались даже на весьма смелые эксперименты. Жизнь многое отвергла из этих опытов. Пушкин разрешил спорную проблему с огромным художественным вкусом и литературным тактом, синтезировав три основные стихии языка: дворянскую (язык литераторов-дворян), народную и церковно-книжную. Нас, людей двадцатого века, ничем существенным не поражает ни лексика, ни синтаксис пушкинского языка: его относительная устарелость чувствуется нами лишь в слабой степени.

В области стиха Пушкин также имел даровитых предшественников: Батюшкова и Жуковского. „Его стихов пленительная сладость пройдет веков завистливую даль“, — сказал о последнем Пушкин. Современниками Пушкина были Боратынский, Дельвиг, Грибоедов и баснописец Крылов. Общими творческими усилиями стиху придается разносторонняя гибкость: декламационный в высоких жанрах, он становится напевным в интимной лирике и „говорным“ в целом ряде жанров, как басни Крылова, как комедия Грибоедова „Горе от ума“ и как роман Пушкина „Евгений Онегин“. С изумительной легкостью владел Пушкин стихом; рифмы послушную толпою стекались к нему. Пушкинский стих, певучий и „понятный“, на долгое время останется недостижимым образцом.

Пушкин начинает свое творчество стихами, так как поэту полагалось говорить „языком богов“. Он пользовался решительно всеми стихотворными жанрами. Его лирика имела огромный диапазон — от возвышенной и глубоко эмоциональной думы до шуточных стишков в альбомы. Любил Пушкин форму посланий, романсов, стансов, сонетов, элегий, сатир и эпиграмм. Поэма во всех ее разновидностях (сказочная, как „Руслан и Людмила“; пародийная, как „Гавриилиада“; лирическая, как „Кавказский пленник“; историческая, как „Полтава“) нашла в Пушкине неподражаемого мастера. С исключительным успехом культивировал он стихотворную

сказку („О Царе Салтане“, „О попе и работнике его Балде“, „О рыбаке и рыбке“, „О мертвой царевне“, „О золотом петушке“), стихотворную повесть („Граф Нулин“, „Домик в Коломне“) и наконец стихотворный роман („Евгений Онегин“). Стих служил Пушкину и как драматургу („Борис Годунов“, „Русалка“; маленькие трагедии: „Пир во время чумы“, „Каменный гость“, „Скупой рыцарь“, „Моцарт и Сальери“). Значит, стихотворные произведения Пушкина относятся и к лирике, и к эпосу, и к драме.

Стихи в дворянской литературе того времени вообще преобладали над прозой. Но в тридцатых годах художественная проза уже делает огромные завоевания: развивается беллетристика как исторического, так и бытового жанров. В историческом жанре славились тогда романисты М. Н. Загоскин и И. И. Лажечников. Беллетристы, писавшие на реально-бытовые темы, составляли уже большую и пеструю группу: Нарезный, предшественник Гоголя, Булгарин, Бегичев, Погорельский, Степанов, Сенковский, Зинаида Р—ва, Ушаков, В. Ф. Одоевский и многие другие. Среди прозаиков Пушкин также занял руководящее положение. Он верно понял всю законность успехов художественной прозы, внимательно следил за ее ростом, перечитывал и оценивал выходявшие тогда романы и повести и наконец сам перешел к „смирненной прозе“. В области исторической беллетристики Пушкин дал неоконченные романы „Арап Петра Великого“ и „Рославлев“ и, главное, повесть „Капитанская дочка“ (1836). К бытовой беллетристике относятся его произведения: „Повести Белкина“, „Пиковая дама“, „История села Горюхина“ (не окончено). Художественная проза, видно, всё более и более увлекает Пушкина. В его голове рождался сюжет за сюжетом. Он принимается то за один, то за другой. К сожалению, многое осталось неоконченным: перед нами лишь черновые наброски, которые, однако, позволяют угадывать социальную и художественную значимость замыслов.

Работа Пушкина над языком, стихом, художественной прозой, над жанрами—это составные части той творческой работы, которая своей конечной целью имела создание большого художественного стиля. Проблемы стиля в широком

смысле термина стояли тогда на очереди и оживленно дебатировались писателями. Лишь немногие (как, например, Рылеев) с известным безразличием относились к вопросам формы, выдвигая примат содержания. Ход дворянской литературы, как он разворачивался в пушкинское время, выразился в последовательной смене нескольких стилей, которые вместе с тем были стадиями культурного развития.

В течение целого века господство принадлежало стилю классицизма, оформлявшемуся под сильным влиянием французской литературы. Его исключительная живучесть объяснялась не только художественной ценностью теоретических принципов его поэтики, но и полным соответствием психологии дворянского класса в тот исторический период, когда на новых, европейских началах складывалась его культура. Высшие круги дворянского общества, особенно старшее поколение, воспитанное на классицизме, и в первой четверти XIX века продолжало держаться за свой классицизм в его ортодоксальной форме. Но среднедворянская интеллигенция, политически более прогрессивная и хорошо знакомая с новыми течениями в европейских литературах, понимала односторонность такой позиции. В самой Франции и особенно в Германии классицизм уже вступил в новую фазу развития. За французским классицизмом явственнее, чем раньше, выступали контуры античного классицизма. Монополия французов стала терять под собою почву. События Отечественной войны обострили вопрос. Началось развенчивание французской литературы; слышались призывы к „истинному классицизму“ вместе с созданием „истинно-народной словесности“. Классицизм эволюционирует, становится неоклассицизмом. Огромным успехом пользуется „легкая поэзия“. Появляются произведения, которые перерастают старую поэтику и выходят за пределы канона. Таковы пьесы Озерова, гениальная комедия Грибоедова „Горе от ума“ (1824), лирика Батюшкова и т. п.

Когда классицизм переходил в новую стадию своей жизни, складывался второй дворянский стиль—стиль сентиментализма, просуществовавший от шестидесятых годов XVIII века до двадцатых и даже до тридцатых годов XIX века. Он

базировался на психоидеологии среднего, преимущественно провинциального и усадебного дворянства и частью буржуазии, вообще тех слоев, которые жили интересами более узкой общест­венности, семейного и частного быта. Личность частного человека и его интимные переживания, не только социальные, но и индивидуальные, выступают на первый план. Сентиментализм—чувствителен, гуманен и демократичен. Его литературное и общественное значение определяется хотя бы тем, что в этом стиле творили Карамзин, автор „Бедной Лизы“ (1792), Радищев, автор „Путешествия из Петербурга в Москву“ (1790) и лирик Жуковский. С сентиментализмом связана крупная реформа литературного языка и попытки построить новую эстетику. Но сентиментализм оказался непрочным стилем. Сделав свое дело, он очень скоро стал вырождаться, так что самому Карамзину уже приходилось бороться с крайностями и шаблоном чувствительности и напоминать об „истинной чувствительности“. Самый талантливый поэт сентиментализма, Жуковский, потянулся в сторону романтизма.

Романтизм, большой и красивый стиль, возникает, расцветает и угасает при жизни Пушкина, в течение каких-нибудь двух десятилетий, в двадцатых-тридцатых годах XIX века. Захватив наиболее чуткую часть среднедворянской интеллигенции, романтизм был своеобразным протестом против серых будней мещанского прозябания. Отрываясь от действительности, романтик уходил в мечту и отвлеченное мышление, старался уединиться в царство идеалистической философии и „высокой“ поэзии. Несмотря на краткость своего существования русский романтизм развернулся в пышное течение, которое шло по четырем руслам. Можно различать: сентиментальный романтизм (главный представитель—Жуковский), философский романтизм (с князем В. Ф. Одоевским во главе), индивидуалистический романтизм (в частности байронизм) и романтизм народности, ярко выразивший себя в историческом жанре. В жизни дворянской интеллигенции романтизм был новой ступенью ее культурного развития: он принес новое мироощущение и новое миропонимание; целую философию жизни и стройную эстетику

идеалистического типа. Влияние романтизма было огромным и вышло далеко за пределы дворянского класса. Будучи в своей сущности ирреальным, романтизм на русской почве эволюционирует в направлении реализма и незаметно переходит в стиль художественного реализма, который увенчивает собою все творческие искания пушкинской эпохи. Отрицая романтический ирреализм, преодолевая все виды условного реализма (схематический реализм скептицизма и чувствительный реализм сентиментализма), художественный реализм стремится к художественному претворению действительности, созданию образов во всей их психологической полноте и пластической телесности. Это — синтетический стиль литературы.

Ни на минуту не утрачивая своей исключительной самобытности, свойственной каждому гению, Пушкин чутко и глубоко переживал весь ход современной ему литературы. Критически и свободно относился он к каждому стилю, стараясь взять из него всё, что считал ценным. Никакой догме не давал он покорить себя до конца. „Все парнасские секты для меня равны, представляя каждая свои выгоды и невыгоды, — писал он в 1827 г. — Ужели невозможно быть истинным поэтом, не будучи ни закоснелым классиком, ни фанатическим романтиком? Формы, обряды должны ли непременно поработать литературную совесть?“ Доктринеры могли бы усмотреть в этом заявлении беспринципный эклектизм, но в действительности здесь сказывалась многогранность Пушкина, свобода его творческих устремлений и широкий размах его поэзии. Пушкин прошел через все главные стили и остался самим собою. Светлый и гармоничный, какой-то солнечный, он чуждался всего туманного и мистического. Поэтический реализм, одухотворенная земность принадлежали к грунтовым свойствам его психологии, и это одно, помимо всяких теоретических соображений, облегчало ему ориентировку в сложных путях литературной жизни. Воспитанный на литературе XVIII века, Пушкин многим обязан французскому (ортодоксальному) классицизму, но взял отсюда только то, что мог назвать „истинным“, чистым классицизмом. Молодой Пушкин охотно пользуется некоторыми

жанрами классического стиля. Писал он и торжественные оды („Воспоминания в Царском селе“, 1814 г., „На возвращение государя императора из Парижа“, 1815). Но ода—не пушкинский жанр; он не из тех певцов, которые „гремющими хвалами полубогам бессмертие дают“. Впоследствии даже оды Ломоносова Пушкин считал „утомительными и надутыми“. Гораздо больше говорила молодому Пушкину так называемая легкая поэзия классицизма. Его лицейское творчество в значительной своей части относится к жанру легкой поэзии, посвященной прославлению радостей жизни, веселых утех, беззаботной юности и счастья свободы. Литературная традиция пришлась как раз по психологии лицеиста. Классическая стихия прочно вошла в художественное сознание Пушкина. И во французском классицизме (в частности у Буало) он не переставал ценить многое: его трезвость, реализм, художественную четкость. Но, главное, от истинного классицизма Пушкин никогда не отрекался. Он высоко ставил классический мир как фактор европейской культуры. В 1834 г. он писал: „Каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величавой древности“. В тридцатых годах Пушкин проявляет живой интерес к античным поэтам и переводит из них; задумывает повесть из древнеримской жизни, в античном духе сочиняет надписи к статуям Пименова и Логановского (в 1836 г.). Пушкина можно ставить во главе второй стадии в развитии русского классицизма. Это—светлый аполлоновский классицизм. С ним мы встретимся в творчестве поэтов послепушкинского периода: Ап. Майкова, Мейя, Щербины, Фета и др., пока в эпоху символизма не выступит на сцену третий, диониссийский (вакхический) лик классицизма. „Чистый“ классицизм Пушкина легко входил в сочетание с художественным реализмом.

Классический стиль приобрел значение особого типа творчества. Его соперником был стиль романтизма, на который также стали смотреть как на особый тип творчества. Романтизм не только интересовал Пушкина, но и увлекал его. Однако не все разновидности русского романтизма были одинаково приемлемы для него. Очень ценил Пушкин Жу-

ковского; найдутся в его ранних стихах даже следы сентиментально-романтического стиля (напр., „Певец“, 1817). Но сделаться сентиментальным романтиком он не мог. Точно так же прошла мимо Пушкина вся метафизика романтиков (любомудров). Только возвышенная поэтика философского романтизма вызывала в нем сочувственные отклики, подерживая его собственные думы о сущности поэзии и назначении поэта. Байронизм производит на Пушкина двадцатых годов сильнейшее впечатление. Декабризм и байронизм сливаются воедино в его поэтическом настроении. В результате — целая серия лирических (байронических) поэм, от „Кавказского пленника“ (1822) до „Цыган“ (1824). Но Пушкин довольно быстро преодолел свой байронизм. Резко бросалось ему в глаза и вызывало на протест то, что лорд Байрон „прихотью удачной облек в унылый романтизм и безнадежный эгоизм“. Поставленный рядом с Шекспиром, Байрон показался односторонним и слишком субъективным. Зато романтизм народности вызывал в Пушкине глубокое сочувствие и побуждал его искать „истинного романтизма“. Под этим настроением написан „Борис Годунов“. Его „истинный романтизм“ был в сущности художественным реализмом. В основу творчества автор положил не только исторический материал, необходимый для понимания эпохи, но также изучение теории драмы и театра. Идя в значительной степени по следам Шекспира, Пушкин сознательно стремился к „преобразованию драматической нашей системы“. Наряду с классицизмом романтизм помогал Пушкину оформлять его художественный стиль.

В своем творчестве наш поэт держался, так сказать, эволюционного метода, чтобы дать стройный синтез боровшихся начал. Движение, совершавшееся в дворянской литературе более века, нашло свое окончательное оформление в Пушкине.

Мало того: в той или другой степени Пушкин учитывал и литературную жизнь недворянских слоев. Не говоря уже о представителях разночинской литературы, писатели из мещан и крестьян всегда привлекали к себе его внимание. Это — Орлов, Слепушкин, Кольцов и др. Но особенно существенно то, что в своих культурных и художественных иска-

ниях Пушкин придавал огромную важность современной ему устной поэзии „народа“ (лирическим песням, эпическим былям, сказкам) и памятникам старорусской письменности („Слову о полку Игореве“, житиям, летописям), т. е. произведениям, корни которых уходили в глубь московской культуры. Всем этим он широко воспользовался для своего синтетического творчества.

Итак, Пушкин вобрал в себя и творчески переработал всё многообразие элементов современной ему русской литературной жизни. Более того: будучи одним из образованнейших людей своего времени, он был в общении со всем художественным миром Запада. Трудно было бы перечислить всех иностранных писателей, с которыми так или иначе Пушкин соприкасался в своем творчестве. С редкой остротой чувствовал он самые разнородные стили: восточные, средневековые, славянские, германские, романские и т. п. В каждом из них он мог давать тонкие стилизации. В творчестве Пушкина было что-то не только глубоконациональное, но и нечто интернациональное.

В результате не эклектизм, а свой стиль и своя поэтика. Художественный реализм оказался той стихией, где Пушкин чувствовал себя в родной сфере. Замкнув собою литературное брожение своего времени, он наметил новые пути развития и надолго определил судьбу русской литературы

IV.

Поэтическое творчество, по Пушкину, это—священный акт, „священная жертва“ Аполлону. Художники—„единого прекрасного жрецы“. Поэзия ценна уже сама по себе. „Ты спрашиваешь,—пишет Пушкин Жуковскому в 1825 г.,—какая цель у Цыганов? Вот, на! цель поэзии—поэзия, как говорит Дельвиг (если не украл этого)“. Поэт в представлении Пушкина царственно свободен в своем творчестве. Без „искренности вдохновенья“ нет „истинной поэзии“. Эти и подобные мысли похожи на проповедь так наз. чистого искусства, искусства для искусства. Да, порою Пушкин нарочито заострял свои взгляды на поэзию, потому что ему приходилось бороться с „светской чернью“, которая или обнаруживала гру-

бое непонимание сущности творчества, или лицемерно предъявляла к поэзии требование голой поучительности. По верному замечанию Плеханова, „в известные исторические эпохи нежелание метать бисер перед холодной и неразвитой толпой необходимо должно приводить умных и талантливых людей к теории искусства для искусства“. Но Пушкин в сущности далек от самодовлеющего эстетства и чистого формализма. Высокое понимание искусства заставляет его предъявлять к творчеству строгие требования как со стороны формы, так и со стороны содержания. Быстрое забвение ожидает тех писателей, „которые пекутся более о наружных формах слова, нежели о мысли,—истинной жизни его, не зависящей от употребления“. Поэт—пророк, который идет в жизнь, чтобы глаголом жечь сердца людей. Характеризуя Боратынского, Пушкин выдвигал в его поэзии как наиболее ценные стороны независимую мысль, сильное чувство, строгий вкус, живость, точность и художественную простоту выражения, свежесть слога и гармонию стиха. В пушкинское время заново ставился вопрос о художественной прозе. Пушкин много думал об ее поэтике. „Точность, краткость—вот первые достоинства прозы,—писал он.—Она требует мыслей и мыслей: блестящие выражения ни к чему не служат; стихи—дело другое“. Это противопоставление стихов прозе характерно для Пушкина и для всей тогдашней литературы. Проза стоит ближе к жизни, будничнее и деловитее, чем стихи. Но в сущности Пушкин проводил общие принципы своей поэтики, когда от прозы требовал мыслей и точности выражения, когда боролся с „неточностью“, „надутостью“ и „напыщенностью“ слога в прозе, и когда наконец рекомендовал учиться у французов „благоразумному слогу“, ясности и точности языка. Заговорит Пушкин о создании трагедии, и тут, ссылаясь на авторитет Шекспира, в качестве основных „законов драмы“, он выставит „вольное и широкое изображение характеров“, „правдоподобие положений и истину разговора“. Исторические события нужно изображать со всей полнотой и простотой, со всеми буднями, „домашним образом“, чтобы „историческое“ и обыденное стояли рядом, как в самой жизни. Отвергая риторическую напыщенность,

холодную чопорность и фальшивую условность, Пушкин высшую красоту творчества видел в искренности настроения, в честности мысли, в глубине содержания, в изящной простоте и гармонической стройности формы.

Таковы существенные пункты поэтики Пушкина. В своем творчестве он оставался верен изложенным принципам. Правдиво и художественно выразил он свой класс, себя и свою идеологию. В тематике и подборе образов (в эйдологии) виден определенный угол зрения на жизнь.

Лирика Пушкина поражает огромным разнообразием жанров, исключительной гибкостью формы, тонкой музыкальностью, яркой живописностью и наконец неисчерпаемым богатством мотивов. Наш поэт бесспорно принадлежит к величайшим лирикам всемирной литературы. Всегда правдивый и искренний в своем творчестве, Пушкин отобразил в лирике все перипетии своей богатой жизни. Разумеется, всё личное получает здесь художественное претворение, и субъективное становится общезначающим. Жизнерадостная анакреонтика, царившая в лицейских стихах Пушкина, в его „легкой поэзии“, с годами смолкает, но не исчезает совершенно из лирики поэта, который с чисто моцартовской свободой отдавался жизни и умел с артистическим вкусом пить из кубка наслаждений. Наперекор всем невзгодам жизни, Пушкину суждена была неувядаемая молодость души. В 1836 г. он писал: „О, нет, мне жизнь не надоела, я жить хочу, я жизнь люблю! Душа не вовсе охладела, утратив молодость свою“. Пушкин мыслил и переживал жизнь в трех планах: личном, социально-политическом и философском. В бесконечных модуляциях звучит в его поэзии мотив любви. Он—виртуоз любовной лирики. Существенное место в пушкинской лирике занимают, далее, политические и социальные мотивы. Идя в хронологическом порядке, мы легко различим основные этапы в идеологической жизни поэта: впечатления от Отечественной войны, декабризм, защита политического престижа России и отход от политики. Давно названный певцом декабризма, Пушкин своими вольнолюбивыми стихами как бы пропагандировал тогдашние идеи политического радикализма („Деревня“, 1819; „Вольность“, год

написания которой в точности неизвестен; „Кинжал“, 1821 и т. п.). Драма декабристов долго волновала Пушкина и потом („Стансы“, 1826; „Послание в Сибирь“, 1827; „Арион“, 1827). Со второй половины двадцатых годов поэт, повидимому, теряет веру в возможность революционной борьбы. Закономерная эволюция представляется ему высшим историческим принципом. Когда обострился польский вопрос, Пушкин открыто стал на сторону русской государственности и бросил либеральной Европе свой вызов в виде памфлетов „Клеветникам России“ (1831) и „Бородинская годовщина“ (1832). Эти вспышки политического гнева характеризуют известный момент в настроении Пушкина, но не определяют собою всецело его политического мировоззрения. В тридцатых годах поэт даже отходит от политики, как бы убедившись, что он не может принимать в ней реального участия. Поэт-мыслитель, в своих лирических думах Пушкин развивал и общий взгляд на смысл человеческой жизни. Его философия жизни прошла ряд стадий от легкого эпикуреизма юности до преклонения пред высокой святостью жизни. Бывали и скорбные минуты, когда поэт мог написать пессимистические строки: „Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?“ Но до полной безнадежности он никогда не доходил, потому что любил жизнь, хотел жить, „чтоб мыслить и страдать“, а также, чтобы творить и наслаждаться. В его душе не было пустоты, а постоянное кипение творческих сил. Художник спасает человека; искусство не только мирит его с жизнью, но и открывает в ней глубокий смысл. Через искусство приближается он к вечности (ср. „Памятник“, 1836).

Гамма личных, общественных и философских переживаний, которые составляют тематику пушкинской лирики, окрашивает, разумеется, и всё творчество поэта. В аспекте своих переживаний воспринимает он и осмысливает конкретную действительность, выражая ее в художественных образах, имеющих и объективную значимость. В условном стиле байронизма молодой Пушкин показал своих экзотических героев, окружив их легкой, лирической дымкой. Но его байронические герои—Кавказский пленник, Алеко—не про-

стые сколки с героев Байрона. Русский байронический герой вышел мельче, но зато правдивым и жизненным, т. е. дан в уровень с тем байронизмом, который фактически проявлялся в известных кругах общества. В литературные образы поэт вложил много своего, лично пережитого, в связи с настроением декабризма. И к себе самому мог Пушкин применить слова, сказанные о Кавказском пленнике: „Отступник света, друг природы, покинул он родной предел и в край далекий полетел с веселым признаком свободы“. Это—молодая центробежность вольного духа. Кавказский пленник и Алеко носят в своей груди социальный протест против „неволи душных городов“, против жизни, „как песнь рабов однообразной“. Байронические поэмы Пушкина хорошо гармонируют с его вольнолюбивой лирикой, и его байронический герой оживет в Евгении Онегине, вставленном на этот раз в сочную и красивую раму дворянского быта.

Когда сам поэт сдернул романтическую пелену, жизнь предстала в своей нагой простоте, но и в своей многозначительности. Лирический пафос байронических поэм быстро пошел на убыль. В 1824 г. в „Цыганах“ развенчан Алеко, а в декабре 1825 г. уже готова стихотворная повесть „Граф Нулин“. Приемы письма—ярко реалистические. Характер фабулы и нарочито прозаические детали повести шокировали известную часть тогдашней критики. Но Пушкин показал себя здесь большим художником бытовой живописи. Типичны и главные и второстепенные герои. Особенно метко очерчен граф Нулин, тип легкомысленного западника. Повестью „Граф Нулин“, равно как и следовавший за нею, также стихотворной, повестью „Домик в Коломне“ (1829—1830), Пушкин борется с натянутой чопорностью и холодными условностями литературных канонов. Короткие и бойкие, повести пленительны простотой своей композиции и теплой любовью к повседневному быту. Тут именно видишь, что Пушкин любил жизнь во всех ее проявлениях. Высочайшим образцом стихотворного повествования о реальной жизни является роман „Евгений Онегин“ (1823—1831). Роман еще хранит генеалогические следы своего происхождения от байронического древа, но в целом он возвышается

как монументальная постройка реально-художественного стиля. На широком полотне дана картина дворянской жизни двадцатых годов: обе столицы и провинция, усадебное дворянство и деревня, дворянская интеллигенция в лице Онегина и Ленского. Поставив в центре Онегина, автор разом показал несколько культурных слоев и культурных стихий в том живом смешении, как оно наблюдалось в самой реальной действительности. Пушкин намеревался закончить фабулу декабрьским восстанием. Интересно следить, как в романе, с которым автор не расставался почти девять лет, постепенно изменяется эмоциональная и идеологическая окраска действия. „Болтливая лира“ поэта, какой она была в I главе, берет всё более и более серьезные аккорды: философия жизни становится всё возвышеннее и возвышеннее.

Когда роман „Евгений Онегин“ уже приближался к концу, Пушкин переходит к прозаической повести. В 1830 г. были написаны „Повести Белкина“, выдержанные (за исключением, впрочем, „Выстрела“) в простом, бытовом жанре. Сюжеты взяты из жизни уездного дворянства („Метель“, „Барышня-крестьянка“) и из жизни маленьких людей („Гробовщик“, „Станционный смотритель“). „Выстрел“ и стоящая вне серии белкинских повестей „Пиковая дама“ (1833)—психологические новеллы. Глубоко и своеобразно задумана, но, к сожалению, не окончена Пушкиным „История села Горюхина“ (1830), которая в жанре тонкого юмореска изображает помещичью и мужичью Россию. Фактический материал дала автору его жизнь в Болдине. Но Горюхино вырастает до значения символического образа. В стиле разбойничьего романа разворачивается фабула большой повести „Дубровский“ (1832—1833); авантюрная канва не помешала автору дать глубокую картину дворянской жизни. К тридцатым годам относится еще целый ряд набросков Пушкина для будущих повестей и романов, также из жизни дворянского общества. Особенно широко задумывался роман „Русский Пелам“ (1835), которому предстояло быть „Евгением Онегиным“ в прозе. В беллетристике Пушкина использованы все стили, какие были обычны в тогдашней литературе, но

всё переработано самостоятельным гением Пушкина в свой собственный стиль; простота фабулы, уместающейся „в маленькой раме“, и простота всех приемов зарисовки; естественность и, где нужно, простонародность языка; внешняя краткость в соединении с внутренней полнотой, прозрачность формы и глубина содержания.

Художником-реалистом выступает Пушкин и в своем историческом жанре. Интерес к историческому прошлому, проснувшийся в нем очень рано, переходит в сознательный историзм, которым определялось всё его мировоззрение. Трагедия „Борис Годунов“, законченная в 1825 г., но опубликованная целиком лишь в 1830 г., составляет настоящую вежу в творческой жизни Пушкина. Ценность произведения возвышалась еще тем, что трагедия насыщена богатым содержанием; автор развернул здесь свою историческую философию, „государственные мысли историка“. Теми же государственными мыслями внушены стихотворная повесть „Медный всадник“ (1833), где глубокий фон картины занимает фигура Петра I, и исторические произведения в прозе: неоконченный „Арап Петра Великого“ (1827—1830), также неоконченный роман „Рославлев“ (1831) и повесть „Капитанская дочка“ (1836), шедевр его исторической беллетристики.

Понимание исторических судеб России и дворянского класса сливалось в сознании Пушкина с его мыслями о настоящем положении вещей. Процесс его классового самоопределения и его социальные идеи отразились в художественном творчестве. Истории дворянского класса в том или другом отношении посвящены „Арап Петра Великого“, „Родословная моего героя“ (1833) „Медный всадник“ (1833; Евгений — „родов униженных обломков“), „Капитанская дочка“ (1836) и „История села Горюхина“ (1830). В разных вариантах развивается идея об упадке родовитого дворянства. Среднее дворянство более всего привлекает к себе внимание Пушкина: он показывает нам расслоение дворянства, социальный конфликт внутри класса („Дубровский“, 1832; наброски неоконченных и планы неосуществленных произведений тридцатых годов).

„Евгений Онегин“—усадебный роман в самом точном значении этого слова, и Белинский с полным основанием утверждал об авторе романа: „Везде видите вы в нем человека, душою и телом принадлежащего к основному принципу, составляющему сущность изображаемого им класса; короче, всегда видите русского помещика... Он нападает в этом классе на всё, что противоречит гуманности; но принцип класса для него—вечная истина...“ Не обошел Пушкин и междуклассовых отношений. Острая борьба классов показана в „Сценах из рыцарских времен“ (1835). На фоне Пугачевского бунта („Капитанская дочка“, 1836) сталкивается дворянство и крестьянство. Точка зрения автора—дворянская, помещичья. „Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, которым и своя шейка—копейка, и чужая головушка—полушка“.

Как в лирике над мотивами личными и общественными возвышается надстройка из философских дум о жизни человеческой вообще, так и в „маленьких трагедиях“ 1830 года Пушкин разрабатывал мотивы мирового „общечеловеческого“ значения. Это—„Пир во время чумы“, сосредоточивающий мысль читателя на идее жизни и смерти. Это—„Каменный гость“, на мировой мотив дон-жуанизма, ненасытной любви и беспокойного искания красоты. Это—„Скупой рыцарь“, в котором воплощена идея скупости как великой страсти. Это наконец—„Моцарт и Сальери“, где с необыкновенной силой ставится проблема гения и творчества,—проблема, наиболее дорогая Пушкину-художнику. В творчестве в конце концов поэт видит оправдание и высший смысл жизни.

Для огромного содержания Пушкин нашел адекватную форму. В его поэзии сконденсировано колоссальное количество творческой энергии. От прикосновения к ней она разряжается и дает новые творческие эффекты. Не только в области словесного творчества, но и в других областях искусства. Оплодотворенные Пушкиным, композиторы пишут на его слова романсы и оперы (Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков и др.). Скульпторы и живописцы пере-

водят его образы на язык пространственных искусств. Пушкин дарит во всех сферах искусства.

Рассматривая творчество Пушкина в чисто литературном плане, мы видим, что именно через него полнее всего совершалось самоопределение русской литературы, эволюция которой, происходившая при участии различных элементов европейской поэзии (от классицизма до романтизма), должна была завершиться синтезом, т. е. созданием самобытных форм творчества. Как писатель Пушкин является высшим пунктом всего развития русской литературы за полтора века. Его поэзия—самый зрелый ее плод. С другой стороны, в плане культурной эволюции Пушкин подготовлен расцветом дворянской культуры, понятой не в качестве простой копии с европейской цивилизации, а в качестве сознательного синтеза европейских и старорусских начал. Настал момент для культурного самовыявления класса. Этот процесс с гениальной силой выразил Пушкин. Он—художественный синтез целой культурной эпохи. Через культуру своего класса Пушкин был связан с культурой всей Европы. Законный наследник веков минувших, он творил и для веков грядущих. Высокая мысль о суде потомства нашла себе торжественное выражение в стихотворении „Памятник“ (1836).

Судьба Пушкина в потомстве очень показательна для всего хода нашей культурной и литературной жизни. В этом отношении можно различать три главных периода.

Пушкин сам приветствовал появление Гоголя с его „Вечерами“ и даже „Ревизором“. Назревала проблема: Пушкин и Гоголь. Белинский уже в 1835 году писал, что Гоголь является „главою литературы, главою поэтов; он становится на место, оставленное Пушкиным“. Для данного года это было еще преждевременно. Но в сороковых (после I тома „Мертвых душ“, 1842 года) и пятидесятых годах Пушкин и Гоголь уже мыслились как два типа творчества: в первом видели жреца „чистого искусства“, а во втором—социального художника. Нужно было выбирать между ними или мирить их. Появился Лермонтов—новая антитеза, тоже вполне законная. Еще Белинский развивал ее в своих статьях о Лермонтове как о поэте мучительных рефлексий,

как о поэте молодого поколения. Это—первая стадия в переоценке Пушкина. Наступает второй период. Ранние шестидесятники еще хранят пиетет к Пушкину, но Чернышевский не спроста пишет свои известные „Очерки гоголевского периода“. Социальные условия эпохи шестидесятых годов, когда в литературу „разночинец пришел“, порождали протест против дворянской культуры, и Писарев открыто посягнул на славу Пушкина, стремясь развенчать его и низвести до уровня эстетствующего барина. Поэзия Некрасова послужила новым поводом для переоценки Пушкина. У гроба Некрасова (ум. в 1877 г.) разгорелся спор, кто выше: Некрасов или Пушкин? Но замечательно, что и Гоголь, и Лермонтов, и Некрасов преклонялись пред Пушкиным. Оставался он несравненным учителем в искусстве слова и для Тургенева, и для Гончарова, и для Достоевского, и для Толстого. В 1880 г. у памятника Пушкина собралась вся русская литература—и дворянская и разночинская (Глеб Успенский), и писатели дружным хором славили автора „Евгения Онегина“ и „Капитанской дочки“. Достоевский связал его творчество с общечеловеческими свойствами и порывами русского человека. Настала наконец эпоха великой революции. Грандиозные социальные сдвиги и новая „переоценка ценностей“. Возник спор о культурном наследии прошлого. Пушкину грозила опасность, вместе с другими классиками, быть выброшенным „за борт корабля современности“. Но этого не случилось. В числе защитников Пушкина оказался сам В. И. Ленин. Поэты революционной эпохи—Демьян Бедный, Кирилов, Вас. Казин, Безыменский, Сергей Есенин, Пастернак, Маяковский—склонили головы „перед добрым и светлым гением Пушкина“. Пушкин и на этот раз выиграл исторический процесс. Для России Пушкин то же, что Данте—для Италии, Шекспир—для Англии, Гете—для Германии. Критики и историки литературы наших дней стремятся до конца понять творчество Пушкина и дать ему широкое социалистическое освещение. А. В. Луначарский, например, пишет: „Пушкин многолик, отнюдь не мономан. Пушкина невозможно вогнать ни в какую формулу, не выдав себе самому свидетельства в чрезвычайной узости

и педантизме. Конечно, очень многое в идеях Пушкина и в его чувствах принадлежит к области классового дворянства, характеризует собою только его эпоху, далеко уходит за пределы интересного для нас. Но рядом с этим у Пушкина имеется огромное и еще далеко не раскрытое национально-идейное содержание „общечеловеческой значимости“, т. е. предвосхищающее ту „общечеловеческую культуру“, которая „сделается возможной только при законченном коммунизме“.

Пушкин оказался счастливым победителем и при жизни и в потомстве.

П. Сакулин.

СТИХОТВОРЕНИЯ
1826—1836

1826

515. К БОРАТЫНСКОМУ.

Стих каждый повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зоил прямой чухонец.

516. В АЛЬБОМ Е. Н. ВУЛЬФ.

Вот, Зина, вам совет: играйте!
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец —
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

517.

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла, наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,

С такую нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной, легковёрной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

518. ИЗ АРИОСТОВА „ORLANDO FURIOSO“¹.

Canto XXIII ott. 100².

Пред рыцарем блестит водами
Ручей прозрачнее стекла,
Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала
И обсадила древесами.

101.

Луга палит полдневный зной,
Пастух убогий спит у стада,
Устал под латами герой —
Его манит ручья проклада.
Здесь мыслит он найти покой.
И здесь-то, здесь нашел несчастный
Приют жестокий и ужасный.

102.

Гуляя, он на деревьях
Повсюду надписи встречает.
Он с изумленьем в сих чертах
Знакомый почерк замечает;
Невольный страх его влечет,
Он руку милой узнает...
И в самом деле в жар полдневный
Медор с китайскою царевной
Из хаты пастыря сюда
Сам друг являлся иногда.

¹ [«Неистового Роланда»].

² [Песнь XXIII, октава 100].

Орланд их имена читает
 Соединенны вензелём;
 Их буквы каждая гвоздем
 Герою сердце пробивает.
 Стараясь разум усыпить,
 Он сам с собою лицемерит,
 Не верить хочет он, хоть верит,
 Он силится вообразить,
 Что вензеля в сей роще дикой
 Начертаны все—может-быть—
 Другой, не этой Анжеликой.

Но вскоре, витязь, молвил ты:
 „Однако ж эти мне черты
 Знакомы очень... разумею,
 Медор сей выдуман лишь ею,
 Под этим прозвищем меня
 Царевна славил, быть-может“.
 Так басней правду заменя,
 Он мыслит, что судьбе поможет.

Но чем он более хитрит,
 Чтоб утешить свое мученье,
 Тем пуще злое подозренье
 Возобновляется, горит;
 Так в сетке птичка, друг свободы,
 Чем больше бьется, тем сильнее,
 Тем крепче путается в ней.
 Орланд идет туда, где своды
 Гора склонила на ручей.

Кривой, бродящей павиликой
 Завешан был тенистый вход.
 Медор с прелестной Анжеликой
 Любили здесь у свежих вод
 В день жаркий, в тихий час досуга
 Дышать в объятиях друг друга,

И здесь их имена кругом
Древа и камни сохраняли;
Их мелом, углем иль ножом
Везде счастливыцы написали.

107.

Туда пешком печальный граф
Идет и над пещерой темной
Зрит надпись. В похвалу забав
Медор ее рукою томной
В те дни стихами начертал,
Стихи, чувств нежных вдохновение,
Он по-арабски написал,
И вот их точное значение:

108.

„Цветы, луга, ручей живой,
Счастливый грот, прохладны тени,
Приют любви, забав и лени,
Где с Анжеликой молодой,
С прелестной дочерью Галофрона,
Любимой многими—порой
Я знал утехы Купидона.
Чем, бедный, вас я награжу?
Столь часто вами охраненной
Одним лишь только услужу,
Хвалою и просьбою смиренной.

109.

Господ любовников молю,
Дам, рыцарей и всевозможных
Пришельцев, здешних иль дорожных,
Которых в сторону сию
Фортуна заведет случайно —
На воды, луг, на тень и лес,
Зовите благодать небес,
Чтоб нимфы их любили тайно,
Чтоб пастухи к ним никогда
Не гнали жадные стада“.

110.

Граф точно так, как по-латыне,
Знал по-арабски. Он не раз
Спасался тем от злых проказ,
Но от беды не спасся ныне.

111.

Два, три раза и пять, и шесть
Он хочет надпись перечесть;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нет того, что есть,
Он правду видит, видит ясно,
И нестерпимая тоска,
Как бы холодная рука,
Сжимает сердце в нем ужасно,
И, наконец, на свой позор
Вперил он равнодушный взор.

112.

Готов он в горести безгласной
Лишиться чувств, оставить свет.
Ах, верьте мне, что муки нет,
Подобной муке сей ужасной.
На грудь опершись бородой,
Склонив чело, убитый, бледный,
Найти не может рыцарь бедный
Ни вопля, ни слезы одной.

519.

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек
Тиран, предатель или узник.

520. К ЯЗЫКОВУ.

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой
Ты воспоил свою Камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не холодной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородной,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

521—523. ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ.

1.

Как по Волге реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казачи, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвил грозен Стенька Разин:
„Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила.

За меня ли молодца не дремала,
Казачков моих добром наделила.
Что ничем еще тебя мы не дарили".
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В Волгу бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

2.

Ходил Стенька Разин
В Астрахань город
Торговать товаром.
Стал воевода
Требовать подарков.
Поднес Стенька Разин
Камки хрущатые,
Камки хрущатые —
Парчи золотые.
Стал воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая:
Полы-то новы,
Одна боброва,
Друга соболья.
Ему Стенька Разин
Не отдает шубы.
— „Отдай, Стенька Разин,
Отдай с плеча шубу!
Отдашь, так спасибо;
Не отдашь—повешу
Что во чистом поле,
На зеленом дубе
Да в собачьей шубе".
Стал Стенька Разин
Думати думу:
„Добро, воевода.
Возьми себе шубу:
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму“.

Что не конский топ, не людская молвь,
 Не труба трубача с поля слышится,
 А погодушка свищет, гудит,
 Свищет, гудит, заливаётся.
 Зазывает меня, Стеньку Разина,
 Погулять по морю, по синему:
 „Молодец удалой, ты разбойник лихой,
 Ты разбойник лихой, ты разгульный буян.
 Ты садись на ладьи свои скорые,
 Распусти паруса полотняные,
 Побегу по морю, по синему.
 Пригоню тебе три кораблика:
 На первом корабле красно золото,
 На втором корабле чисто серебро,
 На третьем корабле душа-девица“.

524. ПРОРОК.

Духовной жаждою томим,
 В пустыне мрачной я влачился,
 И шестикрылый серафим
 На перепутьи мне явился;
 Перстами легкими, как сон,
 Моих зениц коснулся он:
 Отверзлись вещие зеницы,
 Как у испуганной орлицы.
 Моих ушей коснулся он,
 И их наполнил шум и звон:
 И внял я неба содроганье,
 И горний ангелов полёт,
 И гад морских подводный ход,
 И дольней лозы прозябанье.
 И он к устам моим приник
 И вырвал грешный мой язык
 И празднословный, и лукавой,
 И жало мудрыя змеи
 В уста замершие мои
 Вложил десницею кровавой.

И он мне грудь рассек мечем,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал.
И бога глас ко мне воззвал:
„Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей“.

525. Е. А. ТИМАШЕВОЙ.

Я видел вас, я их читал,
Сии прелестные создания,
Где ваши томные мечтанья
Боготворят свой идеал.
Я пил отраву в вашем взоре,
В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах.
Соперницы *запретной* розы
Блажен бессмертный идеал...
Стократ блажен, кто вам внушал
И много рифм, и много прозы!

526. К С. Ф. ПУШКИНОЙ.

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать
И неизбежную разлуку
В уныньи робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней.
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный, будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

527. И. И. ПУЩИНУ.

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю, святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучем лицейских ясных дней!

528. СТАНСЫ.

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и твёрд,
И памятью, как он, незлобен.

529. ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучной
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне *
Только версты полосаты
Попадаютя одне.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

530. ОТВЕТ Ф. Т***.

Нет, не черкешенка она:
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.

Нет, не агат в глазах у ней:
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

1827

531. В СИБИРЬ.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье,
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч ваш отдадут.

532. СОЛОВЕЙ.

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внимлет
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.

Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь—она цветет; взываешь—нет ответа.

533. ЭПИГРАММА.

Из Антологии.

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!

Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.

534. В АЛЬБОМ КН. П. П. ВЯЗЕМСКОМУ.

Здравствуй, друг мой Павел!
Держись моих правил:
Делай то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажется, что ясно.
Прости, мой прекрасный.

535. РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

Куда ты холоден и сух!
Как слог твой чопорен и бледен!
Как в изобретеньях ты беден!
Как утомляешь ты мой слух!
Твоя пастушка, твой пастух
Должны ходить в овчинной шубе:
Ты их морозишь налегке!
Где ты нашел их: в шустер-клубе,
• Или на Красном кабачке?

Есть роза дивная: она
 Пред изумленною Киферой
 Цветет румяна и пышна,
 Благословенная Венерой.
 Вотще Киферу и Пафос
 Мертвит дыхание мороза —
 Блестит между минутных роз
 Неувядаемая роза...

537. ЕК. НИК. УШАКОВОЙ.

Когда, бывало, в старину,
 Являлся дух иль привиденье,
 То прогоняло сатану
 Простое это изречение:
 „Аминь, аминь, рассыпся!“ В наши дни
 Гораздо менее бесов и привидений;
 Бог ведает, куда девались они.
 Но ты, мой злой иль добрый гений,
 Когда я вижу пред собой
 Твой профиль и глаза, и кудри золотые,
 Когда я слышу голос твой
 И речи резвые, живые —
 Я очарован, я горю
 И содрогаюсь пред тобою,
 И сердцу, полному мечтою,
 „Аминь, аминь, рассыпся!“ говорю.

538. КНЯГИНЕ Э. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Среди рассеянной Москвы,
 При толках виста и бостона,
 При бальном лепете молвы
 Ты любишь игры Аполлона.
 Царица муз и красоты,
 Рукою нежной держишь ты
 Волшебный скипетр вдохновений,

И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется, и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

539. ЕК. Н. УШАКОВОЙ.

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен,—
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

540. К ЯЗЫКОВУ.

К тебе собирался я давно
В немецкий град, тобой воспетый,
С тобой попить, как пьют поэты,
Тобой воспетое вино.
Уж зазывал меня с собою
Тобой воспетый Киселев,
И я с веселою душою
Оставить был совсем готов
Неволю невыходных берегов.
И что ж? Гербовые заботы
Схватили за полы меня,
И на Неве, хоть нет охоты,
Прикованным остался я.
О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалеть?
В долгах, бывало, утопая,
Займодавцев избегая,
Готов был всюду я лететь.

Теперь докучно посещаю
Своих ленивых должников,
Остепенившись, проклиная
Я тяжесть денег и годов.
Прости, певец: играй, пируй,
С Кипридой, Фебом торжествуй,
Не знай сиятельного чванства,
Не знай любезных должников
И не плати своих долгов
По праву русского дворянства.

541. АРИОН.

Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны весла. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный чёлн;
А я—беспечной веры полн,
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик, и пловец —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

542. ТРИ КЛЮЧА.

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности — ключ быстрый и мятежной,
Кипит, бежит, сверкая и журча;
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит;
Последний ключ — холодный ключ забвенья —
Он слаще всех жар сердца утолит.

543. ПОЭТ.

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть-может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепется,
Как пробудившийся орёл.
Тоскует он в забавах мира
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков, и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

544.

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отрыва, утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

545. 19 ОКТЯБРЯ 1827 г.

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

546. ЧЕРЕП.

Прими сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.

Почтенный череп сей не раз
Парами Вакха нагревался;
Литовский меч в недобрый час
По нем со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну, словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Дельвига. Барон,
Конечно, был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жен.
Мой друг, таков был век суровый,
И предок твой крепкоголовый
Смутился б рыцарской душой,
Когда б тебя перед собой
Увидел без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.

Покойником в церковной книге
Уж был давно записан он
И с предками своими в Риге
Вкушал непробудимый сон.
Барон в обители печальной
Доволен, впрочем, был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.
Косматый баловень природы,
И математик, и поэт,
Буян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог,
Короче вам — студент присяжный,
С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах
Явился в Риге. Там спесиво
В трактирах стал он пенить пиво,
В дыму табачных облаков;
Бродить над берегами моря,
Мечтать о Лотхен, или с горя
Стихи писать, да бить жидов.
Студент под лестницею трактира
В каморке темной жил один.
Там, в виде зеркал и картин,
Короткий плащ, картуз, рапира
Висели на стене рядком.
Полуизмаранный альбом,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточных лексикона
Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу.
Предмет занятий разнородных.
Ученого да крыс голодных.

Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищет;
Смеясь над глупой суетой,
В чулане он беспечно свищет.
Умеренность, вещал мудрец,
Сердец высоких отпечаток.
Студент, однако ж, наконец
Заметил важный недостаток
В своем быту: ему предмет
Необходимый был... скелет;
Предмет, философам любезный,
Предмет приятный и полезный
Для глаз и сердца, слова нет.
Но где достанет он скелет?
Вот он однажды в воскресенье
Сошелся с кистером градским
И, тотчас взяв в соображение
Его характер и служенье,
Решился подружиться с ним.
За кружкой пива мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говорит: „Нельзя ль, приятель,
Тебе досужною порою
Свести меня в подвал могильный,
Костями праздными обильный,
И между тем один скелет
Помочь мне вынести на свет?
Клянусь тебе айдеским богом:
Он будет дружбы мне залогом
И до моих последних дней
Красой обители моей“.
Смутился кистер изумленный.
„Что за желанье? что за страсть?
Итти в подвал уединенный,
Встревожить мертвых сон почтенный
И одного из них украсть!
И кто же?.. Он, гробов хранитель!
Что скажут мертвые потом?“

Но пиво, страха усыпитель
И гневной совести смиритель,
Сомненья разрешило в нём.
Ну, так и быть! Дает он слово,
Что к ночи будет всё готово,
И другу назначает час.
Они расстались.

День угас.

Настала ночь. Плащом покрытый,
Стоит герой наш знаменитый
У галлерей гробовой,
И с ним преступный кистер мой,
Держа в руке фонарь разбитый,
Готов на подвиг роковой.
И вот визжит замок заржавый,
Визжит предательская дверь —
И сходят витязи теперь
Во мрак подвала величавый;
Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря,
Идут — и эхо гробовое,
Смущенное в своем покое,
Протяжно вторит звук шагов.
Пред ними длинный ряд гробов;
Везде щиты, гербы, короны;
В тщеславном тлении кругом
Починут непробудным сном
Высокородные бароны...

Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед, коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя вступить, ухватя его за ворот, или погрозив ему костяным кулаком, или как-нибудь иначе оказав свое неудовольствие; к несчастию, похищение совершилось благополучно. Студент по частям разобрал всего барона и набил карманы костями его. Возвратясь домой, он очень искусно связал их проволокою и таким образом составил себе скелет очень порядочный. Но

вскоре молва о перенесении бароновых костей из погреба в трактирный чулан разнеслася по городу. Преступный кистер лишился места, а студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельства не позволяли ему брать с собою *будушего*, то, разобрав опять барона, раздарил он его своим друзьям. Большая часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель Вульф получил в подарок череп и держал в нем табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием.

Прими ж сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделе гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти,
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсара подражай
И скандинавов рай воинский
В пирах домашних воскрешай,
Или, как Гамлет-Боратынский,
Над ним задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповедник,
Вином ли полный, иль пустой,
Для мудреца, как собеседник,
Он стоит головы живой.

547. ТАЛИСМАН.

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
„Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцалуют не любя—
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохрани мой талисман!“

548. АКАФИСТ ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ
КАРАМЗИНОЙ.

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем:
Так посвящаю с умилением
Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес.

549. АНГЕЛ.

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

„Прости — он рек, — тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал“.

550. П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессониц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Храни меня, мой талисман,
 Храни меня во дни гоненья,
 Во дни раскаянья, волненья:
 Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
 Вокруг меня валы ревучи,
 Когда грозою грянут тучи,
 Храни меня, мой талисман.

В уединеньи чуждых стран,
 На лоне скучного покоя,
 В тревоге пламенного боя
 Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
 Души волшебное светило...
 Оно сокрылось, изменило...
 Храни меня, мой талисман.

Пусть же ввек сердечных ран
 Не растравит воспоминанье,
 Прощай надежда, спи желанье,
 Храни меня, мой талисман.

Из Alfieri.

Сомненье, страх, порочную надежду
 Уже в груди не в силах я хранить;
 Неверная супруга я Филиппу
 И сына я его любить дерзаю!..
 Но как же зреть его и не любить?
 Нрав пылкий, добрый, гордый, благородный,
 Высокий ум, с наружностью прекрасной
 Прекрасная душа... Зачем природа
 И небеса таким тебя создали?
 Что говорю? Ах! так ли я успею
 Из глубины сердечной милый образ

Искоренить?—О, если пламень мой
Подозревать он станет! Перед ним
Всегда печальна я; но избегаю
Я встречи с ним. Он знает, что веселье
В Испании запрещено. Кто может
В душе моей читать? Ах, и самой
Не можно мне. И он, как и другие,
Обманется — и станет, как других,
Он убегать меня... Увы, мне, бедной!..
Другого нет мне в горе утешенья,
Окроме слез, и слезы—преступленье.
Иду к себе: там буду на свободе...
Что вижу? Карл!—Уйдем, мне изменит
И речь, и взор,—всё может: ах, уйдем.

553. ЗОЛОТО И БУЛАТ¹.

„Всё мое“,—сказало злато;
„Всё мое“,—сказал булат.
„Всё куплю“,—сказало злато;
„Всё возьму“,—сказал булат.

554.

Не знаю где, но не у нас
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой,
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова об Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким, и пр.

¹ Стихотворения 553-е и 554-е датируются 1827 г. предположительно.

1882

555. СТАНСЫ.

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнании жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Подал—и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленьи,
Его хвалой не воспую?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя назовет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Гнети природы голос нежный!
Он скажет: просвещения плод—
Страстей и воли дух мятежный!

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

556. ПОСЛАНИЕ К ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ,

сочинителю «Сатиры на ироков».

Так элегическую лиру
Ты променял, наш моралист,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта—дельно миру!
Ему полезен розги свист.
Мне жалок очень твой Арист:
С каким усердьем он молился
И как несчастливо играл!
Вот молодежь: погорячился,
Продулся весь и так пропал!
Дамон твой человек ужасной.
Забудь его опасный дом,
Где, впрочем, сознаюсь в том,
Мой друг, ты вел себя прекрасно:
Ты никому там не мешал,
Ариста нежно утешал,
Давал полезные советы
И ни рубля не проиграл.
Люблю: вот каковы поэты!
А то, уча безумный свет,

Порой грешит и проповедник.
Послушай, Персиев наследник,
Рассказ мой:

Некто, мой сосед,
В томленьях благородной жажды,
Хлебнув кастальских вод бокал,
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировал.
Тебе знаком ли сей проказник?
Но встреча с ним была б. мне праздник,
Я с ним готов всю ночь не спать
И до полднего сиянья
Читать моральные посланья
И проигрыш его писать.

557.

Сто лет минуло, как тевтон
В крови неверных окупался;
Страной полночной правил он.
Уже прусак в оковы вдался,
Или сокрылся, и в Литву
Понес изгнанную главу.

Между враждебными берегами
Струился Немен. На одном
Еще над древними стенами
Сияли башни, и кругом
Шумели рощи вековые,
Духов пристанища святые.
Символ германца, на другом
Крест веры, в небо возносящий
Свои объятия грозящи,

Казалось, свыше захватить
Хотел всю область Палемона,
И племя чуждого закона
К своей подошве привлечь.

С медвежьей кожей на плечах,
В косматой рысьей шапке, с пукон
Каленых стрел и с верным луком
Литовцы юные, в толпах,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга следили.
С другой, покрытый шишаком,
В броне закованный, верхом,
На страже немец, за врагами
Недвижно следуя глазами,
Пищаль, с молитвой, заряжал.
Всяк переправу охранял.
Ток Немена гостеприимной,
Свидетель их вражды взаимной,
Стал прагом вечности для них;
Сношений дружных глас утих,
И всяк, переступивший воды,
Лишен был жизни иль свободы.
Лишь хмель литовских берегов,
Немецкой тополью плененный,
Через реку, меж тростников,
Переправлялся дерзновенный,
Брегов противных достигал
И друга нежно обнимал.
Лишь соловьи дубрав и гор
По старине вражды не знали
И в остров, общий с давних пор,
Друг к другу в гости прилетали.

558. В. С. ФИЛИМОНОВУ, ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОЭМЫ
ЕГО „ДУРАЦКИЙ КОЛПАК“.

Вам музы, милые старушки,
Колпак связали в добрый час,

И, прицепив к нему гремушки,
Сам Феб надел его на вас.
Хотелось в том же мне уборе
Пред вами нынче щегольнуть
И в откровенном разговоре
Как вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;
Он поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет.
Итак, в знак мирного привета,
Снимая шляпу, бью челом,
Узнав философа-поэта
Под осторожным колпаком.

559. TO DAWE, ESQr¹.

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофиль.

Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

560. ВОСПОМИНАНИЕ.

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;

¹ [Господину Дау.]

Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

561. ТЫ И ВЫ.

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвись, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою;
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей, „как *вы* милы!“
И мыслю: „как *тебя* люблю!“

562.

26 мая 1828.

Дар напрасный, дар случайной,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

563.

Кобылица молодая,
 Честь кавказского тавра,
 Что ты мчишься, удалая?
 И тебе пришла пора.
 Не косись пугливым оком,
 Ног на воздух не мечи,
 В поле гладком и широком
 Своенравно не скачи.
 погоди; тебя заставлю
 Я смириться подо мной:
 В мерный круг твой бег направлю
 Укороченной уздой.

564. Н. Д. КИСЕЛЕВУ.

Ищи в чужом краю здоровья и свободы,
 Но север забывать грешно.
 Так слушай: поспешай карлсбадские пить воды,
 Чтоб с нами снова пить вино.

565. ПОРТРЕТ.

С своей пылающей душой,
 С своими бурными страстями,
 О жены севера, меж вами
 Она является порой
 И мимо всех условий света
 Стремится до утраты сил,
 Как беззаконная комета
 В кругу расчисленном светил.

566. НАПЕРСНИК.

Твоих признаний, жалоб нежных
 Ловлю я жадно каждый крик:
 Страстей безумных и мятежных
 Как упоителен язык!

Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

567.

Счастлив, кто избран своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При ком любовью млеешь явно,
Чьи взоры властвуют тобой;
Но жалок тот, кто молчаливо,
Сгорая пламенем любви,
Потупя голову ревниво,
Признанья слушает твои.

568. ПРЕДЧУВСТВИЕ.

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может-быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,

Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

569. УТОПЛЕННИК.

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
„Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца“.
„Врите, врите, бесенята,—
Заворчал на них отец:—
Ох, уж эти мне робята!
Будет вам ужо мертвец!

Суд наедет, отвечайка-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?“—„Вон, тятя, э-вот!“
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец:

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;

Он потопленное тело
В воду за ноги тащит
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл, качаясь, как живой.
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
„Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу“.

В ночь погода зашумела,
Взволновалась река.
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатах муж лежит,
Буря вост; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.

„Кто там?“— „Эй,пусти, хозяин!“—
„Ну,какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Чорт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно“.
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится—
Что же? Голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,

Всё в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул;
Гостя голого узнав,
Так и обмер: „чтоб ты лопнул!“
Прошептал он, задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролёт,
И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждёт;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настаёт,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

570.

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
„Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том провести?“

Ворон ворону в ответ:
„Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитой.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого“.

571. 19 ОКТЯБРЯ 1828.

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

572. АНЧАР¹.

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит, один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей,
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь чёрный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей уж ядовит
Стекает, дождь в песок горючий.

¹ Древо яда.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек,
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился холодными ручьями;

Принес—и ослабел, и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напичкал
Свои послушливые стрелы,
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

573. ОТВЕТ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!
Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой:
Он заманит меня потом
Тебе вослед опять за славой.
Не так ли опытный гусар,
Вербую рекрута, подносит
Ему веселый Вакха дар,
Пока воинственный угар
Его на месте не подкосит?
Я сам служивый: мне домой
Пора убраться на покой.

Останься ты в строях Парнаса;
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.

574. ОТВЕТ А. И. ГОТОВЦЕВОЙ.

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет холодно
Привет харит и красоты?
Горжуся им, но и робею:
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветренный зоиц,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.

575.

За Netty сердцем я летаю
В Твери, в Москве—
И R и O позабываю
Для N и W.

576. ЧЕРНЬ.

Procul este, profani¹.

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел, а холодный и надменный,

¹ [Отойдите, непосвященные.]

Кругом народ непосвященной
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
„Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер, песнь его свободна,
Зато, как ветер, и бесплодна:
Какая польза нам от ней?“

Поэт.

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий.
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё—на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь.

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки:
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт.

Подите прочь,—какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело:
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имали вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры.
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор—полезный труд!—
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношение,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

577. И. В. СЛЕНИНУ.

Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
Провозглашает только спесь.
Альбом красавицы уездной,
Альбом домашний и простой,
Милей болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здесь, ни там, скажу я смело,
Являться, впрочем, не хочу;
Но твой альбом другое дело,
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцам Аполлона
Не из тщеславья он открыт:
Цариц ты любишь Геликона
И ими сам не позабыт;

Вхожу в него прямым поетом,
Как в дружеский приятный дом,
Почтив хозяина приветом
И дар молитвенным стихом.

578.

*Fel j'étais autrefois et tel je suis encor*¹.

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиления,
Без робкой нежности и тайного волнения.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой,
А не исправленный стократною обидой
Я новым идолам несу мои мольбы...

579.

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит—
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

580. ЕЕ ГЛАЗА. П

В ответ на стихи князя Вяземского.

Она мила—скажу меж нами—
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.

¹ [Таков я был прежде, таков я и ныне.]

Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля—
В них скромных граций торжество;
Поднимет—ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

581.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальной.

Увы, напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь, и при луне
Черты далекой, бедной девы!..

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь—и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальной.

582. ЦВЕТОК.

Цветок засохший, безуханной,
Забывтый в книге вижу я;

И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной!

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

583. К КАВЕРИНУ. 1817¹.

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои счастливые грехи.
Всё чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;
Усердствуй Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

¹ Стихотворения 583-е и 584-е датируются 1828 г. предположительно

584. ЛЮБОПЫТНЫЙ.

— Что ж нового? — „Ей-богу ничего“.

— Эй, не хитри: ты верно что-то знаешь.

Не стыдно ли, от друга своего,

Как от врага, ты вечно всё скрываешь.

Иль ты сердит? помилуй, брат, за что?

Не будь упрям: скажи ты мне хоть слово...

„Ох! отвяжись, я знаю только то,

Что ты дурак, да это уж не ново“.

1829

585. ЕЛ. Н. УШАКОВОЙ.

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида,
Что легким станом вы Сильфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза
Пред вами—шум и суета.
Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком—
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не заграждал.

586.

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.

Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех, и хитрый взор.
Если ж нет... по прежнему следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

587. ПРИМЕТЫ.

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивой.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

588. ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ.

В Элизии Василий Тредьяковский
(Преострый муж, достойный много хвал)
С усердием принялся за журнал.
В сотрудники сам вызвался Поповский,
Свои статьи Елагин обещал;
Курганов сам над критикой хлопочет,
Блеснуть умом „Письмовник“ снова хочет;
И, говорят, на-днях они начнут,
Благословясь, сей преполезный труд,—
И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел Михайло Каченовский.

589. ЭПИГРАММА.

Журналами обиженный жестоко,
Зоил Пахом печалился глубоко;
На цензора вот подал он донос;
Но цензор прав,—нам смех, зоилу нос.
Иная брань, конечно, неприличность,
Нельзя писать: *Такой-то де старик,*
Козел в очках, плютавый клеветник,
И зол, и подл: всё это будет личность.
Но можете печатать, например,
Что господин парнасский старове́р
(*В своих статьях*) бессмыслицы оратор,
Отменно вял, отменно скучноват,
Тяжеловат и даже глуповат;
Тут не лицо, а только литератор.

590.

Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций,
Проигрывал ты кучки ассигнаций,
И серебро, наследие отцов,
И лошадей и даже кучеров—
И с радостью на карту, на злодейку,
Поставил бы тетрадь своих стихов,
Когда б твой стих ходил хотя в копейку.

591. ЭПИГРАММА.

Там, где древний Кочерговский
Над Ролленем опочил,
Дней новейших Тредьяковский
Колдовал и ворожил:
Дурень, к солнцу став спиною,
Под холодный Вестник свой
Прыскал мертвою водою,
Прыскал ижицу живой.

592. КАЛМЫЧКЕ.

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног;
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не кропишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: „Ma dov'è“¹,
Галоп не прыгаешь в собрание...
Что нужды?—Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не всё ль одно и то же:
Забиться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

¹ [«Но где».]

593.

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
 Шумит Арагва предо мною.
 Мне грустно и легко; печаль моя светла;
 Печаль моя полна тобою,
 Тобой, одной тобой... Унынья моего
 Ничто не мучит, не тревожит,
 И сердце вновь горит и любит—оттого,
 Что не любить оно не может.

594.

Лагерь при Евфрате.

Не пленяйся бранной славой,
 О красавец молодой!
 Не бросайся в бой кровавой
 С карабахскою толпой!
 Знаю: смерть тебя не встретит;
 Азраил, среди мечей,
 Красоту твою заметит—
 И пощада будет ей!
 Но боюсь: среди сражений
 Ты утратишь навсегда
 Скромность робкую движений,
 Прелесть неги и стыда!

595. САПОЖНИК.

Притча.

Картину раз высматривал сапожник
 И в обуви ошибку указал;
 Взяв тотчас кисть, исправился художник.
 Вот, подбочась, сапожник продолжал:
 „Мне кажется, лицо немного криво...
 А эта грудь не слишком ли нага?..“
 Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
 „Суди, дружок, не свыше сапога!“

Есть у меня приятель на примете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах;
Но чорт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

596—597. НА КАРТИНКИ К „ЕВГЕНИЮ
ОНЕГИНУ“ В „НЕВСКОМ АЛЬМАНАХЕ“.

1.

Вот перешед чрез мост Кокушкин,
Опершись - - о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосье Онегиным стоит.
Не удостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодезь, милый мой.

2.

Сосок чернеет сквозь рубашку,
Наружу - - - — милый вид!
Татьяна мнет в руке бумажку,
Зане живот у ней болит:
Она затем поутру встала
При бледных месяца лучах
И на - - - изорвала
Конечно, „Невский альманах“.

598.

Счастлив ты в прелестных дурах,
В службе, в картах и в пирах;
Ты St.-Priest в карикатурах,
Ты Нелединский в стихах;
Ты прострелен на дуеле,
Ты разрублен на войне—
Хоть герой ты в самом деле,
Но повеса ты вполне.

599. КАВКАЗ.

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по значным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчитсЯ Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущельи,
Где Терек играет в свирепом весельи;

Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной,
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной....
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

600. МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ.

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатёр
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе рею, ковчег,
Парит, чудь видным, над горами.

Далекий, возделенный брег!
Туда б, сказав „прости“ ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..

601. К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ.

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку
И гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычев,
В лице и в жизни арлекин.

602. ДОН.

Блеща средь полей широких,
Вон он льется!... Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далёких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

603. ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ.

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,

На камнях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, об невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

604.

Как сатирой безымянной
 Лик зоила я пятнал,
 Признаюсь: на вызов бранной
 Возражений я не ждал.
 Справедливы ль эти слухи?
 Отвечал он? Точно ль так?
 В получении оплеухи
 Расписался мой дурак?

605. ОБВАЛ.

Дробясь о мрачные скалы,
 Шумят и пенятся валы,
 И надо мной кричат орлы,
 И ропщет бор,
 И блещут средь волнистой мглы
 Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
 И с тяжким грохотом упал,
 И всю теснину между скал
 Загородил,
 И Терека могущий вал
 Остановил.

Вдруг, истошась и присмирив,
 О Терек, ты прервал свой рев;
 Но задних волн упорный гнев
 Прошиб снега...
 Ты затопил, освирепев,
 Свои берега.

И долго прорванный обвал
 Неталой грудой лежал,
 И Терек злой под ним бежал,
 И пылью вод,
 И шумной пеной орошал
 Ледяный свод.

И путь по нем широкий шёл:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вёл
 Степной купец,
Где нынче мчится лишь Эол,
 Небес жилец.

606.

2 ноября.

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и позднее уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет,
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно, глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сажу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманной.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.

Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы),
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечером,
И вальсы резвые, и шопот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

607. ЗИМНЕЕ УТРО.

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный—
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела—
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;

Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

608.

Я вас любил: любовь еще, быть-может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем,
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

609.

(При посылке бронзового Сфинкса)

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
Кто славянин молодой, грек духом, а родом германец?
Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

610. ЛЕГЕНДА.

Был на свете рыцарь бедный
Молчаливый, как святой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и простой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
Он увидел у креста
На пути Марию-деву,
Матерь господа Христа.

С той поры, заснув душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

Никогда стальной решетки
Он с лица не подымал,
А на грудь святые четки,
Вместо шарфа навязал.

Тлея девственной любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Sancta virgo ¹, кровью
Написал он на щите.

Петь псалом отцу и сыну
И святому духу ввек
Не случалось паладину—
Был он странный человек.

[Радуйся, святая дева.]

Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней страстны очи,
Тихо слёзы лья рекой.

Между тем как паладины
Мчались грозно ко врагам
По равнинам Палестины,
Именуя нежных дам,

*Lumen coeli, Sancta Rosa!*¹
Восклицал всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальний,
Жил он будто заключен,
И, влюбленный и печальной,
Без причастья умер он.

Как с кончиной он сражался,
Бес лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Утащить он в свой предел.

Он де богу не молился,
Он не ведал де поста,
Целый век де волочился
Он за матушкой Христа.

Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

¹ [Свет небесный, святая роза!]

611. ЭПИГРАММА.

Мальчишка Фебу гимн поднес.
„Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лет ему, вопрос?“
„Пятнадцать“. — „Только-то? Эй, розгу!“
За сим принес семинарист
Тетрадь лакейских диссертаций,
И Фебу вслух прочел Гораций,
Кусая губы, первый лист.
Отяжелев, как от дурмана,
Сердито Феб его прервал
И тотчас взрослого болвана
Поставить в палки приказал.

612. ОЛЕГОВ ЩИТ.

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатной
На цареградских воротах.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

613.

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,

В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
 Где Тасса не поет уже ночной гребец,
 Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
 Где кипарисные благоухают рощи,
 Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
 Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
 Забуду ль гордую, мучительную деву,
 Или к ее ногам, ее младому гневу,
 Как дань привычную, любовь я принесу?

614.

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
 Вхожу ль во многолюдный храм,
 Сижу ль меж юношей безумных,
 Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
 И сколько здесь ни видно нас,
 Мы все сойдем под вечны своды—
 И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
 Я мыслю: патриарх лесов
 Переживет мой век забвенный,
 Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
 Уже я думаю: прости!
 Тебе я место уступаю:
 Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
 Привык я думой провождать,
 Грядущей смерти годовщину
 Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладевший прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать;
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

615. ДЕЛИБАШ.

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?...
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

616. СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ.

Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки.
Крылов.

Мое собрание насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где ни рылся я!
Зато, какая сортировка!
Вот ** <Глинка>—божия коровка,
Вот *** <Каченовский>—злой паук,
Вот и ** <Свиньин>—российский жук,
Вот ** <Олин>—черная мурашка.
Вот ** <Раич>—мелкая букашка.
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.

617.

Когда твои молодые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права,

Один, среди толпы холодной,
Твои страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.

Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.

Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья—
К забвенью сердце приготовь;

Не пей мучительной отравы,
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.

618.

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобной
Узору надписи надгробной,
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно.
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

619. ЭПИГРАММА ¹.

Седой Свистов! ты царствовал со славой;
Пора, пора! сложи с себя венец:
Питомец твой молодой, цветущий, здоровый,
Тебя сменит, великий наш певец!
Се: внимлет мне маститый собеседник,
Свершается судьбины произвол,
Является молодой его наследник;
Свистов II вступает на престол!

¹ Стихотворение 619-е датируется 1829 г. предположительно.

1830

620.

Язык и ум теряя разом,
Гляжу на вас единым глазом:
Единый глаз в главе моей.
Когда б судьбы того хотели,
Когда б имел я сто очей,
То все бы сто на вас глядели.

621. ОТВЕТ.

Я вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной пестроте
Сих недописанных каракул,
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву! в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылой,
Здесь речи—лед, сердца—гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.

В часы забав иль праздной скуки,
 Бывало, лире я моей
 Вверял изнеженные звуки
 Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
 Невольно звон я прерывал,
 Когда твой голос величавой
 Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
 И ранам совести моей
 Твоих речей благоуханных
 Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
 Мне руку простираешь ты,
 И силой кроткой и любовной
 Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима,
 Отвергла мрак земных сует,
 И внемлет арфе серафима
 В священном ужасе поэт.

623. НА БУЛГАРИНА.

Не то беда, что ты поляк:
 Костюшко лях, Мицкевич лях!
 Пожалуй, будь себе татарин,—
 И тут не вижу я стыда;
 Будь жид—и это не беда;
 Беда, что ты Видок Фиглярин.

624. СОНЕТ.

Scorn not the sonnet, critic.

Wordsworth ¹.

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камозэнс облакал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненной.
Свои мечты мгновенно заключал.

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы.

625. К ВЕЛЬМОЖЕ.

Москва.

От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля, струясь, дохнет зефир,
Лишь только первая позеленеет липа,
К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались.

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий, ясный век
Еще ты с молодую умно разнообразил,
Искал возможного, умеренно проказил;

¹ [Не презирай сонета, критик. Вордсворт.]

Чредою шли к тебе забавы и чины.
Посланник молодой увенчанной жены,
Явился ты в Ферней—и циник поседельй,
Умов и моды вождь пронырливый и смельй,
Свое владычество на севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.
С тобой веселости он расточал избыток,
Ты лесть его вкусил, земных богов напиток.
С Фернеем распростясь, увидел ты Версаль.
Пророческих очей не простирая вдаль,
Там ликовало всё. Армида молодая,
К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветреным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?
Но ты не изнемог от сладкой их отравы;
Ученье делалось на время твой кумир:
Уединялся ты. За твой суровый пир
То чтитель промысла, то скептик, то безбожник,
Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедывал. И скромно ты внимал
За чашей медленной афею иль деисту,
Как любопытный скиф афинскому софисту.

Но Лондон звал твое внимание. Твой взор
Прилежно разобрал сей двойственный собор:
Здесь натиск пламенный, а там отпор суровой.
Пружины смелые гражданственности новой.

Скучая, может-быть, над Темзою скупой,
Ты думал дале плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснул перед тобою.
Он угадал тебя: в пленительных словах
Он стал рассказывать о ножках, о глазах,
Об неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит сладострастно,

Как пылкий отрока восторгов полный сон,
Где жены вечером выходят на балкон,
Глядят и, не страшась ревнивого испанца,
С улыбкой слушают и манят иностранца.
И ты, встревоженный, в Севиллу полетел.
Благословенный край, пленительный предел!
Там лавры зыблются, там апельсины зреют...
О, расскажи ж ты мне, как жены там умеют
С любовью набожность умильно сочетать,
Из-под мантильи знак условный подавать;
Скажи, как падает письмо из-за решетки,
Как златом усыплен надзор утрюмой тетки;
Скажи, как в двадцать лет любовник под окном
Трепещет и кипит, окутанный плащом.

Всё изменилось. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотину Версаль и Трианон
И мрачным ужасом смененные забавы.
Преобразился мир при громах новой славы.
Давно Ферней умолк. Приятель твой Вольтер,
Превратности судеб разительный пример,
Не успокоившись 'и в гробовом жилище,
Доныне странствует с кладбища на кладбище.
Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептический причёт,
И колкий Бомарше, и твой безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мненья, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя
Всё новое кипит, бывшее истребя.
Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились молодые поколения.
Жестоких опытов сбирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свесть приход.
Им некогда шутить, обедать у Темиры,
Иль спорить о стихах. Звук новой, чудной лиры,
Звук лиры Байрона развлечь едва их мог.

Один всё тот же ты. Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговор свободной
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой.
Беспечно окружась Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем крутообразный.

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат,
Вельможи римские встречали свой закат.
И к ним издалека то воин, то оратор,
То консул молодой, то сумрачный диктатор
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь.

626. ПОЭТУ.

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородной.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

627. МАДОННА.

Не множеством картин старинных мастеров
Украстить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом утлу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель—

Она с величием, он с разумом в очах—
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

628. НОВОСЕЛЬЕ.

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес—а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.

Ты счастлив: ты свой домик малой,
Обычай мудрости храня,
От злых забот и лени вялой
Застраховал, как от огня.

629. БЕСЫ.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;

Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

„Эй, пошёл, ямщик!..“ — „Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи,
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плает на меня;
Вон—теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой“.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... — „Что там в поле?“
„Кто их знает? пень иль волк?“

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;

Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собрались
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

630. ЭЛЕГИЯ.

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино—печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревожненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И, может быть—на мой закат печальной
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

631. ОТВЕТ АНОНИМУ.

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим,
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык—
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылой,
Ударит по сердцам с неведомою силой,—
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагодарною кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнание, заточенье,—
„Тем лучше,—говорят любители искусств:—
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст“. Но счастье поэта
Меж ними не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...

.

632. ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.

Дева печально сидит, праздный держа черепок.

Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;

Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

В последний раз твой образ милой
 Дерзаю мысленно ласкать,
 Будить мечту сердечной силой
 И с негой робкой и унылой
 Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
 Меняя всё, меняя нас—
 Уж ты для страстного поэта
 Могильным сумраком одета,
 А для тебя поэт угас.

Прими же, дальная подруга,
 Прощанье сердца моего,
 Как овдовевшая супруга,
 Как друг, обнявший молча друга
 Перед изгнанием его.

634. ПАЖ ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОД.

C'est l'âge de Chérubin...¹

Пятнадцать лет мне скоро минет;
 Дождусь ли радостного дня?
 Как он вперед меня подвинет!
 Но и теперь никто не кинет
 С презреньем взгляда на меня.

Уж я не мальчик—уж над губой
 Могу свой ус я зацепнуть;
 Я важен, как старик беззубой;
 Вы слышите мой голос грубой,
 Попробуй кто меня толкнуть.

Читал я „Федру“ и „Заиру“,
 Как злой гусар, сию верхом
 И показать могу я миру,

¹ [Это возраст Керубино.]

Что мастерски держу рапиру
И ею правлю, как мечом.

[Я нравлюсь дамам, ибо скромн,
И между ими есть одна...
И гордый взор ее так томен,
И цвет ланит ее так тѣмен,
Что жизни мне милей она.]

Она строга, властолюбива,
Я сам дивлюсь ее уму—
И ужас как она ревнива;
Зато со всеми горделива
И мне доступна одному.

Вечор она мне величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядеть налево и направо,
То даст она мне яду;—право—
Вот какова ее любовь!

[Давно я только сплю и вижу,
Чтоб за нее подраться мне,
Вели она—весь мир обижу,
Пройду от Стрельны до Парижу,
Рубясь, пешком иль на коне.]

Она готова хоть в пустыню
Бежать со мной, презрев молву.
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню?...
Нет! ни за что не назову!

635.

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком, и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тотчас разбужу.
Проснется ли, старый,
Тотчас уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?... Уж нет ли
Соперника здесь?...

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком, и сном.

636.

Румяный критик мой, насмешник толстопузой;
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогой,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса,
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед,

Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал, да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.
Что ж ты нахмурился?—Нельзя ли блажь оставить!
И песенкою нас веселой позабавить?—

Куда же ты?—В Москву—чтоб графских имен
Мне здесь не прогулять.

—Постой—а карантин!

Ведь в нашей стороне индийская зараза.
Сиди, как у ворот утрюмого Кавказа
Бывало сиживал покорный твой слуга;
Что, брат? уж не трунишь, тоска берет—ага!

637. ОТРОК.

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

638. РИФМА.

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня.
Феб, увидев ее, страстию к ней воспыал.
Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога;
Меж говорливых наяд, мучась, она родила
Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина.
Резвая дева росла в хоре богинь аонид,
Матери чуткой подобна, послушная памяти строгой,
Музам мила; на земле Рифмой зовется она.

639. МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские, толпой,
Меня зовут аристократом.
Смотри, пожалуй, вздор какой!

Не офицер я, не ассессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рождением знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломок
(И по несчастью не один)
Бояр старинных я потомок;
Я братцы, мелкий мещанин.

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князья не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава богу, мещанин.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV, пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолы и коварство,
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.

Бывало, нами дорожили;
Бывало.... но—я мещанин.

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой,
Умен покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил,
И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь утомонил.
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец.
Я сам большой, я мещанин.

*Post scriptum*¹.

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

¹ [Приписка.]

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин,
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?.. он в Мещанской дворянин.

640.

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут—и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил—
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

Там веры чистый луч потух,
Там жены по базару ходят,

На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорной,
Многодорожный наш Арзрум:
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой неистовой и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Мы к женам, как орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят.

Алла велик!

К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар—
Тогда нас буря долу гнула,
И пал неслыханный удар.
От Рущука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликая псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща в объятиях пожаров,
Валились дома янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях скорчась мертвецы
Окоченелые чернели.
Алла велик—тогда султан
Был духом гнева обуян.

641. ЗАКЛИНАНИЕ.

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы—
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, холодна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальная звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне всё равно, сюда! сюда!..

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но тоскуя
Хочу сказать, что всё люблю я,
Что всё я твой: сюда, сюда!

642. ГЕРОЙ.

Что есть истина?

Д р у г.

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.

За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.
На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной
Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

Поэт.

Всё он, всё он—пришлец сей бранный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

Друг.

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?
Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;
Тогда ли, как хватает знамя
Иль жезл диктаторский; тогда ль,
Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,
Иль как Москва пустынно блещет,
Его приемля,—и молчит?

Поэт.

Нет, не у счастья на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем Кесаря на троне;
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,

Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.
Не та картина предо мною!
Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь, ходит меж одрами
И холодно руку жмет чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнью своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

Друг.

Мечты поэта—

Историк строгий гонит вас!
Увы! его раздался глас¹,—
И где ж очарованье света!

Поэт.

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности холодной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! что же
Он будет без него? Тиран!..

Друг.

Утешься.....

Москва,

29 сентября 1830 г.

¹ Mémoires de Bourrienne. [Мемуары Бурьенна.]

643. СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ,
ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ.

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот:
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

644. ЭПИГРАММА.

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.

645. НА ПЕРЕВОД ИЛИАДЫ.

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

646.

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальной
Я долго плакал пред тобой.

Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшного разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: „В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим“.

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой—
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

647. ТРУД.

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

648.

Пред испанкой благородной
Двое рыцарей стоят,
Оба смело и свободно
В очи прямо ей глядят.

Блещут оба красотою,
Оба сердцем горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни им она дороже
И, как слава, им мила:
Но один ей мил—кого же
Дева сердцем избрала?
„Кто, реши, любим тобою?“
Оба деве говорят
И с надеждой молодою
В очи прямо ей глядят.

649.

Here's a health to thee, Mary¹.

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один без гостей
Пью за здравие Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливых дней
Пусть не ведает Мери.

¹ [Твое здоровье, Мери.]

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
 Глухой кричал: моя им сведена корова!
 Помилуй, возопил глухой тому в ответ:
 Сей пустошью владел еще покойный дед.
 Судья решил: „чтоб не было разврата,
 Жените молодца, хоть девка виновата“.

651. ЦЫГАНЫ.

Над лесистыми берегами,
 В час вечерней тишины,
 Шум и песни под шатрами,
 И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
 Узнаю твои костры:
 Я бы сам в иное время
 Провождал сии шатры.

Завтра с первыми лучами
 Ваш исчезнет вольный след,
 Вы уйдете—но за вами
 Не пойдет уж ваш поэт.

Он бродящие ночлеги
 И проказы старины
 Позабыл для сельской неги
 И домашней тишины.

652¹.

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
 Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
 Стенаньем, криками вакханки молодой,
 Когда, вясь в моих объятиях змеей,

¹ Стихотворение 652-е датируется 1830 г. предположительно.

Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий.

О, как милее ты, смиренница моя,
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склонясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И разгораешься потом всё боле, боле—
И делишь наконец мой пламень поневоле.

1831

653. КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ.

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас?—волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет?—вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
 Что на развалинах пылающей Москвы
 Мы не признали наглой воли
 Того, под кем дрожали вы?
 За то ль, что в бездну повалили
 Мы тяготеющий над царствами кумир
 И нашей кровью искупили
 Европы вольность, честь и мир?
 Вы грозны на словах—попробуйте на деле!
 Иль старый богатырь, покойный на постеле,
 Не в силах завинтить свой измайловский штык?
 Иль русского царя уже бессильно слово?
 Иль нам с Европой спорить ново?
 Иль русский от побед отвык?
 Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
 От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
 От потрясенного Кремля
 До стен недвижимого Китая,
 Стальной щетиною сверкая,
 Не встанет русская земля?
 Так высылайте ж нам, витии,
 Своих озлобленных сынов:
 Есть место им в полях России,
 Среди нечуждых им гробов.

654. БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великий день Бородина
 Мы братской тризной поминая,
 Твердили: „Шли же племена,
 Бедой России угрожая;
 Не вся ль Европа тут была?
 А чья звезда ее вела!..
 Но стали ж мы пятою твердой
 И грудью приняли напор
 Племен, послушных воле гордой,
 И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег;
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь—
Хмельна для них славянów кровь;
Но тяжело будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под знаком северных полей!

Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прощенные гости!
Уж Польша вас не поведет:
Через ее шагнете кости!..“
Сбылось—и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый—
И бунт раздавленный умолк.

В бореньи падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии;
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?

Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Куда отвиним строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Вольнь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали—
Смотрите ж: всё стоит она!
А вокруг ее волненья пали—
И Польши участь решена...

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!...
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид.
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы.
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

655.

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Всё спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
„Иди, спасай!“ Ты встал—и спас...

Внемли ж и днесь наш верный глас,
Встань и спасай царя и нас,
О старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,
Кто твой наследник, твой избранный!
Но храм—в молчанье погружен,
И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон...

656. ЭХО.

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом,—
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Ты внимлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов—
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

1832

657. МАЛЬЧИКУ.

Из Кагулла.

Minister vetuli puer¹.

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мне наполни, мальчик:
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
Ты же прочь, речная влага—
И струей, вину враждебной,
Строгих постников довольствуй:
Чистый нам любезен Бахус.

658. В АЛЬБОМ А. О. СМИРНОВОЙ.

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодной,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И, как дитя, была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

¹ [Мальчик, прислужник пира.]

659. В АЛЬБОМ КЖ. А. Д. АБАМЕЛЕК.

Когда-то (помню с умилением)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели: с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою, и вами,
Как нянька старая, горжусь.

660. КРАСАВИЦА.

В альбом гр. Е. М. Завадовской.

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей:
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сияньи исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье;
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговей богомольно
Перед святыней красоты.

661. В АЛЬБОМ.

Гонимый рока самовластьем
От пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать с участием
То место, где цветете вы.

Столичный шум меня тревожит;
Всегда в нем грустно я живу—
И ваша память только может
Одна напомнить мне Москву.

662. К ***.

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселья, мир души, беспечные досуги,
Всё—даже счастье того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

663. В. АЛЬБОМ.

Долго сих листов заветных
Не касался я пером;
Виноват, в столе моем
Уж давно без строк приветных
Залежался твой альбом.
В именины, очень кстати,
Пожелать тебе я рад
Много всякой благодати,
Много сладостных отрад,
На Парнасе много грома,
В жизни много тихих дней,
И на совести твоей
Ни единого альбома
От красавиц, от друзей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большая часть этих песен взята мною из книги, вышедшей в Париже в конце 1827 г. под названием: *La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégovine*². Неизвестный издатель говорил в своем предисловии, что, собирая некогда безыскусственные песни полудикого племени, он не думал их обнародовать, но что потом, заметив распространяющийся вкус к произведениям иностранным, особенно к тем, которые в своих формах удаляются от классических образцов, вспомнил он о собрании своем и, по совету друзей, перевел некоторые из сих поэм, и проч. Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как Мериме, острый и оригинальный писатель, автор *Театра Кларь*, *Газюль*, *Хроники времен Карла IX*, *Двойной Ошибки* и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы. Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в славенской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них странную диссертацию.

Мне очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен: С. А. Соболевский, по моей просьбе, писал о том к Мериме, с которым был он коротко знаком, и в ответ получил следующее письмо:

Paris. 18 Janvier 1835.

Je croyais, Monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est pro-

¹ Стихотворения с 664-го по 679-е датируются 1832 г. предположительно.

² [Гузла, или избранные иллирийские стихотворения, собранные в Далмации, Боснии, Кроации и Герцеговине.]

phète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier était de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grâce 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avons formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire; arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des anglais et des allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis de là à Raguse. La proposition fut adoptée mais nous étions fort légers d'argent et cette «douleur nompareille» comme dit Rabelais nous arrêta au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire, on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passais l'automne à la campagne. On déjeunait à midi et jè me levais à dix heures, quand j'avais fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Bonialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitulé *Dei costumi dei Morlachi*, dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan Aga qui est réellement illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnais une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étaient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de pa-

tience, j'obtins le mot à mot, mais j'étais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la ballade de Hassan Aga, et l'avait traduite sur la traduction poétique de l'abbé, en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est:

Sto se bieli u **gorje zelenoi**

Fortis a traduit:

Che mai biancheggia nel verde **Bosco**.

Nodier a traduit bosco par **plaine verdoyante**; c'était mal tomber, car on me dit que **gorje** veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч. ¹.

[Париж, 18 января 1835 г.]

¹ Я думал, милостивый государь, что у Гузлы было только семь читателей, в том числе вы, я и корректор; с большим удовольствием узнаю, что могу причислить к ним еще двух, что составляет в итоге приличное число девять и подтверждает поговорку — никто не пророк в своем отечестве. Ответу на ваши вопросы чистосердечно. Гузлу я написал по двум мотивам, — во-первых, я хотел посмеяться над «местным колоритом», в который мы слепо ударился в лето от рождества Христова 1827. Для объяснения второго мотива расскажу вам следующую историю. В том же 1827 году, мы с одним из моих друзей задумали путешествие по Италии. Мы набрасывали карандашом по карте наш маршрут. Так мы прибыли в Венецию — разумеется, на карте — где нам надоели встречавшиеся англичане и немцы, и я предложил отправиться в Триест, а оттуда в Рагузу. Предложение было принято, но кошельки наши были пусты, и эта «несравненная скорбь», как говорил Рабле, остановила нас на полдороге. Тогда я предложил сначала описать наше путешествие, продать издателю и вырученные деньги употребить на то, чтобы проверить, во многом ли мы ошиблись. На себя я взял собиравшие народные песни и перевод их: мне было выражено недоверие, но на другой же день я доставил моему товарищу по путешествию пять или шесть переводов. Осень я провел в деревне. Завтрак у нас был в полдень, я же вставал в десять часов; выкурив одну или две сигары и не зная, чем заняться до прихода дам в гостиную, я писал баллады. Из них составилась томик, который я издал под большим секретом и мистифицировал им двух или трех лиц. Вот источники, откуда я почерпнул этот столь превознесенный «местный колорит»: во-первых, небольшая брошюра одного французского консула

в Баньялуке. Ее заглавие я позабыл, но дать о ней понятие не трудно. Автор старается доказать, что босняки — настоящие свиньи, и приводит этому довольно убедительные доводы. Местами он приводит иллирийские слова, чтобы похвастать своим знанием (на самом деле, быть-может, он знал не больше моего). Я старательно собрал все эти слова и поместил их в примечания. Затем я прочел главу: *Dei costumi dei Morlachi* [Об обычаях морлаков] из «Путешествия по Далмации» Фортиса. Там я нашел текст и перевод чисто иллирийской запляски жены Ассана-Аги; но песня эта переведена стихами. Мне стоило большого труда получить построчный перевод, для чего приходилось сопоставлять повторяющиеся слова самого подлинника с переложением аббата Фортиса. При некотором терпении, я получил дословный перевод, но относительно некоторых мест всё еще затруднялся. Я обратился к одному из моих друзей, знающему по-русски, прочел ему подлинник, выговаривая его на итальянский манер, и он почти вполне понял его. Но самое замечательное то, что Нодье, который откопал Фортиса и балладу Ассана-Аги и перевел с поэтического перевода аббата, еще более опоэтизировав его в своей прозе, — прокричал на всех перекрестках, что я обокрал его. Вот первый стих в иллирийском тексте: «*Sto se bieli u gorje zelenoi*». Фортис перевел: «*che mai bianchezza nel verde Bosco*» [«Которая белеет средь зеленого леса»]. Нодье перевел *Bosco* — зеленеющая равнина; он промахнулся, потому что, как мне объяснили, *gorje* означает: гора. Вот и вся история. Передайте г. Пушкину мои извинения. Я горжусь и стыжусь вместе с тем, что надул его, и проч.]

1.

ВИДЕНИЕ КОРОЛЯ

Король ходит большими шагами
Взад и вперед по палатам;
Люди спят—королю лишь не спится:
Короля султан осаждает,
Голову отсечь ему грозит
И в Стамбул отослать ее хочет.

Часто он подходит к окошку;
Не услышит ли какого шума?
Слышит, воеет ночная птица,
Она чует беду неминучу;
Скоро ей искать новой кровли
Для своих птенцов горемычных.

Не сова воеет в Ключе-граде,
Не луна Ключ-город озаряет,
В церкви божией гремят барабаны,
Вся свечами озарена церковь.

Но никто барабанов не слышит,
Никто света в церкви божией не видит,
Лишь король то слышал и видел;
Из палат своих он выходит
И идет один в божью церковь.

Стал на паперти, дверь отворяет...
Ужасом в нем замерло сердце,
Но великую творит он молитву
И спокойно в церковь божью входит.

Тут он видит чудное виденье:
На помосте валяются трупы,
Между ими хлещет кровь ручьями,
Как потоки осени дождливой.
Он идет, шагая через трупы,
Кровь по щиколку² ему достигает...

Горе! в церкви турки и татары
И предатели, враги *богумилы*³.
На амвоне сам султан безбожный,
Держит он на-голо саблю,
Кровь по сабле свежая струится
С вострия до самой рукояти.

Короля незапный обнял холод:
Тут же видит он отца и брата.
Пред султаном старик бедный справа,
Униженно стоя на коленях,
Подает ему свою корону;
Слева, также стоя на коленях,
Его сын, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый,

(С тою самою веревкою, которой
Удавил он несчастного старца),
Край полы у султана целует,
Как холоп, наказанный *фалангой* ⁴.

И султан безбожный, усмехаясь,
Взял корону, растоптал ногами
И промолвил потом Радивою:
„Будь над Боснией моей ты властелином,
Для гяур-христиан беглербеем“ ⁵.
И отступник бил челом султану,
Трижды пол окровавленный целуя.

И султан прислужников кликнул,
И сказал: „Дать кафтан Радивою!“ ⁶
Не бархатный кафтан, не парчевой,
А содрать на кафтан Радивоя
Кожу с брата его родного“.
Бусурмане на короля наскочили,
До-нога всего его раздели,
Атаганом ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажали и мясо и жилы,
И до самых костей ободрали,
И одели кожею Радивоя.

Громко мученик господу взмолился:
„Прав ты, боже! меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!“

При сем имени церковь задрожала,
Всё внезапно утихло, померкло,
Всё исчезло—будто не бывало.

И король ощупью в потемках
Кое-как до двери добрался,
И с молитвою на улицу вышел.

Было тихо. С высокого неба
Город белый луна озаряла.
Вдруг взвилась из-за города бомба⁷,
И пошли бусурмане на приступ.

2.

ЯНКО МАРНАВИЧ.

Что в разъездах бей Янко Марнавич?⁸
Что ему дома не сидится?
Отчего двух ночей он сряду
Под одною кровлей не ночует?
Али недруги его могучи?
Аль боится он кровомщенья?

Не боится бей Янко Марнавич
Ни врагов своих, ни кровомщенья.
Но он бродит, как гайдук бездомный,
С той поры, как Кирила умер.

В церкви Спаса они братовались⁹
И были по богу братья;
Но Кирила несчастливый умер
От руки им избранного брата.

Веселое было пированье,
Много пили меду и горелки;
Охмелели, обезумели гости,
Два могучие бей побрались.

Янко выстрелил из своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала,
В супротивника своего не попал он,
А попал он в своего друга.
С того времени он тоскуя бродит,
Словно вол, ужаленный змиею.

Наконец он на родину воротился
И вошел в церковь святого Спаса,

Там день целый он молился богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью он пришел к себе на дом
И отужинал со своей семьею,
Потом лег и жене своей молвил:
„Посмотри, жена, ты в окошко.
Видишь ли церковь Спаса отселе?“
Жена встала, в окошко поглядела
И сказала: „На дворе полночь,
За рекою густые туманы,
За туманом ничего не видно“.
Повернулся Янко Марнавич
И тихонько стал читать молитву.

Помолившись, он опять ей молвил:
„Посмотри, что ты видишь в окошко?“
И жена, поглядев, отвечала:
„Вижу, вон, малый огонечек
Чуть-чуть брезжет в темноте за рекою“.
Улыбнулся Янко Марнавич
И опять стал тихонько молиться.

Помолясь, он опять жене молвил:
„Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что там еще видно?“
И жена, поглядев, отвечала:
„Вижу я на реке сиянье,
Близится оно к нашему дому“.
Бей вздохнул и с постели свалился.
Тут и смерть ему приключилась.

3.

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ ².

Радивой поднял желтое знамя:
Он идет войной на бусурмана.
А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,

Набекрень надели свои шапки
И сказали: „Возьмите нас с собою:¹⁰
Мы хотим воевать бусурманов“.
Радивой дружелюбно их принял
И сказал им: „Милости просим!“
Перешли мы заповедную речку,
Стали жечь турецкие деревни,
А жидов на деревьях вешать¹¹.
Беглербей со своими бошняками
Против нас пришел из Банялуки¹²;
Но лишь только заржали их кони,
И на солнце их кривые сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбежались изменники далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: „Господи бог поможет,
Мы домой воротимся с тобою
И расскажем эту битву нашим детям“.
Стали биться мы тогда жестоко,
Всяк из нас троих воинов стоил;
Кровью были покрыты наши сабли;
С острия по самой рукоятки.
Но когда через речку стали
Тесной кучкою мы переправляться,
Селихтар¹³ с крыла на нас ударил
С новым войском, с конницею свежей.
Радивой сказал тогда нам: „Дети,
Слишком много собак-бусурманов,
Нам управиться с ними невозможно.
Кто не ранен, в лес беги скорее
И спасайся там от Селихтара“.
Всех-то нас оставалось двадцать,
Все друзья, родные Радивою,
Но и тут нас пало девятнадцать,
Закричал Георгий Радивою:
„Ты садись, Радивой, поскорее
На коня моего вороного;

Через речку вплавь переправляйся,
Конь тебя из погибели вымчит“ .
Радивой Георгия не послушал,
Наземь сел, поджав под себя ноги.
Тут враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

4.

ФЕОДОР И ЕЛЕНА.

.
.
Стамати был стар и бессилен,
А Елена молода и проворна;
Она так-то его оттолкнула,
Что ушел он охая да хромая.
Поделом тебе, старый бесстыдник!
Ай да баба! отделалась славно!

Вот Стамати стал думать думу:
Как ему погубить бы Елену?
Он к жиду лиходею приходит,
От него он требует совета.
Жид сказал: „Ступай на кладбище,
Отыщи под камнями жабу
И в горшке сюда принеси мне“.

На кладбище приходит Стамати,
Отыскал под камнями жабу¹⁴
И в горшке жиду ее приносит.
Жид на жабу проливает воду,
Нарекает жабу Иваном
(Грех велик христианское имя
Нареци такой поганой твари!).
Они жабу всю потом искололи,
И ее—ее ж кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспелую сливу.

И Стамати мальчику молвил:
„Отнеси ты Елене эту сливу
От моей племянницы в подарок“.
Принес мальчик Елене сливу,
А Елена тотчас ее съела.

Только съела поганую сливу,
Показалось бедной молодежи,
Что змия у ней в животе шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молоком напоила,
Но змия в животе всё шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить: Елена брюхата.
Каково-то будет ей от мужа,
Как воротится он из-за моря!
И Елена стыдится и плачет,
И на улицу выйти не смеет,
День сидит, ночью ей не спится.
Поминутно сестрице повторяет:
„Что скажу я милому мужу?“

Круглый год проходит, и Феодор
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бежит к нему навстречу,
Все его приветно поздравляют;
Но в толпе не видит он Елены,
Как ни ищет он ее глазами.
„Где ж Елена?“ наконец он молвил.
Кто смутился, а кто усмехнулся,
Но никто не отвечал ни слова.

Пришел он в дом свой,—и видит,
На постеле сидит его Елена.
„Встань, Елена“, говорит Феодор.
Она встала,—он взглянул сурово.

„Господин ты мой, клянусь богом
И пречистым именем Марии,
Пред тобою я не виновата,
Испортили меня злые люди“.

Но Федор жене не поверил:
Он отсек ей голову по плечи.
Отсекши, он сам себе молвил:
„Не сгублю я невинного младенца,
Из нее выну его живого,
При себе воспитывать буду.
Я увижу, на кого он походит,
Так наверно отца его узнаю
И убью своего злодея“.

Распорол он мертвое тело.
Что ж!—на место милого дитяти,
Он черную жабу находит.
Взвыл Федор: „Горе мне, убийце!
Я сгубил Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди“.

Поднял он голову Елены,
Стал ее целовать умиленно,
И мертвые уста отворились,
Голова Елены поведала:

„Я невинна. Жид и старый Стамати
Черной жабой меня окормили“.
Тут опять уста ее сомкнулись,
И язык перестал шевелиться.

И Федор Стамати зарезал,
А жида убил, как собаку,
И отпел по жене панихиду.

ВЛАХ В ВЕНЕЦИИ ¹³.

Как покинула меня Парасковья,
И как я с печали промотался,
Вот далмат пришел ко мне лукавый:
„Ступай, Дмитрий, в морской ты город,
Там цехины, что у нас каменья.

Там солдаты в шелковых кафтанах,
И только что пьют да гуляют:
Скоро там ты разбогатеешь
И воротись в шитом долимане
С кинжалом на серебряной цепочке.

И тогда-то играй себе на гусях;
Красавицы побегут к окошкам
И подарками тебя закидают.
Эй, послушайся! отправляйся морем;
Воротись, когда разбогатеешь“.

Я послушался лукавого далмата.
Вот живу в этой мраморной лодке,
Но мне скучно, хлеб их мне, как камень,
Я неволен, как на привязи собака.

Надо мною женщины смеются,
Когда слово я по-нашему молвлю;
Наши здесь язык свой позабыли,
Позабыли и наш родной обычай.
Я завял, как пересаженный кустик.

Как у нас бывало кого встречу,
Слышу—Здравствуй, Дмитрий Алексич!
Здесь не слышу доброго привета,
Не дождуся ласкового слова;
Здесь, я, точно бедная мурашка,
Занесенная в озеро бурей.

ГАЙДУК ХРИЗИЧ.

В пещере, на острых каменьях
 Притаился храбрый гайдук Хризич¹⁶.
 С ним жена его Катерина,
 С ним его два милые сына,
 Им нельзя из пещеры выйти,
 Стерегут их недруги злые.
 Коли чуть они голову подымут,
 В них прицелятся тотчас сорок ружей.
 Они три дня, три ночи не ели,
 Пили только воду дождевую,
 Накопленную во впадине камня.
 На четвертый взошло красно-солнце,
 И вода во впадине иссякла.
 Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
 „Господь бог! помилуй наши души!“
 И упала мертвая на землю.
 Хризич, глядя на нее, не заплакал,
 Сыновья плакать при нем не смели;
 Они только очи отирали,
 Как от них отворачивался Хризич.
 В пятый день старший сын обезумел,
 Стал глядеть он на мертвую мать,
 Будто волк на спящую козу.
 Его брат, видя то, испугался.
 Закричал он старшему брату:
 „Милый брат! не губи свою душу;
 Ты напейся горячей моей крови,
 А умрем мы голодною смертью,
 Станем мы выходить из могилы
 Кровь сосать наших недругов спящих“¹⁷.
 Хризич встал и промолвил: „Полно!
 Лучше пуля, чем голод и жажда“.
 И все трое со скалы в долину
 Сбежали, как бешеные волки.
 Семерых убил из них каждый,
 Семью пулями каждый из них прострелен;

Головы враги у них отсекали
И на копыя свои насадили,—
А и тут глядеть на них не смели.
Так им страшен был Хризич с сыновьями.

7. •

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ

Иакинфа Маглановича ¹⁸.

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Волен умер ты, как жил.
Враг твой мчался без оглядки;
Но твой сын его убил.

Вспоминай нас за могилой,
Коль сойдется как-нибудь;
От меня отцу, брат милой,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня уж зажила;
Я здоров,—и сына Яна
Мне хозяйка родила.

Деду в честь он назван Яном:
Умный мальчик у меня;
Уж владеет атаганом
И стреляет из ружья.

Дочь моя живет в Лизгоре;
С мужем ей не скучно там.
Тварк ушел давно уж в море;
Жив иль нет,—узнаешь сам.

С богом в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

• 8.

МАРКО ЯКУБОВИЧ.

У ворот сидел Марко Якубович;
Перед ним сидела его Зоя,
А мальчишка их играл у порогу.
По дороге к ним идет незнакомец,
Бледен он и чуть ноги волочит,
Просит он напиться, ради бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшик,
И прохожий до дна его выпил.
Вот, напившись, говорит он Марке:
„Это что под горою там видно?“
Отвечает Марко Якубович:
„То кладбище наше родовое“.
Говорит незнакомый прохожий:
„Отдыхать мне на вашем кладбище,
Потому что мне жить уж не долго“.
Тут широкий развил он пояс,
Кажет Марке кровавую рану.
„Три дня,—молвил,—ношу я под сердцем
Бусурмана свинцовую пулю.
Как умру, ты зарой мое тело
За горой, под зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный был воин“.

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко стал осматривать рану.
Вдруг сказала молодая Зоя:
„Помоги мне, Марко, я не в силах
Поддержать гостя нашего доле“.

Тут увидел Марко Якубович,
Что прохожий на руках ее умер.

Марко сел на коня вороного,
Взял с собою мертвое тело
И поехал с ним на кладбище.
Там глубокую вырыли могилу
И с молитвой мертвеца схоронили.
Вот проходит неделя, другая,
Стал худеть сыночек у Марка;
Перестал он бегать и резвиться,
Всё лежал на рогоже да охал.
К Якубовичу калуер приходит,—
Посмотрел на ребенка, и молвил:
„Сын твой болен опасною болезнью;
Посмотри на белую его шею:
Видишь ты кровавую рану?
Это зуб вурдалака¹⁹, поверь мне“.

Вся деревня за старцем калуером
Отправилась тотчас на кладбище;
Там могилу прохожего разрыли,
Видят,—труп румяный и свежий,
Ногти выросли, как вороны когти,
А лицо обросло бороною,
Алой кровью вымазаны губы,
Полна крови глубокая могила.
Бедный Марко колом замахнулся,
Но мертвец завизжал и проворно
Из могилы в лес бегом пустился.
Он бежал быстрее, чем лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки под ним так и гнулись,
А суки дерев так и трещали,
Ломаясь, как замерзлые прутья.

Калуер могильной землю²⁰
Ребенка больного всего вытер,
И весь день творил над ним молитвы.

На закате красного солнца
Зоя мужу своему сказала:
„Помнишь? ровно тому две недели,
В эту пору умер злой прохожий“.

Вдруг собака громко завывала,
Отворилась дверь сама собою,
И вошел великан, наклонившись,
Сел он, ноги под себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Он на Марка глядел неподвижно,
Неподвижно глядел на него Марко,
Очарован ужасным его взором;
Но старик, молитвенник раскрывши,
Запалил кипарисную ветку,
И подул дым на великана.
И затрясся вурдалак проклятый,
В двери бросился и бежать пустился,
Будто волк, охотником гонимый.

На другие сутки в ту же пору
Пес залаял, дверь отворилась,
И вошел человек незнакомый.
Был он ростом, как цесарский рекрут.
Сел он молча и стал глядеть на Марко;
Но старик молитвой его прогнал.

В третий день вошел карлик малый,—
Мог бы он верхом сидеть на крысе,
Но сверкали у него злые глазки.
И старик в третий раз его прогнал,
И с тех пор уж он не возвращался.

9.

БОНАПАРТ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

„Черногорцы? что такое?—
Бонапарте спросил:—
Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил?“

Так раскаются ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам“.

Вот он шлет на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих мамлюков роту,
И косматых кирасир.

Нам сдаваться нет охоты,—
Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы...

Мы засели в наши норы
И гостей незваных ждем,—
Вот они вступили в горы,
Истребляя всё кругом.

.
.

Идут тесно под скалами.
Вдруг, смятение!... Глядят:
У себя над головами
Красных шапок видят ряд.

„Стой! пали! Пусть каждый сбросит
Черногорца одного.
Здесь пощады враг не просит:
Не щадите ж никого!“

Ружья грянули,—упали
Шапки красные с шестов:
Мы под ними ниц лежали,
Притаясь между кустов.

Дружным залпом отвечали
Мы французам.—„Это что?—
Удивясь, они сказали:—
Эхо, что ли?“ Нет, не то!

Их полковник повалился.
С ним сто двадцать человек.
Весь отряд его смутился,
Кто, как мог, пустился в бег.

И французы ненавидят
С той поры наш вольный край
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.

10.

СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота,—
Рано молодца женили;
А вторая-то забота,—
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота,—
Красну-девицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мне могилу
Во поле, поле широко,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.

Пройдут мимо стары люди,
Так сплетут себе веночки.
Пройдут мимо красны девки,
Так воды себе зачерпнут.

11.

ПЕСНЯ О ГЕОРГИИ ЧЕРНОМ.

Не два волка в овраге грызутся,
Отец с сыном в пещере бранятся.
Старый Петро сына укоряет:
„Бунтовщик ты, злодей проклятый!
Не боишься ты господа бога,
Где тебе с султаном тягаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?
Пропадай ты себе, окаянный,
Да зачем ты всю Сербию губишь?“
Отвечает Георгий угрюмо:
„Из ума, старик, видно, выжил,
Коли лаешь безумные речи“.
Старый Петро пуще осердился,
Пуще он бранится, бушует.
Хочет он отправиться в Белград,
Туркам выдать ослушного сына,
Объявить убежище сербов.
Он из темной пещеры выходит;
Георгий старика догоняет:
„Воротися, отец, воротися!
Отпусти мне невольное слово“.
Старый Петро не слушает, грозитя:
„Вот уж, разбойник, тебе будет!“
Сын ему вперед забегаёт,
Старику кланяется в ноги.
Не взглянул на сына старый Петро.
Догоняет вновь его Георгий
И хватает за сивую косу.

„Воротись, ради господа бога:
Не введи ты меня в искушение!“
Отпихнул старик его сердито
И пошел по белградской дороге.
Горько, горько Георгий заплакал,
Пистолет из-за пояса вынул,
Взвел курок, да и выстрелил тут же.
Закричал Петро, зашатавшись:
„Помоги мне, Георгий, я ранен!“
И упал на дорогу бездыханен.
Сын бегом в пещеру воротился;
Его мать вышла ему навстречу.
„Что, Георгий, куда делся Петро?“
Отвечает Георгий сурово:
„За обедом старик пьян напился
И заснул на белградской дороге“²¹.
Догадалась она, завопила:
„Будь же богом проклят ты, черный,
Коль убил ты отца родного!“
С той поры Георгий Петрович
У людей прозывается Черный.

12.

ВОЕВОДА МИЛОШ.

Над Сербией смилуйся ты, боже!
Заедают нас волки-янычары!
Без вины нам головы режут,
Наших жен обижают, позорят,
Сыновей в неволю забирают,
Красных девок заставляют в насмешку
Распевать зазорные песни
И плясать басурманские пляски.
Старики даже с нами согласны:
Унимать нас они перестали,—
Уж и им нестерпимо насилье.
Гусляры нас в глаза укоряют:
Долго ль вам мирволить янычарам?
Долго ль вам терпеть оплеухи?

Или вы уж не сербы,—дыганы?
Или вы не мужчины,—старухи?
Вы бросайте ваши белые дома,
Уходите в Велийское ущелье,—
Там гроза готовится на турок,
Там дружину свою собирает
Старый сербин, воевода Милош.

13.

ВУРДАЛАК.

Трусоват был Ваня бедный:
Раз он поздною порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Через кладбище шел домой.

Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит,—
Кто-то кость, ворча, грызет.

Ваня стал; шагнуть не может.
Боже! думает бедняк,
Это верно кости гложет
Красногубый вурдалак.

Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.

Что же? вместо вурдалака
(Вы представьте Вани злость!)
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.

СЕСТРА И БРАТЯ ²².

Два дубочка вырастали рядом,
Между ими тонковерхая елка.
Но два дуба рядом вырастали,
Жили вместе два братца родные:
Один Павел, а другой Радула,
А меж ими сестра их Елица.
Сестру братья любили всем сердцем,
Всякую ей оказывали милость;
Напоследок ей нож подарили
Золоченый в серебряной оправе.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говорит она Радуловой любе:
„Невестушка, по богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелия такого,
Чтоб сестра омерзела братьям?“
Отвечает Радулова любя:
„По богу сестра моя, невестка,
Я не знаю зелия такого;
Хоть бы знала, тебе б не сказала;
И меня братья мои любили,
И мне всякую оказывали милость“.
Вот пошла Павлиха к водопою,
Да зарезала коня вороного
И сказала своему господину:
„Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ей подарки:
Извела она коня вороного“.
Стал Елицу допытывать Павел:
„За что это? Скажи бога ради“.
Сестра брату с плачем отвечает:
„Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!“
В ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха пошла в сад зеленый,

Сивого сокола там заколола
И сказала своему господину:
„Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Ведь она сокола заколола“.
Стал Елицу допытывать Павел:
„За что это? Скажи бога ради“.
Сестра брату с плачем отвечает:
„Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!“
И в ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха по вечеру поздно
Нож украла у своей золовки
И ребенка своего заколола
В колыбельке его золоченой.
Рано утром к мужу прибежала,
Громко воя и лицо терзая.
„Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Заколола у нас она ребенка.
А когда еще ты мне не веришь,
Осмотри ты нож ее злаченый“.
Вскочил Павел, как услышал это,
Побежал к Елице во светлицу:
На перине Елица почивала,
В головах нож висел злаченый.
Из ножен вынул его Павел,—
Нож злаченый весь был окровавлен.
Дернул он сестру за белу руку:
„Ой, сестра, убей тебя боже!
Извела ты коня вороного
И в саду сокола заколола,
Да за что ты зарезала ребенка?“
Сестра брату с плачем отвечает:
„Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли ж ты не веришь моей клятве,
Выведи меня в чистое поле,

Привяжи к хвостам коней борзых,
Пусть они мое белое тело
Разорвут на четыре части“.
В ту пору брат сестре не поверил;
Вывел он ее в чистое поле,
Привязал ко хвостам коней борзых.
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросли там алые цветочки;
Где осталось ее белое тело,
Церковь там над ней соорудилась.
Прошло малое после того время,
Захворала молодая Павлиха.
Девять лет Павлиха всё хворает.
Выросла трава сквозь ее кости,
В той траве лютый змей гнездится,
Пьет ей очи, сам уходит к ночи.
Люто страждет молода Павлиха;
Говорит она своему господину:
„Слышишь ли, господин ты мой, Павел,
Сведи меня к золовкиной церкви,
У той церкви авось исцелюсь“.
Он повел ее к сестриной церкви,
И как были они уже близко,
Вдруг из церкви услышали голос:
„Не входи, молодая Павлиха,
Здесь не будет тебе исцеленья“.
Как услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
„Господин ты мой! прошу тебя богом,
Не веди меня к белому дому,
А вяжи меня к хвостам твоих коней
И пусти их по чистому полю“.
Своей любви послушался Павел,
Привязал ее к хвостам своих коней
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросло там тернье да крапива;

Где осталось ее белое тело,
На том месте озеро провалило.
Ворон конь по озеру выплывает,
За конем золоченая люлька,
На той люльке сидит сокол-птица,
Лежит в люльке маленький мальчик:
Рука матери у него под горлом,
В той руке теткин нож золоченый.

15.

ЯНЫШ КОРОЛЕВИЧ ²³.

Полюбил королевич Яныш
Молодую красавицу Елицу,
Любит он ее два красивые лета,
В третье лето вздумал он жениться
На Любусе, чешской королевне.
С прежней любовью идет он проститься.
Ей приносит с червонцами черес,
Да гремучие серьги золотые,
Да жемчужное тройное ожерелье,
Сам ей вдел он серьги золотые,
Навязал на шею ожерелье,
Дал ей в руки с червонцами черес,
В обе щеки поцеловал молча
И поехал своею дорогой.
Как одна осталась Елица,
Деньги наземь она пометала,
Из ушей выдернула серьги,
Ожерелье на-двое разорвала,
А сама кинулась в Мораву.
Там на дне молодая Елица
Водяною царицей очнулась
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вот проходят три года и боле,
Королевич ездит на охоте,
Ездит он по берегу Моравы;
Захотел он коня вороного
Напоить студеною водою.
Но лишь только запененную морду
Сунул конь в студеною воду,
Из воды вдруг высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернул голову в испуге,
На узде висит Водяница,
Как на уде пойманная рыбка,
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою;
Но стряхнуть Водяницы не может.
Чуть в седле усидел королевич,
Чуть сдержал коня вороного,
Осадив могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говорит ей Яньш королевич:
„Расскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль богом проклятая Вила?“
Отвечает ему Водяница:
„Родила меня молодая Елица,
Мой отец Яньш королевич,
А зовут меня Водяницей“.
Королевич при таком ответе
Соскочил с коня вороного,
Обнял дочь свою Водяницу
И, слезами заливаясь, молвил:
„Где, скажи, твоя мать Елица?
Я слышал, что она потонула“.
Отвечает ему Водяница:
„Мать моя царица водяная;
Она властвует над всеми реками,
Над реками и над озерами;

Лишь не властвует она синим морем,
Синим морем властвует Див-Рыба“.
Водянице молвил королевич:
„Так иди же к водяной царице
И скажи ей: Яныш королевич
Ей поклон усердный посылает
И у ней свидания просит
На зеленом берегу Моравы.
Завтра я заеду за ответом“.
Они после того расстались.

Рано утром, чуть заря зарделась,
Королевич над рекою ходит;
Вдруг из речки, по белые груди,
Поднялась царица водяная
И сказала: „Яныш королевич,
У меня свидания просил ты:
Говори, чего еще ты хочешь?“
Как увидел он свою Елицу,
Разгорелись снова в нем желанья,
Стал манить ее к себе на берег.
„Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мне на зеленый берег,
Поцелуй меня попрежнему сладко,
Попрежнему полюблю тебя крепко“.
Королевичу Елица не внимает,
Не внимает, головою кивает:
„Нет, не выду, Яныш королевич,
Я к тебе на зеленый берег.
Слаще прежнего нам не целоваться,
Крепче прежнего меня не полюбишь.
Расскажи-ка мне лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
С новой любой, с молодой женою?“
Отвечает Яныш королевич:
„Против солнышка луна не пригреет,
Против милой жена не утешит“.

КОНЬ.

„Что ты ржешь, мой конь ретивый,
 Что ты шею опустил,
 Не потряхиваешь гривой,
 Не грызешь своих удиц?
 Али я тебя не холю?
 Али ешь овса не вволю?
 Али сбруя не красна?
 Аль поводья не шелковы,
 Не серебряны подковы,
 Не злачены стремяна?“

Отвечает конь печальный:
 „Оттого я присмирел,
 Что я слышу топот дальный,
 Трубный звук и пенье стрел;
 Оттого я ржу, что в поле
 Уж не долго мне гулять,
 Проживать в красе и в холе,
 Светлой сбруей щеголять,
 Что уж скоро враг суровый
 Сбрую всю мою возьмет
 И серебряны подковы
 С легких ног моих сдерет;
 Оттого мой дух и ноет,
 Что наместо чапрака
 Кожей он твоей покроет
 Мне вспотевшие бока“.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹ Фома I был тайно умышленно своим двумя сыновьями Стефаном и Радивоем в 1460 году. Стефан ему наследовал. Радивой, негодуя на брата за похищение власти, разгласил ужасную тайну и бежал в Турцию к Магомету II. Стефан по внушению папского легата решился воевать с турками. Он был побежден и бежал в Ключ-город, где Магомет осадил его. Захваченный в плен он не согласился принять магометанскую веру, и с него содрали кожу.

- ² Щиколодка, по московскому наречию щиколка.
- ³ Так называют себя некоторые иллирийские раскольники.
- ⁴ Фалания, палочные удары по пятам.
- ⁵ Радивой никогда не имел этого сана; и все члены королевского семейства истреблены были султаном.
- ⁶ Кафтан, обыкновенный подарок султанов.
- ⁷ Анахронизм.
- ⁸ Трогательный обычай *братования*, у сербов и других западных славян; освящается духовными обрядами.
- ⁹ Неизвестно, к какому происшествию относится эта песня.
- ¹⁰ Потеря сражения приписывается далматам, ненавистным для влахов.
- ¹¹ Жиды в турецких областях суть вечные предметы гонения и ненависти. Во время войны им доставалось от мусульман и христиан. Участие их, замечает В. Скотт, походит на участь летучей рыбы. — М.
- ¹² Баялука, прежняя столица Боснийского пашалыка.
- ¹³ Селихтар, мечезосец.
- ¹⁴ Все народы почитали жабу ядовитым животным.
- ¹⁵ Мицкевич перевел и украсил эту песню.
- ¹⁶ Гайдук, глава, начальник. Гайдуки не имеют пристанища и живут разбоями.
- ¹⁷ Западные славяне верят существованию *улырей* (vampire), См. песню о Марке Якубовиче.
- ¹⁸ Мериме поместил в начале своей *Guzla* известие о старом гусларе Иакинфе Маглановиче; неизвестно, существовал ли он когда-нибудь; но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия. Книга Мериме редка, и читатели, думаю, с удовольствием найдут здесь жизнеописание славянина-поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de guzla que j'aie vu, qui fût aussi poète; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

Notre poète est né à Zuonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade intitulée *L'Aubépine de Veliko*. Il était fils d'un cordonnier, et ses parents ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *tchingé-nehs* ou bohémiens. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart¹. Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert; car les Turcs m'encourageaient point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'eut

¹ Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

pas de peine à se décider à quitter un maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se seuvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitements. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins qu'il put dérober. Le moine qui l'avait rebaptisé l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillée.

De Livno à Scign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade qui trouva quelques admirateurs et qui commença réputation ¹.

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitants des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par cœur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterrements, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs de Scign, se souciant fort peu de ses parents, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrađ depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et de plus poète et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille d'un riche morlaque, nommé Zlarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les mœurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement, il parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parents pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes où il s'associa avec des heyduques ².

Il vécut longtemps avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les pandours ³. Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfants. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent

¹ J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oublié ou peut-être eut-il honte de me reciter son premier essai dans la poésie.

² Espèce de bandits.

³ Soldats de police.

qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfants s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les Heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très facilement l'illyrique, et je désirais beaucoup entendre un poète en réputation. Mon ami, l'estimable voïvode Nicolas***, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liqueurs fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est très extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'oeil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir: ses vêtements étaient assez vieux, mais encore très propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voïvode et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur le champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif: je chanterai quand je serai rassasié. Nous dînâmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voïvode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient son verre à chaque instant. Nous espérions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisés, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques-uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eût moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux une autre fois: j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouve dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle; mais alors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange: il demeurait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jusqu'au soir. J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il

aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets, qu'il m'avait pris.

En 1817, je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfants et petits enfants me sautèrent au cou, et quand je le quittai, son fils aîné me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

1

[Заметка об Иакинфе Маглановиче.

Иакинф Магланович — единственный мне знакомый гусярь, который в то же время был бы поэтом; ибо большинство гусярей повторяют старые песни, или самое большее — сочиняют попури, заимствуя стихов двадцать из одной баллады, столько же из другой, и связывая всё это при помощи скверных стихов собственного изделия.

Поэт наш родился в Звониграде, как он сам говорит об этом в балладе «Шиповник в Велико». Он был сын сапожника, и его родители, по видимому, не сильно беспокоились об его образовании, ибо он не умеет ни читать, ни писать. В возрасте восьми лет он был похищен *чинжен-гами* или цыганами. Эти люди увели его в Боснию, где и обучали своему искусству, и без труда обратили его в магометанство, исповедуемое большинством среди них ¹. Один *аян* или старшина в Ливне отнял его у цыган и взял себе в услужение, где он и пробыл несколько лет.

Ему было пятнадцать лет, когда один католический монах обратил его в христианство, рискуя быть посаженным на кол в случае обнаружения этого; ибо турки отнюдь не поощряют миссионерской деятельности. Юный Иакинф, недолго раздумывая, покинул своего хозяина, достаточно сурового, как и большинство босняков; но, убегая из его дома, он задумал отомстить за дурное обращение. Однажды ночью, в грозу, он ушел из Ливно, захватив с собой шубу и саблю хозяина, с несколькими цехинами, какие ему удалось похитить. Монах, окрестивший его, сопровождал его в бегстве, совершенном, вероятно, по его совету.

От Ливно до Синя, в Далмации, миль двенадцать. Беглецы скоро прибыли туда, под покровительство венецианского правительства, в безопасности от преследований аяна. В этом городе Магланович и сочинил свою первую песню; он воспел свое бегство в балладе, которая нашла поклонников и положила начало его известности ².

Но у него не было средств к существованию, а природа не наградила его склонностью к труду. Благодаря морлацкому гостеприимству, некоторое время он жил щедротами сельских жителей, отплачивая им тем, что распевал, подыгрывая на *гузле* заученные им старинные романсы. Вскоре он сочинил несколько новых песен на случаи свадеб и погребений,

¹ Все эти подробности были сообщены мне в 1817 году самим Маглановичем.

² Я тщетно разыскал эту балладу. Сам Магланович ее забыл или, может быть, стыдился петь мне первый свой поэтический опыт.

и его присутствие стало настолько необходимым, что ни один праздник не считался удачным, если на нем не было Маглановича с его *гузлой*.

Так он жил в окрестностях Синя, мало беспокоясь о своих родных, судьба которых ему дочные осталась неизвестной, так как он со дня похищения ни разу не бывал в Звониграде.

В двадцать пять лет это был красивый молодой человек, сильный, ловкий, прекрасный охотник и сверх того знаменитый поэт и музыкант; все его ценили, в особенности девушки. Та, которой он отдавал предпочтение, звалась Марией и была дочерью богатого морлака, по имени Зларинович. Он легко добился взаимности, и по обычаю, похитил ее. У него был соперник — своего рода местный сеньор, по имени Ульян, который проведal о готовящемся похищении. Илирийские нравы таковы, что отвергнутый любовник легко утешается и не косится на своего счастливого соперника; но этот Ульян вздумал ревновать и захотел помешать счастью Маглановича. В ночь похищения он явился с двумя слугами в ту минуту; когда Мария уже села на лошадь, собираясь следовать за возлюбленным. Ульян грозным голосом приказал им остановиться. Соперники, по обычаю, были вооружены. Магланович выстрелил первый и убил сеньора Ульяна. Если бы у него была семья, то она поддержала бы его, и он не покинул бы страны из-за таких пустяков; но, одинокий и лишенный всякой опоры, он был беззащитен против мести со стороны всей семьи убитого. Он быстро принял решение и бежал с женой в горы, где присоединился к гайдукам ¹.

Он долго жил с ними и даже был однажды ранен в лицо при схватке с пандурами ². Наконец, заработав немного денег, как я полагаю, не особенно честным способом, он оставил горы, купил скот и поселился в Катаро с женой и детьми. Дом его находится около Смоковича, на берегу реченки или потока, впадающего в озеро Врана. Жена и дети заняты коровами и маленькой фермой, сам же он вечно странствует, часто посещает он своих старых друзей-гайдуков, но не принимает уже участия в их опасном промысле.

Я впервые встретился с ним в Заре в 1816 г. В то время я свободно говорил по-илирийски и очень хотел послушать какого-нибудь известного поэта. Мой друг, уважаемый воевода Николай ^{***}, встретил в Белграде, где он проживает, Иакинфа Маглановича, уже раньше ему известного, и зная, что он направляется в Зару, снабдил его письмом ко мне. Он писал мне, что если я желаю заставить гусларя показать свое искусство, то я должен сперва подпойть его, потому что вдохновение нисходит на него лишь тогда, когда он бывает порядком пьян.

Иакинфу было в то время около шестидесяти лет. Это — высокий человек, очень крепкий и сильный для своего возраста, широкоплечий с необычайно толстой шеей; у него удивительно загорелое лицо и маленькие глаза, слегка приподнятые по углам, орлиный нос, довольно красный рот крепких напитков, длинные белые усы и густые черные брови; всё это

¹ Род разбойников.

² Полицейские солдаты.

вместе создает образ, незабываемый для того, кто видел его хоть раз. Прибавьте к этому длинный шрам через бровь и вдоль щеки. Непостижимо, как он не лишился глаза при таком ранении. Голова у него была бритая, по всеобщему почти обычаю, и носил он черную барашковую шапку; платье его было очень поношенное, но притом весьма опрятное.

Войдя ко мне в комнату, он передал мне письмо воеводы и присел без стеснения. Когда я прочел письмо, он сказал тоном довольно презрительного сомнения: «так вы говорите по-иллирийски?» Я ответил немедленно на этом языке, что достаточно понимаю по-иллирийски, чтобы оценить его песни, которые мне очень хвалили. «Ладно, ладно,—отвечал он, но я проголодался и хочу пить; когда я поем, я вам спою». Мы вместе пообедали. Мне показалось, что он голодал по меньшей мере дня четыре с такой жадностью он ел. По совету воеводы, я подливал ему, и друзья мои, которые, услышав о его приходе, пришли ко мне, наполняли его стакан ежеминутно. Мы надеялись, что, когда этот необычайный голод и жажда будут удовлетворены, наш гость соизволит нам что-нибудь спеть. Но ожидания наши оказались напрасны. Он вдруг встал из-за стола и, опустившись на ковер у огня (дело было в декабре), заснул в пять минут, и не было никакой возможности разбудить его.

Я был удачливее в другой раз: я постарался напоить его лишь настолько, чтобы воодушевить его, и тогда он спел мне некоторые из баллад, находящихся в этом сборнике.

Должно-быть, голос его прежде был хорош, но в ту пору он уже был несколько разбит. Когда он пел, играя на гузле, глаза его разгорались, и лицо принимало выражение дикой красоты, которую художник не отказался бы занести на полотно.

Он со мной расстался довольно странным способом: пять дней жил он у меня, а затем вышел утром и я напрасно прождал его до вечера. Мне сказали, что он ушел из Зары к себе домой; но в то же время я заметил исчезновение пары английских пистолетов, которые, до его поспешного ухода, висели у меня в комнате. Я должен добавить к его чести, что он мог унести заодно мой кошелек и золотые часы, которые стоили раз в десять дороже, чем взятые им пистолеты.

В 1817 году я провел дня два в его доме, где он принял меня, выказав живейшую радость. Жена его и все дети и внуки окружили меня и обнимали, а когда я ушел от них, старший сын служил мне проводником в горах в течение нескольких дней, причем невозможно было уговорить его принять какое-либо вознаграждение.]

¹⁹ Вурдалаки, вудкодаки, упыри, мертвецы, выходящие из своих могил и сосущие кровь живых людей.

²⁰ Лекарством от укушения упыря служит земля, взятая из его могилы.

²¹ По другому преданию, Георгий сказал товарищам: Старик мой умер; возьмите его с дороги.

²² Прекрасная эта поэма взята мною из Собрания сербских песен Вука Стефановича.

²³ Песня о Якыше королевиче в подлиннике очень длинна и разделяется на несколько частей. Я перевел только первую, и то не всю.

1833

680. ГУСАР.

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
„Занес же вражий дух меня!
На распроклятую квартиру!

Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.

Здесь на тебя, как лютый зверь,
Глядит хозяин, а с хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином хоть пару поддавай,
А молодежи—молoduшки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки *чернобровой*.
Одним, одним не хороши...“
„А чем же? Расскажи, служивой“.

Он стал крутить своей длинный ус
И начал: „Молвить без обиды,

Ты, хлопец, может-быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк, моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то, помер, замечай-ка.

Вот с ней и подружился я:
Живем согласно, так что любо:
Прибью—Марусинька моя
Словечка не промолвит грубо;

Напьюсь—уложит, и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну бывало: ей, кума!—
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись, о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безбидно!
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? враг попутал, видно.

Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов! Кто просит?
Шалит Марусинька моя,
Куда ее лукавый носит?

Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря
(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря),

И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула

И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,

Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу и улизнула.

Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!..
И с печки слез—и вижу: склянка.

Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой—
Как фыркнет он! я: брысь!... И вот
И он туда же за лоханкой.

Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И всё: горшки, скамьи, столы,
Марш! марш!—всё в печку поскакало.

Кой чорт! подумал я: теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку выпил, верь не верь—
Но кверху вдруг взвился я пухом.

Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю,
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей!.. и наземь упадаю.

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
„Домой! кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят!“ Но я, не струся:

„Домой? да! чорта с два! почем
Мне знать дорогу!“—„Ах, он, странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный“.

„Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня!“—„На, дурень, вот и конь“.
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

„Садись“.—Вот сел я на коня,
Ищу уздечки, нет уздечки.
Как взвился, как понес меня—
И очутились мы у печки.

Гляжу: всё так же; сам же я
Сажу верхом, и подо мною
Не конь—а старая скамья:
Вот что случается порою“.

И стал крутить он длинный ус,
Прибавя: „Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может-быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды“.

Когда б не смутное влечение
 Чего-то жаждущей души,
 Я здесь остался б,—наслажденье
 Вкушать в неведомой тиши:
 Забыл бы всех желаний трепет,
 Мечтою б целый мир назвал
 И всё бы слушал этот лепет,
 Всё б эти ножки целовал...

682. ВОЕВОДА.

Поздно ночью из похода
 Воротился воевода.
 Он слугам велит молчать;
 В спальню кинулся к постеле;
 Дернул полог... В самом деле!
 Никого; пуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
 Он потушил грозны очи,
 Стал крутить свой сивый ус...
 Рукава назад закинул,
 Вышел вон, замок задвинул;
 „Гей, ты,—кликнул,—чортов кус!

А зачем нет у забора
 Ни собаки, ни затвора?
 Я вас, хамы!... Дай ружье;
 Приготовь мешок, веревку,
 Да сними с гвоздя винтовку.
 Ну, за мною!.. Я ж ее!“

Пан и хлопец под забором
 Тихим крадутся дозором,
 Входят в сад—и сквозь ветвей,
 На скамейке, у фонтана,
 В белом платье, видят, панна
 И мужчина перед ней.

Говорит он: „Всё пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье,—
Воевода всё купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он,
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать“.

Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядят,
Ружья наземь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.
„Пан мой, целить мне не можно,—
Бедный хлопец прошептал:—
Ветер, что ли, плачут очи,
Дрожь берет, в руках нет мочи,
Порох в полку не попал“.

„Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!

Сыпь на полку... Наводи...
Цель ей в лоб. Левее... выше.
С паном справлюсь сам. Потише,
Прежде я, ты погоди“.

Выстрел по саду раздался.
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся...
Хлопец, видно, промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.

683. БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
„Дети! седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.

Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на прусаков,
А на русских Кестут-воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские боги!),
Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один в Новеграде
Поживится от русских добычей.
Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах,
Домы полны, богат их обычай.

А другой от прусаков, от проклятых крыжаков,
Может много достать дорогого,

Денег с целого света, сукон яркого цвета,
Янтаря—что песку там морского.

Третий с Пазом на ляха пусть ударит без страха.
В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо; но уж верно оттуда
Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела, что котенок у печки,
И, как роза, румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся, будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
И оттуда привез себе женку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонку“.

Сыновья с ним простились и в дорогу пустились.
Ждет, пождет их старик домовитый,
Дни за днями проводит, ни один не приходит.
Будрыс думал: уж видно убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою мчится,
И под буркою ноша большая.
„Чем тебя наделили? что там? Ге! не рубли ли?“—
„Нет, отец мой; полячка младая“.

Снег пушистый валится; всадник с ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
„Что под буркой такое? Не сукно ли цветное?“—
„Нет, отец мой; полячка младая“.

Снег на землю валится, третий с ношею мчится,
Черной буркой ее прикрывает.
Старый Будрыс хлопочет и спросить уж не хочет,
А гостей на три свадьбы сзывает.

684. ОСЕНЬ.

Отрывок.

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин.

I.

Октябрь уж наступил—уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад—дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь—весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III.

Как весело, обув железом острым ноги
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги!..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это, наконец, и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мужи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;

Лишь как бы напоить, да освежить себя—
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V.

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно:
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславной,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI.

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет.—На лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII.

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса—
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII.

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь.
Чредой слетает сон, чредой находит голод;

Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят—я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн—таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX.

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривой, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол, и трескается лед.
Но гаснет краткий день—и в камельке забытом
Огонь опять горит—то яркий свет лиет,
То тлеет медленно—а я пред ним читаю,
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X.

И забываю мир, и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет, и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться, наконец, свободным проявленьем,
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI.

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просят к перу, перо к бумаге,
Минута—и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу!—матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз—и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII.

Плывет. Куда ж нам плыть?...

.....
.....

685. РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

Отрывок из сатирической поэмы.

Начнем ab ovo: ¹

Мой Езерский
Происходил от тех вождей,
Чей в древни веки парус дерзкий
Поработил берега морей.
Одульф, его начальник рода,
Вельми бе грозен воевода
(Гласит софийский хронограф).
При Ольге сын его Варлаф
Приял крещение в Цареграде
С приданным греческой княжны.
От них два сына рождены,
Якуб и Дорофей. В засаде
Убит Якуб, а Дорофей
Родил двенадцать сыновей.

Ондрей, по прозвищу Езерский,
Родил Ивана да Илью
И в лавре схимился Печерской.
Отсель фамилию свою
Ведут Езерские. При Калке
Один из них был схвачен в свалке,
А там раздавлен, как комар,
Задами тяжкими татар.
Зато со славой, хоть с уроном,
Другой Езерский, Елизар,
Упился кровию татар,
Между Непрядвою и Доном
Ударя с тыла в табор их
С дружиной суздальцев своих.

В века старинной нашей славы,
Как и в худые времена,

¹ [От самого корня.]

Крамола и смута во дни кровавы
Блещат Езерских имена.
Они и в войске, и в совете,
На воеводстве, и в ответе ¹
Служили доблестно царям.
Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской;
За спор то с тем он, то с другим
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под тяжкий гнев
И умер, Сицких пересев ².

Когда от Думы величавой
Приял Романов свой венец,
Как под отеческой державой
Русь отдохнула наконец,
А наши вѣроги смирились,
Тогда Езерские явились
В великой силе при дворе,
При императоре Петре...
Но извините: статья может,
Читатель, вам я досадил;
Ваш ум дух века просветил,
Вас спесь дворянская не гложет,
И нужды нет вам никакой
До вашей книги родовой.

Кто б ни был ваш родоначалник,
Мстислав, князь Курбский, иль Ермак,
Или Митюшка целовальник,
Вам всё равно. Конечно, так:
Вы презираете отцами,
Их славой, честью, правами
Великодушно и умно;

¹ В посольстве.

² *Пересев* кого — старинное выражение, значит занять место выше.

Вы отреклись от них давно,
Прямого просвещенья ради,
Гордясь (как общей пользы друг)
Красою *собственных заслуг*,
Звездой двоюродного дяди,
Иль приглашением на бал
Туда, где дед ваш не бывал.

Я сам—хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной трунят—
Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ;
Но каюсь: новый Ходаковский¹,
Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
О толстобрюхой старине.
Мне жаль, что нашей славы звуки
Уже нам чужды; что спроста
Из бар мы лезем в tiers-état²,
Что нам не в прок пошли науки,
И что спасибо нам за то
Не скажет, кажется, никто.

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит и Фиглярин,
Что русский ветреный боярин
Считает грамоты царей
За пыльный сбор календарей,
Что в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава,
Что геральдического льва
Демократическим копытом

¹ Известный любитель дрезности, умерший несколько лет тому назад.

² [Третье сословие.]

Теперь лягает и осел:
Дух века вот куда зашёл!
Вот почему, архивы роя,
Я разбирал в досужный час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ,
И здесь потомству заповедал.
Езерский сам же твердо ведал,
Что дед его, великий муж,
Имел двенадцать тысяч душ;
Из них отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А сам он жалованьем жил
И регистратором служил.

686—687. ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ ¹.

1.

Из Ксенофана Колофонского.

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают;
Все уж увенчаны гости; иной обоняет, зажмурясь,
Ладана сладостный дым; другой открывает амфору,
Запах веселый вина разливая далече; сосуды
Светлой студеной воды, золотистые хлебы, янтарный
Мед и сыр молодой: всё готово; весь убран цветами
Жертвенник. Хоры поют. Но в начале трапезы, о други,
Должно творить возлиянья, вещать благовещие речи.
Должно бессмертных молить, да сподобят нас чистой душою
Правду блюсти: ведь оно ж и легче. Теперь мы приступим:
Каждый в меру свою напивайся. Беда не велика
В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо!

¹ Стихотворения с 686-го по 693-е датируются 1833 г. предположительно.

Из Афенея.

Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хором
 Старец, ослепший от лет, некогда Скирпал родил,
 И, вдохновенный, нарек младенца Феоном. За чашей
 Сладостно Вакха и муз славил приятный Феон.
 Славил и Ватала он, молодого красавца: прохожий!
 Мимо гробницы спеша, вымолви: здравствуй, Феон!

688. ВИНО.

(Ион Хиосский.)

Злое дитя, старик молодой, властелин добронравный,
 Гордость внушающий нам, шумный заступник любви!

689.

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
 С трезвой струею воды, с мудрой беседой мешай.

690.

Бог веселый винограда
 Позволяет нам три чаши
 Выпивать в пиру вечернем.
 Первую во имя граций
 Обнаженных и стыдливых;
 Посвящается вторая
 Краснощекому здоровью,
 Третья дружбе многолетней.
 Мудрый после третьей чаши
 Все венки с главы слагает
 И творит уж возлиянья
 Благодатному Морфею.

691. ОТРЫВОК.

Не розу пафосскую,
Росой оживленную,
Я ныне пою;
Не розу феосскую,
Вином окропленную,
Стихами хвалю;
Но розу счастливую,
На персях увядшую
[Элизы] моей...

692.

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса.
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса;

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь, как чума,

Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака,
И сквозь решетку, как зверка,
Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров—
А крик товарищей моих
Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звон оков.

693.

Сват Иван, как пить мы станем,
Непременно уж помянем
Трех Матрен, Луку с Петром,
Да Пахомовну потом.
Мы живали с ними дружно,
Уж как хочешь—будь что будь—
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно.
Поминать, так поминать,
Начинать, так начинать,
Лить, так лить, разлив разливом.
Начинай же, сват, пора.
Трех Матрен, Луку, Петра
В первый <?> раз помянем пивом,
А Пахомовну потом
Пирогами да вином,
Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем—
Мастерица ведь была
И откуда что брала!
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..

Слушать, так душе отрадно.
Кто придумал их так ладно?
И не пил бы и не ел,
Всё бы слушал да глядел.
Стариков когда-нибудь
(Жаль, теперь нам недосужно)
Надо будет помянуть—
Помянуть и этих нужно..
Слушай, сват, начну первой,
Сказка будет за тобой.

1835

694. (ИЗ АНАКРЕОНА.)

Отрывок.

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный—
Наслаждений знак нескромный.

695. ОДА LVI. (ИЗ АНАКРЕОНА.)

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей,
Сладкой жизни мне немного
Провожать осталось дней,
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей—
Страшен хлад подземна свода:
Вход в него для всех открыт.
Из него же нет исхода—
Всяк сойдет и там забыт.

696. ОДА LVII.

Что же сухо в чаше дно?
 Наливай мне, мальчик резвой,
 Только пьяное вино
 Раствори водою трезвой.
 Мы не скифы, не люблю,
 Други, пьянствовать бесчинно,
 Нет, за чашей я пою
 Иль беседую невинно.

697. ПОЛКОВОДЕЦ.

У русского царя в чертогах есть палата:
 Она не золотом, не бархатом богата;
 Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
 Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
 Своею кистию свободной и широкой
 Ее разрисовал художник быстроокий.
 Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
 Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
 Ни плясок, ни охот: а всё плащи, да шпаги,
 Да лица, полные воинственной отваги.
 Толпою тесною художник поместил
 Сюда начальников народных наших сил,
 Покрытых славою чудесного похода
 И вечной памятью двенадцатого года.
 Нередко медленно меж ими я брожу
 И на знакомые их образы гляжу
 И, мнится, слышу их воинственные клики.
 Из них уж многих нет; другие, коих лики
 Еще так молоды на ярком полотне,
 Уже состарелись и никнут в тишине
 Главою лавровой.

Но в сей толпе суровой
 Один меня влечет всех больше. С думой новой
 Всегда останавлиюсь пред ним и не свожу
 С него моих очей. Чем долее гляжу,
 Тем более томим я грустию тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом—густая мгла;
За ним—военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье,
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчаньи шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый не влюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя не постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был непоколебим пред общим заблужденьем;
И на полу-пути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко,
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист заслышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти,
Вотще!

.....
.....

О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и в умиление!

698. ТУЧА.

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.

699. ИЗ А. ШЕНЬЕ.

Покров, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью
Алкиду передан. Алкид его приял.
В божественной крови яд быстрый побежал,
Се—ярый мученик, в ночи скитаясь, воет;
Стопами тяжкими вершину Эты роет;
Гнет, ломит древес; исторженные пни
Высоко громоздит; его рукой они
В костер навадены; он их зажег; он всходит;
Недвижим на костре он в небо взор возводит;
Под мышцей палица; в ногах немейский лев
Разостлан. Дунул ветер; поднялся свист и рев;
Треща горит костер; и вскоре пламя, воя,
Уносит к небесам бессмертный дух героя.

700. СТРАННИК.

I.

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.

Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки?
И горько повторял, метаясь, как больной:
„Что делать буду я? что станется со мной?“

II.

И так я сетуя, в свой дом пришел обратно,
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них;
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я поневоле.

„О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена!—
Сказал я,—ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом; мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время;
Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? о горе, горе!“

III.

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроеным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лег, но во всю ночь всё плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.
Потру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос я то же,
Что прежде говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Всё плакал и вздыхал унынием тесним.

И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились;
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны, и кому суровый нужен врач.

IV.

Пошел я вновь бродить—уныньем изнывая
И взоры вкруг себя со страхом обращая,
Как узник, из тюрьмы замысливший побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик—влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор—и спросил меня,
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: „Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный—
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит“.

— „Коль жребий твой таков,—
Он возразил,—и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?“
И я: „Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?“
Тогда: „Не видишь ли, скажи, чего-нибудь“,—
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстом,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
„Я вижу некий свет“,—сказал я наконец.
„Иди ж,—он продолжал:—держись сего ты света;
Пусть будет он тебе [единственная] мета,
Пока ты тесных врат [спасенья] не достиг,
Ступай!“—И я бежать пустился в тот же миг.

V.

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;

Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть—оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

701.

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор—и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я—но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вчерашний еще бродил
Я в этих рощах.

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет—уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив золотых и пажитей зеленых
Опо, синяя, стелется широко,
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни—там за ними
Скривилась мельница, на силу крылья
Ворочая при ветре...

На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят—одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко,—здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я, и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох—
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь молодая роща разрослась,
Зеленая семья; [кусты] теснятся
[Под сенью их, как дети.] А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
Попрежнему всё пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев,
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.

702. НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА.

Подражание латинскому.

Ты угасал, богач молодой!
Ты слышал плач друзей печальных.
Уж смерть являлась за тобой
В дверях сеней твоих хрустальных.

Она, как втершийся с утра,
Заимодавец терпеливой,
Торча в передней молчаливой,
Не трогалась с ковра.

В померкшей комнате твоей
Врачи угрюмые шептались.
Твоих нахлебников, цирцей
Смущеньем лица омрачались;
Вздыхали верные рабы
И за тебя богов молили,
Не зная в страхе, что сулили
Им тайные судьбы.

А между тем наследник твой,
Как ворон к мертвечине падкой,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.

Он мнил: „теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож,
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность—трын-трава!
Жену обсчитывать не буду
И воровать уже забуду
Казенные дрова!“

Но ты воскрес. Твои друзья,
В ладони хлопая, ликуют;
Рабы, как добрая семья,
Друг друга в радости целуют;
Бодрится врач, подняв очки;
Гробовый мастер взоры клонит;
А вместе с ним приказчик гонит
Наследника в толчки.

Так жизнь тебе возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: бесценный дар она;
Умей же пользоваться ею;
Укрась ее; года летят,
Пора! Введи в свои чертоги
Жену красавицу—и боги
Ваш брак благословят.

703. ПИР ПЕТРА ВЕЛИКОГО.

Над Невкою резво выются,
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселой;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровой?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу деда
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его цалует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Петербурге-городке,
И пальба, и гром музыки,
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселой
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

704.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
И улыбалась ему, тихие слезы лия.

705¹.

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы

¹ Стихотворения с 705-го по 707-е датируются 1835 г. предположительно.

И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал
И кудри, плющем увитые,
Сирийским мирром умащал?

Ты помнишь час ужасный битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно брося щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся! как бежал!
Но Эрмий сам незапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминучей.

А ты, любимец первый мой,
Ты снова в битвах очутился...
И ныне в Рим ты возвратился.
В мой домик темный и простой.
Садись под сень моих пенатов.
Давайте чаши. Не жалея
Ни вин моих, ни ароматов—
Венки готовы. Мальчик! лей.
Теперь некстати воздержанье:
Как дикий скиф, хочу я пить.
Я с другом праздную свиданье,
Я рад рассудок утопить.

706.

От меня вечер Леила
Равнодушно уходила.
Я сказал: „постой! куда?“
А она мне возразила:
„Голова твоя седа“.
Я насмешнице нескромной

Отвечал: „всему пора!
То, что было мускус темной,
Стало нынче камфора“.
Но Леила неудачным
Посмеялася речам
И сказала: „знаешь сам:
Сладок мускус новобрачным,
Камфора годна гробам“.

707. ПОДРАЖАНИЕ АРАБСКОМУ.

Отрок милый, отрок нежный,
Не стыдись, навек ты мой;
Тот же в нас огонь мятежный,
Жизнью мы живем одной.
Не боюсь я насмешек—
Мы сдвоились меж собой,
Мы точь-в-точь двойной орешек
Под единой скорлупой.

1836

708. Д. В. ДАВЫДОВУ.

При посылке «Истории Пугачевского бунта».

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир.
Но и по этой службе трудной,
И тут—о мой наездник чудной,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден: плут, казак прямой;
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

709. ХУДОЖНИКУ.

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе:
Сколько богов и богинь и героев!.. Вот Зевс громовержец,
Вот исподлобья глядит, дуя в цевницу, сатир.
Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов,
Тут Аполлон-идеал, там Ниобея-печаль...

Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых кумиров
Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет;
В темной могиле почил художников друг и советник.
Как бы он обнял тебя! Как бы гордился тобой!

710.

Подражание италиянскому.

Как с древа сорвался предатель-ученик,
Дьявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лице,
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.

711. МИРСКАЯ ВЛАСТЬ.

Когда великое свершалось торжество,
И в муках на кресте кончалось божество,
Тогда по сторонам животворяща древа
Мария-грешница и пресвятая дева,
Стояли две жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим—поставлено на место жен святых
С ружьем и в кивере два грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?—
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей?—
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,

Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копия?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

712. ИЗ ПИНДЕМОНТИ.

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова,
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова¹.
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от властей, зависеть от народа—
Не всё ли нам равно? Бог с ними. Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать, для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи,
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам
И пред созданиями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...

713.

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв,

¹ Hamlet.

Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей—
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

714.

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте коё-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолее,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный,
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которые также тут
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут—
Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...

Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;

Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...

715.

Exegi monumentum ¹.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру—душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит—
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемля равнодушно,
И не оспаривай глупца.

¹ [Я воздвиг памятник.]

716. НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В СВАЙКУ.

Юноша, полный красы, напряженья, усилия чуждый,
Строен, легок и могуч,—тешится быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе, дискобол! Он достоин, клянуся,
Дружно обнявшись с тобой, после игры отдыхать.

717. НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В БАБКИ.

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро оперся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился..... прочь! раздайся, народ любопытный,
Врозь расступись; не мешай русской удалой игре.

1830-е годы.

718.

Забыв и роццу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

НЕОКОНЧЕННОЕ И НЕОТДЕЛАННОЕ

1826

719. ИЗ ПИСЬМА К И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ.

С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвой, то унылой;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штосс:
Пятьсот рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою;
Сейчас, мой друг, увидишь почему.

720.

Едва уста красноречивы
Тебя коснулись—и вмиг
Его ума сгонь игривый
В тебя таинственно проник.

Кристалл, поэтом обновленный,
Укрась мой мирный уголок,
Залог поэзии священной
И дружбы сладостный залог.

В тебе таится жар целебной

721. ИЗ ПИСЬМА К С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яичницу свари.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке.

Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растаращит
Сладострастный свой глазок.

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели,
Влей в уху стакан шабли.

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок.

Яжельбицы—первая станция после Валдая.—В Валдае спроси, есть ли свежие сельди; если же нет,

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок.
И скорее поезжай.

722.

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубравы,
На берега сих молчаливых вод.

О, скоро ли она со дна речного
Подымет, как рыбка золотая?

Как сладостно явление ее
Из тихих волн, при свете ночи лунной!
Опутана зелеными власами,
Она сидит на берегу крутом.
У стройных ног, как пена, белых, волны
Ласкаются, сливаясь <и> журча.
Ее глаза то меркнут, то блистают,
Как на небе мерцающие звезды.
Дыханья нет из уст ее—но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья—
Томительно и сладко; в летний зной
Холодный мед не столько сладок жажде.
Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается—тогда
Мгновенный хлад, как ужас, пробегает
Мне голову, и сердце громко бьется,
Томительно любовью замирая.
И в этот миг я рад оставить жизнь—
Хочу стонать и жить ее лобзаньем—
А речь ее... Какие звуки могут
Сравниться с ней—младенца первый лепет,
Журчанье вод, иль майский шум небес,
Иль звонкие Бояна Славья гусли.

723. ИЗ ПИСЬМА К Н. С. АЛЕКСЕЕВУ.

Прощай, отшельник бессарабской,
Лукавый друг души моей!
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою своей.

Будь подобен полной чаше
 [Молодых счастливый дом]—
 Непонятно счастье ваше,
 Но молчите ж обо всем.

Что за диво, что за каша
 Для рассудка моего.
 • Чорт возьми! но, воля ваша,
 Не скажу я ничего.

То-то праздник мне да Маше,
 Другу сердца моего;
 Никогда про счастье наше
 Мы не скажем ничего.

Стойте—тотчас угадаю
 Горе сердца твоего.
 Понимаю, понимаю!—
 Не болтай же ничего.

Строгий суд <и слово> ваше
 Ценим более всего.
 Вы ль одни про счастье наше
 Не сказали ничего!

Он мне ровесник, он так мил,
 Всегда видала в нем я брата,
 Он, как сестру, меня любил.
 Скажите, чем я виновата.

Нет, Маша, ты не виновата.

И этой свадьбе не бывать.
 Кто ты

¹ Стихотворения с 724-го по 726-е датируются 1826 г. предположительно.

725.

В еврейской хижине лампада
 В одном углу бледна горит,
 Перед лампадою старик
 Читает библию. Седые
 На книгу падают власы.
 Над колыбелию пустой
 Еврейка плачет молодая,
 Сидит в другом углу, главой
 Поникнув, молодой еврей,
 [Глубоко] в думу погруженный;
 В печальной хижине старушка
 Готовит позднюю трапезу.
 Старик, закрыв святую книгу,
 Застежки медные сомкнул;
 Старуха ставит бедный ужин
 На стол и всю семью зовет.
 Никто нейдет, забыв о пище.
 Текут в безмолвии часы,
 Уснуло всё под сенью ночи.
 Еврейской хижины одной
 Не посетил отрадный сон.
 На колокольне городской
 Бьет полночь.—Вдруг рукой тяжелой
 Стучатся к ним. Семья вздрогнула,
 Младой еврей встает и дверь
 С недоуменьем отворяет—
 И входит незнакомый странник.
 В его руке дорожный посох

726.

О ты, который сочетал
 С глубоким чувством вкус толь верный,
 И точный ум, и [слог примерный],
 [О ты, который] избежал
 [Сентиментальности] манерной,
 [И самый легкий мадригал
 Умел]

727. КИПРЕНСКОМУ.

Любимец моды легкокрылой,
 Хоть не британец, не француз,
 Ты вновь создал, волшебник милый,
 Меня, питомца чистых муз,—
 И я смеюсь над могилой,
 Ушед навек от смертных уз.

Себя, как в зеркале, я вижу,
 Но это зеркало мне льстит.
 Так Риму, Дрездену, Парижу
 Известен впредь мой будет вид,
 Оно гласит, что не унижу
 Пристрастья важных <?> аонид.

728.

Толпа холодная поэта окружала
 И [равнодушные] хвалы ему жужжала,
 Но равнодушно ей, задумчив, он внимал
 И звучной лирою рассеянно бряцал.

729.

Какая ночь! Мороз трескучий,
 На небе ни единой тучи;
 Как шитый полог, синий свод
 Пестреет частыми звездами.
 В домах всё темно. У ворот
 Затворы с тяжкими замками.
 Везде покоится народ;
 Утих и шум, и крик торговый;
 Лишь только лает страж дворовый
 Да цепью звонкою гремит.

И вся Москва покойно спит,
 Забыв волнение боязни.

А площадь в сумраке ночном
Стоит полна вчерашней казни,
Мучений свежий след кругом:
Где труп, разрубленный с размаха,
Где столп, где вилы; там котлы,
Остывшей полные смолы;
Здесь опрокинутая плаха;
Торчат железные зубцы,
С костями груди пепла тлеют,
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернеют...
[Недавно кровь со всех сторон...
Струею тощей снег багрила,]
И подымался томный стон,
Но смерть коснулась к ним, как сон,
Свою добычу захватила.

Кто там? Чей конь во весь опор
По грозной площади несется?
Чей свист, чей громкий разговор
Во мраке ночи раздается?
Кто сей?—Кромешник удалой.
Спешит, летит он на свиданье,
В его груди кипит желанье.
Он говорит: „мой конь лихой,
Мой верный конь! лети стрелой!
Скорей, скорей!..“ Но конь ретивой
Вдруг размахнул плетеной гривой
И стал. Во мгле между столпов
На перекладине дубовой
Качался труп. Ездок суровый
Под ним промчаться был готов,
Но борзый конь под плетью бьется,
Храпит и фыркает, и рвется
Назад. „Куда? мой конь лихой!
Чего боишься? Что с тобой?
Не мы ли здесь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,

Усердной местию горя,
Лихих изменников царя?
Не их ли кровию омыты
Твои булатные копыты!
Теперь ужель их не узнал?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!... И конь усталый
В столбы проскакал.

730.

Сводня грустно за столом
Карты разлагает.
Смотрят барышни кругом,
Сводня им гадает:
„Три девятки, туз червей
И король бубновый—
Спор, досада от речей
И при том обновы...

Шепчут: „Катя, кто пришел?
Посмотри хоть в щелку“.

Что? Хороший человек...
Сводня с ним знакома,
Он с - - целый век,
Он у них, как дома.
[--] в кухню [руки мыть]
Кинулись прыжками
[Обуваться, пукли взбить],
Прыскаться духами.

Гостя сводня между тем
Ласково встречает,

- - - - -
Он же вопрошает:
„Что, как торг идет у вас?
Барышей довольно?“
Сводня за щеку < ? > взялась
И вздохнула больно:

„Хоть бывало худо мне,
Но такого горя
Не видала и во сне,
Хоть бежать за море.
Верите ль, с Петрова дня
Ровно до субботы
Все девицы у меня
Были без работы.

Четверых гостей, гляжу,
Бог мне посылает.
Я - - им вывожу,
Каждый выбирает.

- - - - -
Не платя, пошли все прочь.
Господи, мой боже!“
Гость ей: „Право жаль мне вас.
Здравствуй, друг Анета,
[Что за шляпка!], что за шаль,
Подойди, Жанета.

- - - - -
- - - - -
- - - - -
- - - - -
— „Что же,—сводня говорит,—
- - - - -
- - - - -
- - - - -

Бедной сводне гость в ответ:

„Нет, не беспокойтесь

Девушки, не бойтесь“.

Он ушел—всё стихло вдруг,

Сводня приуныла.

Дремят девушки вокруг

Свечка

Сводня карты вновь берет,

Молча вновь гадает,

Но никто, никто нейдет—

Сводня засыпает.

731.

Блажен в златом кругу вельмож

Пиит, внимаемый царями.

Владея смехом и слезами,

Приправя горькой правдой ложь,

Он вкус притупленный щекотит

И к славе спесь бояр охотит.

Он украшает их пиры

И внемлет умные хвалы.

Меж тем, за тяжкими <?> дверями,

Теснясь у черного <?> крыльца,

[Народ], толкаемый слугами,

Поодаль слушает певца.

732.

В рощах карийских, любезных ловцам, таится пещера;

Стройные сосны кругом склонились ветвями, и тенью

Вход ее заслонен на воле бродящим в извивах

Плющем, любовником скал и расщелин. С камня на камень,

Звонкой струится дугой, пещерное дно затопляет
Резвый ручей. Он, пробив глубокое русло, вьется
Вдаль по роще густой, веселя ее сладким журчаньем.

733. НЯНЕ¹.

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь—
То чудится тебе

734.

Kennst du das Land?
Wilh. Meist.²
По клюкву, по клюкву..
По ягоду, по клюкву...

Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевой,
Где море теплою волной
Вокруг развалин тихо плещет;
Где вечный лавр и кипарис
На воле гордо разрослись;
Где пел Торквато величавый;
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы;

¹ Стихотворения с 733-го по 736-е датируются 1827 г. предположительно.

² [Ты знаешь край? Вильгельм Мейстер.]

Где Рафаэль живописал;
Где в наши дни резец Кановы
Послушный мрамор оживлял,
И Байрон, мученик суровый,
Страдал, любил и проклинал?

.
.

Волшебный край, волшебный край,
Страна высоких вдохновений,
Людмила зрит твой древний рай,
Твои пророческие сени.

На берегу роскошных вод
Порою карнавальных оргий
Кругом ее кипит народ;
Ее приветствуют восторги.
Людмила северной красой,
Всё вместе—томной и живой,
Сынов Авзонии пленяет
И поневоле увлекает
Их пестры волны за собой.
На рай полуденной природы,
На блеск небес, на ясны воды,
На чудеса немых искусств
В стесненны вдохновенных чувств
Людмила светлый взор возводит,
Дивясь и радуясь душой,
И ничего перед собой
Себя прекрасней не находит.
Стоит ли с важностью очей
Пред флорентинскою Кипридой,
Их две—и мрамор перед ней
Страдает, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
В молчаньи смотрит ли она
На образ нежный Форнарины,
Или Мадонны молодой,

Она задумчивой красой
Очаровательней картины...
Скажите мне, какой певец,
Горя восторгом умиленным,
Чья кисть, чей пламенный резец
Предаст потомкам изумленным
Ее небесные черты?
Где ты, ваятель безымянный
Богини вечной красоты?
И ты, харитою венчанный,
Ты, вдохновенный Рафаель?
Забудь еврейку молодую,
Младенца-бога колыбель,
Постигни прелесть неземную,
Постигни радость в небесах,
Пиши Марию нам другую,
С другим младенцем на руках
. . . .

735.

Я знаю край: там на берега
Уединенно море плещет;
Безоблачно там солнце блещет
На опаленные луга;
Дубрав не видно—степь нагая
Над морем стелется одна.

736.

Когда так нежно, так сердечно,
Так радостно я встретил вас;
Вы удивились, конечно,
Досадой хладно оружась.

[Вечор в счастливом усыпленьи ¹

¹ [Следующий стих не написан.]

Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтешь.
Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар,
Доселе в жизненной пустыне,
[Во мне питая сердца] жар,
Мне навлекал одно гоненье,
1

[Иль клевету, иль] заточенье,
И редко—хладную хвалу.

739.

Волненьем жизни утомленный,
Оставя заблуждений путь,
Я сердцем алчу отдохнуть
И близ тебя, мой друг бесценный

740

В степях зеленых Буджака,
Где Прут, [заветная] река,
Обходит русские владенья,
При [бедном] устье ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
[В убогой дикости] живут,
Храня родительские нравы,
Питаясь трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.

741. ИЗ ПИСЬМА К КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

А в ненастные дни
Собирались они
Часто.

¹ [Стих в последней редакции не написан.]

Гнули, - - - - ,
От пятидесяти
На сто.

И выигрывали,
И отписывали
Мелом.

Так в ненастные дни
Занимались они
Делом.

742.

Вези, вези, не жалей,
Со мной ехать веселей.

Мне изюм
Нейдет на ум.
Цуккерброд
Не лезет в рот,
Пастила нехороша
Без тебя, моя душа.

743.

Рифма—звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда,
Ах, зачем ты улетела,
Изменила навсегда?

Твой [приветный,] милый лепет
Усмирял сердечный трепет,
Усыплял мою печаль,
Ты ласкалась, ты манила
И от мира уводила
В очарованную даль.

Ты [бывало мне] внимала,
За мечтой моей бежала,
Как послушное дитя;
То—свободна и ревнива,
Своенравна и ленива—
С нею спорила шутя.

[Но с тобой не расставался,
Сколько раз повиновался
Резвым прихотям твоим.
Как любовник добродушный
Снисходительно послушный,
Был я мучим и любим.

О, когда бы ты явилась
В дни, когда еще толпилась
Олимпийская семья!
Ты бы с ними обитала,
[Как бы пышно] засияла
Родословная твоя!

Взяв божественную лиру,
[Так] поведали бы миру
Гезиод или Омир:
Феб однажды [у] Адмета,
Близ тенистого Тайгета
Стадо пас, угрюм и сир.

[Он бродил] во мраке леса,
[И никто,] страшась Зевеса,
[Из богинь иль из] богов
Навещать его не смели—
Бога лиры и свирели,
Бога света и стихов!

Помня первые свиданья,
Утолить его страданья
Мнемозина притекла,

И подруга Аполлона
В тихой роще Геликона
[Плод восторгов] родила.

[И младенца восприяли]
[Боги]
[И от гневного Зевеса]
сокрыла ночь.

744.

Всем красны боярские конюшни,
Чистотой, прислугой и конями;
Всем довольны добрые кони
Кормом, стойлами и надзором.
Сбруя блещет на стойках дубовых,
В стойлах лоснятся борзые кони.
Лишь одним конюшни непригожи—
Домовой повадился в конюшни.
По ночам ходит он в конюшни,
Чистит, холит коней боярских,
Заплетает гриву им в косички,
Туго хвост завязывает в узел.
Как не влюбит он вороного.
На вечерней заре с водопою
Обойду я боярские конюшни
И зайду в стойло к вороному—
Конь стоит исправен и смирен.
А поутру отопрешь конюшни,
Конь не тих, весь в мыле, жаром пышет,
С морды каплет кровавая пена.
Во всю ночь домовый на нем ездит
По горам, по лесам, по болотам,
С полуночи до белого света—
До заката месяца.

Ах ты, старый конюх [неразумный],
Разгадаешь ли, старый, загадку?
Полюбил красну девку молодой конюх,

Младой конюх, разгульный парень—
Он конюшни ночью отпирает,
Потихонько вороного седлает,
Полегонько выводит за ворота,
На коня, на борзого садится,
К [красной девке в гости] скачет.

745.

Уродился я, бедный недоносок;
С глупых лет брожу я сиротою;
Недорослем меня бедного женили;
Новая семья не полюбила;
Сударыня жена не приласкала.

746¹.

Брадатый староста Авдей
С поклоном барыне своей,
Заместо красного яичка,
Поднес ученого скворца.
Известно вам, такая птичка
Умней иного мудреца.
[Скворец, надувшись] величаво,
Вздыхал о царствии небес
И приговаривал картаво:
„Христос воскрес! Христос воскрес!“

[Скворец мой был не пустомеля,
Не врал он всякой чепухи,
Он был учение]

747.

В рюмке светлой предо мною
Брыжжет, пенится вино.

748.

Лищинский околел,—отечеству беда!
Князь Сергей жив еще—утешьтесь господа.

¹ Стихотворения с 746-го по 751-е датируются 1828 г. предположительно

749.

Покойник, автор сухощавый,
Писал для денег, пил из славы.

750.

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт бывало тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

На нити легкого веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.

[Любили] Крым [птенцы] Саади:
Порой восточный краснобай
Здесь развивал [свои] тетради
И удивлял Бахчисарай.

Его рассказы [расстилались],
Как эриванские ковры,
[И ими] ярко [украшались]
Гиреев ханские [пиры].

Но ни один волшебник милой,
Владелец умственных даров,
Не вымышлял с такою силой
Так хитро сказок и стихов,—

Как прозорливый и [крылатый]
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

751.

Когда Потемкину в потемках
Я на Пречистенке найду,
То пусть с Булгариным в потомках
Меня поставят наряду.

6

1829

752.

Как быстро в поле, вкруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом
Земля промерзлая звучит!
Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз:
Ланиты, ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью.

Печальны лес и дол завялый,
Проглянет день—и уж темно,
И, будто путник запоздалый,
Стучится буря к нам в окно....

753.

Благословен и день и час,
Когда [в горах Кавказа]
Судьба соединила нас.

754.

Благословен твой новый путь,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,

[Но где Гафиза и Саади]
[Знакомы имена].

[Ты посетишь наш край] полночной,
[Оставь же след]
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.

755.

Критон, роскошный гражданин
Очаровательных Афин,
Во цвете жизни предавался
Всем упоениям бытия.
Однажды,—слушайте, друзья,
Он по Керамику скитался,
И вдруг из рощи вековой,
Красою девственной блистая,
В одежде легкой и простой
Явилась нимфа молодая.
Пред банею, между колонн,
Она на миг остановилась
И в дом вошла. Недвижим он
Глядит на дверь, куда, как сон,
Его красавица сокрылась—

756.

Зорю быют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих—
Дух далеке улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
[Я давнишнюю порой.]

757.

„Полюби меня, девица“.
— [Нет]
Что же скажет вся станица?
Я с другим обручена.
„Твой жених теперь далече“.

758.

Стрекотунья белобока
Над калиткою моей
Скачет пестрая сорока
И пророчит мне гостей.
[Колокольчик небывалой
У меня звенит в ушах,]
На заре алой,
[Серебрится] снежный прах.

759.

Был и я среди донцов,
Гнал и я османов шайку;
В память битвы и шатров
Я домой привез нагайку.
[На походе, на войне]
Сохранил я балалайку—
С нею рядом, на стене
Я повешу и нагайку.
Что таиться от друзей—
Я люблю свою хозяйку,
Часто думал я об ней
И берег свою нагайку.

760.

Зачем, Елена, так пугливо,
С такой ревнивой быстротой,
Ты всюду следуешь за мной—

И надзираешь торопливо
Мой каждый шаг и каждый взор?

761.

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, [сын]

762. ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ.

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок библии, [безумный] расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев, наконец, родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословенный,
Воображал сии сады.

Воображаю день счастливый,
Когда средь вас возник лицей,
И слышу наших игр я снова шум
И вижу вновь семью друзей.
Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я.

И въявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы.
Еще исполнены великою женою,
Ее любимые сады
Стоят населены чертогами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов
И славой мраморной, и медными хвалами
Екатерининских орлов.

Садятся призраки героев
У посвященных им столпов,
Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полунощного флага,
Пред кем морей пожар и плавал, и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
Вот наваринский Ганнибал.

763.

Сей белокаменный фонтан,
Стихов узором испещренный,
[Железный ковшик]
[цепью прицепленный].

[Кто б ни был ты—пастух,]
[Рыбак иль странник утомленный,
Приди и пей]

764.

Надеясь на мое презренье,
Седой зоил меня ругал,
И, потеряв [уже] терпенье,
Я эпиграммой [отвечал.]
Укушенный желаньем славы,
Теперь, надеясь на ответ,
[Журнальный шут], холоп лукавый,

Ругать бы также стал.—О, нет!
Пусть он, как бес перед обедней,
Себе покоя не дает;
Лакей, сиди себе в передней,
А будет с барином расчет.

765.

Еще одной высокой, важной песни
Внемли, о Феб, и смолкнувшую лиру
В разрушенном святилище твоём
Повешу я, да издаёт,
Когда столбы его колеблет буря *неразбр*,
Печальный звук! Еще единый гимн—
Внемлите мне, пенаты—вам пою
Ответный гимн, советники Зевеса,
Живете ль вы в небесной глубине,
Иль, божества всевышние, всему
Причина вы, по мненью мудрецов,
И следуют торжественно за вами
Великий Зевс с супругой белоглавой
И мудрая богиня, дева силы,
Афинская Паллада,—вам хвала.
Примите гимн, таинственные силы!
Хоть долго был изгнаньем удален
От ваших жертв и тихих возлияний,
Но вас любить не преставал, о боги,
И в долгие часы пустынной грусти
Томительно просилась отдохнуть
У вашего святого пепелища
Моя душа—там мир.
Так, я любил вас долго! Вас зову
В свидетели, с каким святым волненьем
Оставил я [людское стадо] там,
Дабы стеречь ваш огонь уединенный,
Беседуя [один] с самим собою.
Часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают мне [знать сердечну глубь,]

В могуществе и немощах ее.
Они любить, лелеять научают
Не смертные, таинственные чувства,
И нас они в науке первой учат—
Чтить самого себя. О, нет, вовек
Не преставал молить благоговейно
Вас, божества домашние.

766 ¹.

Меж горных рек несется Терек,
Волнами точит дикий берег,
Клокочет вокруг огромных скал,
То здесь, [то там] дорогу роет,
Как зверь живой, ревет и воет—
И вдруг утих и смирен стал.

Всё ниже, ниже опускаясь,
Уж он бежит едва живой.
Так, после бури истощаясь,
Поток струится дождевой.
И вот обнажилось
Его кремнистое русло.

767.

И вот ущелье мрачных скал
Пред нами шире становится,
Но тише Терек злой стремится,
Луч солнца ярче засиял.

768.

Страшно и скучно.
Здесь новоселье,
Путь и ночлег.

¹ Стихотворения с 766-го по 774-е датируются 1829 г. предположительно.

Тесно и душно.
В диком ущелье—
Тучи да снег.

Небо чуть видно,
Как из тюрьмы.
Ветер шумит.
[Солнцу обидно]

769.

Шумит кустарник... На утес
Олень веселый выбегает.
[Пугливо] он подножный лес
С вершины острой озирает.
Недвижим, строен [он] стоит
И чутким ухом шевелит...
Глядит на светлые поля,
Глядит на синий свод небесной,
И на днепровские брега,
Венчанны чашею древесной.
Вдруг дрогнул он—незапный звук
Его коснулся—[боязливо]
[Он шею вытянул и вдруг
С вершины прынул]

770.

В журнал совсем не европейский,
Над коим чахнет старый журналист,
С своею прозою лакейской
Взошел болван семинарист.

1

храбро он хлопочет.
Твой барин

771.

Авдотья Яковлевна пахнет.

¹ Стих не написан.

772.

Мы наслаждение удвоим

- - - - -

773.

День блаженства настоящий
Дева встретит наконец,
Час пробьет, и - - - -
Дева - - - - -.

774.

Дева, - - - - ,
Залетит - - - - .

1830

775. К ПЕРЕВОДУ ИЛИАДЫ

[Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.]

776.

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья;

Смиренная, одетая убого,
Но видом величаясь жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

[Там] нежила меня [теней] прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.

Всё—мраморные циркули и лиры
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры—

Всё наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик молодой—
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал—
Волшебный демон—лживый, но прекрасный.

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось—холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал—уныние и лень
Меня сковали—тщетно был я молод—

[Средь отроков] я молча целый день
Бродил угрюмый—всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

777.

Мы рождены, мой брат названный,
Под одинаковой звездой.
[Киприда, Феб и Вакх румяный]
Играли нашею судьбой.

Явились мы рано оба
На ипподром, а не на торг,
Вблизи Державинского гроба,
И шумный встретил нас восторг.

И стих надеждами <?> неразбр
Жует <?> беззубый <?> журналист,
Твой слог могучий и нрзбр
Какой-то дразнит пародист.

Но ты, сын [Феба] беззаботный,
Своих возвышенных затей
Не предавал рукой расчетной
Оценке хитрых торгашей.

В одних журналах нас <ругали>,
Упреки те же слышим мы,
Мы любим славу <?> да в бокале
Топить разгульные умы.

Избаловало нас начало,
И в гордой лености своей

Заботились мы оба мало
Судьбой гуляющих детей.

778.

Когда порой воспоминанье
Грызет мне сердце в тишине,
И отдаленное страданье,
Как тень, опять бежит ко мне;
Когда, людей повсюду видя,
В пустыню скрыться я хочу,
Их слабый глас возненавидя,—
Тогда *неразбр* лечу
Не в светлый край, где небо <блещет>
Неизъяснимой <синевой>,
Где море <теплою волной>
На мрамор ветхий тихо плещет,
И лавр и темный кипарис
На воле пышно разрослись,
Где пел Торквато <величавый>,
Где и теперь в <тиши ночной>
<Адриатической волной>
Порой далече звонкой славой
Повторены пловца октавы,—
Стремлюсь привычною мечтою
К студеным северным волнам,
Меж белоглавой их толпою
Открытый <?> остров вижу там.
Печальный остров—берег дикой
Усеян зимнею брусникой,
Увядшей тундрою покрыт
И холодной пеною подмыт.
Сюда порою приплывает
[Отважный северный рыбак,]
Здесь рыбарь невод расстилает
[И свой] разводит очаг.
Сюда погода волновая
Загонит утлый мой челнок.

„Тебя зову на томной лире,
 [Но] где найду мой идеал?
 И кто поймет меня в сем мире?“
 Но Анатоль не понимал.

780.

Восстань, о Греция, восстань.
 Недаром напрягала силы,
 Недаром потрясала брань
 Олимп и Пинд и Фермопилы.

Под сенью ветхой их вершин
 Свобода юная возникла
 На гробах Перикла
 На мраморных Афин.

Страна героев и богов
 Расторгла рабские вериги
 При пеньи пламенных стихов
 Тиртея, Байрона и Риги.

781.

Опять увенчаны мы славой,
 Опять кичливый враг сражен,
 Решен в Арзруме спор кровавый,
 В Эдырне мир провозглашен.

И [дале] двинулась Россия,
 И юг державно облегла
 [В свои объятия тугие],
 И пол Эвксина подняла.

¹ Стихотворения с 779-го по 788-е датируются 1830 г. предположительно.

С Гомером долго ты беседовал один,
 Тебя мы долго ожидали,
 И светел ты сошел с таинственных вершин
 И вынес нам свои скрижали.
 И что ж? ты нас обрел в пустыне под шатром
 В безумстве суетного пира,
 Поющих буйну песнь и скачущих кругом
 От нас созданного кумира.
 Смутились мы, твоих чуждаясь лучей.
 В порыве гнева и печали
 Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей,
 Разбил ли ты свои скрижали?
 О, ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
 Скрываться в тень долины малой,
 Ты любишь гром небес, но также внимлешь ты
 Жужжанью пчел над розой алой.
 [Таков прямой поэт. Он сетует душой
 На пышных играх Мельпомены,
 И улыбается забаве площадной
 И вольности лубочной сцены,]
 То Рим его зовет, то гордый Илион,
 То скалы старца Оссиана,
 И с дивной легкостью меж тем летает он
 Во след Бовы иль Еруслана.

Как весенней теплою порою,
 Из-под утренней белой зорюшки,
 Что из лесу, из лесу, из дремучего,
 [Чернобурая] выходила медведиха
 Со малыши детушками медвежатами,
 Погулять, посмотреть, себя показать.
 Села б <оярыня> медведица под белой березою;
 Стали медвежата промеж собой играть,
 По муравушке валяться, обниматься,
 Боротися, кувыркаться.
 Отколь ни возьмись—мужик идет:

Он в руках несет рогатину,
А нож-то у него за поясом,
А мешок-то у него за плечьями.
Как завидела медведиха
Мужика со рогатиной,—
Заревела медведиха,
Стала кликать малых детушек,
Своих глупых медвежатусшек:
„Ах, вы детушки, медвежатусшки,
Уж как знать на нас мужик идет.
Перестаньте играть, валяться,
Боротися, кувыркаться,
Становитесь, хоронитесь за меня:
Уж как я вас мужику не выдам,
А сама мужику выем“.

Медвежатусшки испугались,
За медведиху бросались,
А медведиха осержалась—
На дыбы подымалась.
А мужик-от, он догадлив был,
Он пускался на медведиху,
Он сажал в нее рогатину,
Что выше пупа, пониже печени.
Грянулась медведиха о сыру землю,
А мужик-то ей брюхо порол,
Брюхо порол, да шкуру сымал,
Малых медв<ежатусшек> в мешок клал,
А поклавши-то домой пошел.

„Вот тебе, жена, подарочек—
Что медвежия шуба в пятьдесят рублей;
А что вот тебе другой подарочек—
Трой медвежат по пяти рублей“.

Не звоны пошли по городу,—
Пошли вести по всему по лесу.
Дошли вести до медведя чернобурова,

Что убил мужик его медведиху,
Распорол ей брюхо белое,
Шкуру <сымал>,
Медвежатшек в мешок поклат.
В ту пору медведь запечалился,
Голову повесил, голосом завыл
По своей ли сударушке,
Чернобурой медведихе:
„Ах ты свет, моя медведиха!
На кого меня покинула,
Вдовца несчастного,
Вдовца горемычного?
Уж как мне с тобой, моей боярыней,
Веселой игры не играть,
Милых детушек не родити,
Медвежатшек не качати,
Не качати, не баюкати!“
В ту пору звери собиралися
Ко тому ли медведю, ко тому ли боярину,
Прибегали звери большие,
Прибегали тут зверишки меньшие,
Прибегал туто волк-дворянин.
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые!
Приходил тут бобр—торговый гость:
У него-то, бобра, жирный хвост!
Приходила ласочка-дворяночка,
Приходила белочка-княгинюшка,
Приходила, лисица-подъячиха,—
Подъячиха, казначеиха!
Приходил скоморох-ярыжка-горностаюшка,
Прибегал тут зайка-смерд,
Зайка бедненький, зайка серенький!
Приходил байбак тут глумян,
(Живет он, байбак, позадь гумян);
Приходил цаловальник-еж.
Всё-то он, еж, ежится,
Всё-то он щетинится.

Надо мной в лазури ясной
Светит звездочка одна,
Справа—запад темно-красной,
Слева—бледная луна.

Стою печален на кладбище,
Гляжу кругом—обнажено
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено.
И мимо вечного ночлега
Дорога сельская лежит,
По ней рабочая телега
изредка стучит.
Одна равнина справа, слева,
Ни речки, ни холма, ни древа.
Кой-где чуть видятся кусты.
Немые камни и могилы
И деревянные кресты
Однообразны и унылы.

786. МЕДОК.

Мёдок в Уллах.

Попутный веет ветер.—Идет корабль,
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Ветрила все,—идет, и пред кормой
Морская пена раздается.—Многим
Наполнилася грудь у всех пловцов—
Теперь, когда свершен опасный путь,
Родимой край они узрели снова;
Один стоит, вдаль устремляя взоры,
И в темных очерках <?> ему рисует
Мечта давно знакомые предметы,
Залив и мыс,—пока недвижны очи
Не заболят. Товарищу другой
Жмет руку и приветствует с отчизной,

И господа благодарит, рыдая.
Другой, безмолвную творя молитву
Угоднику и [деве] пресвятой,
И милостынь, и дальних поклонений
Старинные обеты обновляет,
[Когда] найдет он всё благополучно.
Задумчив, нем и ото всех далече
Сам Мёдок погружен в молениях
О славном подвиге, то в снах надежды,
То в горестных предчувствиях и страхе.
Прекрасен вечер, и попутный ветер
Звучит меж вервей; корабль надежный быстро
Бежит, шумя, меж волн. Садится солнце.

787.

Зачем я ею [очарован]?
Зачем расстаться должен с ней?
Когда б я не был избалован
Цыганской жизнью моей

Она [глядит на] вас так нежно,
Она лепечет так небрежно,
Она так тонко весела,
Ее глаза так полны чувством,
Вечор она с таким искусством
Из-под накрытого стола
Мне свою ножку подала.

788.

„Женись.“—На ком? „На Вере Чацкой“.
—Стара. „На Радиной“.—Проста.
„На Хальской“.—Смех у ней дурацкой.
„На Шиповой“.—Бедна, толста.
„На Минской“.—Слишком томно дышет.
„На Торбиной“.—Романсы пишет.
„На Маше Липской“.—Что за тон!

Гримас, ужимок миллион.
„На Лидьи—“.—Что за семейство!
У них орехи подают,
Они в театре пиво пьют.
[Цалует] мать, отец дурак.
„Ну, так <на> Ленской <?>“—Как не так!
Приму в родство себе лакейство.

1831

789.

Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы
Живописец, католик усердный

790. ИЗ ПИСЬМА К КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Любезный Вяземский, поэт и камергер...
(Василья Львовича узнал ли ты манер?
Так некогда письмо он начал к камергеру.
Украшенну ключом за верность и за веру)
Так солнце и на нас взглянуло из-за туч!
На - - твоей сияет тот же ключ.
Ура, хвала и честь поэту-камергеру—
Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру.

791. ИЗ ПИСЬМА К А. О. РОССЕТ.

От вас узнал я плен Варшавы,
Вы были вестницею славы
И вдохновеньем для меня.

792.

Чем чаще празднует лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш,

В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш,
И наши песни тем грустнее.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
[И смерти дух] средь нас ходил,
И назначал свои закланья.

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

И, мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных,
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,
Надеждой некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшиться.

Когда в объятия мои
 Твой стройный стан я заключаю,
 И речи нежные любви
 Тебе с восторгом расточаю,
 Безмолвна, от стесненных рук
 Освобождая стан свой гибкой,
 Ты отвечаешь, милый друг,
 Мне недоверчивой улыбкой;
 Прилежно в памяти храня
 Измен печальные преданья,
 Ты без участия и вниманья
 Уныло слушаешь меня...
 Кляню коварные старанья
 Преступной юности моей,
 И встреч условных ожиданья
 В садах, в безмолвии ночей.
 Кляню речей любовный шопот,
 [Стихов таинственный напев,]
 И [ласки] лежковерных дев,
 И слезы их и поздний ропот.

794. ИЗ ПИСЬМА К М. Л. ЯКОВЛЕВУ.

Смирдин меня в беду поверг:
 У торгоша сего семь пятниц на неделе,
 Его четверг на самом деле
 Есть после дождика четверг.

795¹.

Два чувства дивно близки нам—
 В них обретает сердце пищу—
 Любовь к родному пепелищу,
 Любовь к отеческим гробам.
 [На них основано от века,

¹ Стихотворения 795-е и 796-е датируются 1831 г. предположительно.

По воле бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его].
Животворящая святыня.
Земля была <б> без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.

796.

Так старый хрыч цыган Илья,
Под лад плечами шевеля,
Глядит на удаль плясовую
[Да чешет голову седую].

1832

797.

Желал я душу освежить,
Бывалой жизнью пожить
В забвеньи сладком меж друзей
Минувшей юности моей.

Я ехал в дальные края;
Искал не злата, не честей
В пыли средь копий и мечей,
Не

798 1. .

I.

И дале мы пошли—и страх обнял меня.
Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.

Горячий капал жир в копченое корыто,
И лопал на огне печеный ростовщик.
А я: „Поведай мне: в сей казни что сокрыто?“

¹ Стихотворение 798-е датируется 1832 г. предположительно.

Виргилий мне: „Мой сын, сей казни смысл велик:
Одно стяжание имел всегда в предмете,
Жир должников своих сосал сей злой старик

И их безжалостно крутил на вашем свете“.
Тут грешник жареный протяжно возопил:
„О, если б я теперь тонул в холодной Лете!

О, если б зимний дождь мне кожу остудил!
Сто на сто я терплю: процент невероятной!“—
Тут звучно лопнул он—я взоры потупил.

Тогда услышал я (о диво!) запах скверной,
Как будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный страж курил жаровней серной.

Я нос себе зажав, отворотил лицо.
Но мудрый вождь тащил меня всё дале, дале—
И, камень приподняв за медное кольцо,

Сошли мы вниз—и я узрел себя в подвале.

II.

Тогда я демонов увидел черный рой,
Подобный издали ватаге муравьиной—
И бесы тешились проклятою игрой:

До свода адского касалась вершиной
Гора стеклянная, [как Арарат] остра—
И разлегалась над темною равниной.

И бесы, раскалив как жар чугун ядра,
[Пустили вниз его смердящими] когтями:
Ядро запрыгало—и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звездами—
Тогда других чертей нетерпеливый рой
За жертвой кинулся с ужасными словами.

Схватили под-руки жену с ее сестрой,
И заголили их, и вниз пихнули с криком—
И обе, сидючи, пустились вниз стрелой...

Порыв отчаянья я внял в их вопле диком;
Стекло их резало, впивалось в тело им—
А бесы прыгали в веселии великом.

Я издали глядел—смущением томим.

1833

799.

В славной, в Муромской земле,
В Карачарове селе
Жил был дьяк с своей дьячихой.
Под конец их жизни тихой
Бог отраду им послал—
Сына им он даровал.

800.

Колокольчики звенят,
Барабанчики гремят,
А люди-то, люди—
Ой люшеньки-люли!
А люди-то, люди
На цыганочку глядят.

А цыганочка-то пляшет,
В барабанчики-то бьет
И ширинкой алой машет,
Заливается-поет:
„Я певунья, я певица,
Ворожить я мастерица“.

Толпа глухая,
 Крылатой истины любовница [слепая],
 [Любимцев], меняя каждый день
 С ступени на ступень,
 Летят кумиры их, увенчанные славой.

Французских рифмачей суровый судия,
 О классик Депрео, к тебе взываю я:
 Хотя, постигнутый неумолимым роком,
 В своем отечестве престал ты быть пророком,
 Хоть резких умников простерлася рука
 На лавры твоего густого парика,
 Хотя растрепанный новейшей вольной школой,
 К ней в гнев обратил ты свой затылок голой;
 Но я молю тебя, поклонник верный твой—
 Будь мне вожааем. Дерзаю за тобой
 Занять кафедру ту, с которой в прежни лета
 Ты слишком превознес достоинства сонета,
 Но где торжествовал твой здравый приговор
 Минувших лет глупцам, вранью тогдашних пор.

О вы, которые, восчувствовав отвагу,
 Хватаете перо, марают бумагу,
 Тисненью предавать труды свои спеша,
 Постойте, наперед, узнайте, чем душа
 У вас исполнена—прямым ли вдохновеньем,
 Иль необдуманном одним поползновеньем,
 И чешется у вас рука по пустякам,
 Иль вам не верят в долг, а деньги нужны вам.
 Не лучше ль вам стократ <?> с надеждою смиренной
 Заняться службою гражданской иль военной,
 С хваленым Жуковым табачный торг завести
 И снискивать в труде себе барыш и честь,
 Чем объявления совать во все журналы,

[Кропая пошлые вельможе мадригалы—
Над меньшей собратьей в поту лица острясь,
Иль выше мнения отважно вознесясь,]
С оплошной публики (как некие писаки)
Подписку собирать—на будущие враки.

803.

Царь увидел пред собой
Столик с шахматной доской.
Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
В стройный ряд расставил он.
Грозно куколки стоят,—
Подбоченья на лошадках,
В коленкоровых перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.

Тут лохань перед собою
Приказал налить водою.
Плавать он пустил по ней
Тьму прекрасных кораблей,
Барок, каторог и шлюпок
Из ореховых скорлупок.
А прозрачные ветрильда—
Будто бабочкины крыльца,
А веревки

804.

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
[Светит месяц], тройка мчится
По дороге столбовой.

Пой: [в часы] дорожной скуки,
На дороге [столбовой,]
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.

Пой ямщик! Я [молча,] жадно
Буду слушать голос твой.
Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальний вой.

[Знаешь песню [ты] „лучина,
Что же не светло горишь“?]

805 ¹.

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам;
Так ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

806.

На это скажут мне с улыбкою неверной:
Смотрите, вы поэт уклонный, лицемерный,
Вы нас морочите—вам слава ненужна,
Смешной и суетной вам кажется она:
Зачем же пишите?—Я? для себя.—За что же
Печатаете вы?—Для денег.—Ах, мой боже!
Как стыдно!—Почему ж?

1834

807.

Он между нами жил
Средь племени ему чужого, злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним

¹ Стихотворения 805-е и 806-е датируются 1833 г. предположительно.

Делились мы и чистыми мечтами,
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад—и благословеньем
Его мы проводили.—Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом—и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет.—Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!.. боже! освяти
В нем сердце правдою твоей и миром
И возврати ему

808¹.

Везувий зев открыл—дым хлынул клубом—пламя
Широко развилось, как боевое знамя.
Земля волнуется—с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый [страхом],
Под каменным дождем, [под воспаленным прахом],
Толпами стар и [млад] бежит из града вон.

809.

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба, на земле,
Жил старик в одном селе.

810.

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды лик увидел,

¹ Стихотворения с 808-го по 810-е датируются 1834 г. предположительно.

[И спеша дорогой <?> мимо]
развлечен,
Путник смотрит невидимо
На семейство, на балкон.

812.

Осердился Георгий П<етрович>,
Засверкали черные очи,
Нахмурились черные брови—
Янко Вуич грамоту пишет
[Георгию], своему побратиму:
„Берегися, Черный Георгий,
Над тобой подымается туча—
Неразбр враг извести тебя хочет,
[Недруг] хитрый, Милош Обренович—
[Он в Хотин подослал]
[Янка младшего].

813.

Когда владыка ассирийский
Народы казнию казнил,
И Олоферн весь край азийский
Его деснице покорил,—
Высок смиреньем терпеливым
И крепок верой в бога сил,
Перед сатрапом горделивым
Израил выи не склонил;
Во все пределы Иудеи
Проникнул трепет. Иереи
Одели вретищем алтарь;
[Главу покрыв] золой и прахом,
Народ завыл, объятый страхом,
И внял ему всевышний царь.

Притек сатрап к ущельям горным
И зрит: их узкие врата
Замком замкнуты непокорным,

Стеной, ~~как~~ поясом узорным
Препоясалась высота.
И над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в [тишине],
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой вышине.

Сатрап смутился изумленный,
И гнев в нем душу помрачил,
И свой совет разноплеменный
Он любопытный спросил:
„Кто сей народ?—и что их сила
И кто им вождь, и отчего
Сердца их дерзость воспалила,
И их надежды на кого?“—
И встал тогда сынов Аммона
Военачальник Ахиор
[И рек], [и Олоферн со] трона
[К нему] склонил и слух и взор.

814 ¹.

В мои осенние досуги,
В те дни, как любо мне писать,
Вы мне советуете, други,
Роман забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво,
Роман, не конча, перервать,
Отдав его уже в печать;
Что должно своего героя
Как бы то ни было женить,
По крайней мере, уморить,
И лица прочие пристроя,
Отдав им дружеский поклон,
Из лабиринта вывести вон.

¹ Стихотворения с 814-го по 823-е датируются 1835 г. предположительно.

Вы говорите: „слава богу,
Покамест твой Онегин жив,
Роман не кончен. Понемногу
Иди вперед, не будь ленив.
Со славы, вняв ее призванью,
Сбирай оброк хвалой и бранью,
[Рисуй и франтов городских
И милых барышень своих,
Войну и бал, дворец и хату,
[Чердак] и келью, и харем]
И с нашей публики [меж тем]
Бери умеренную плату—
За книжку по пяти рублей—
Налог не тягостный ей-ей“.

815.

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги и печали
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

[Гляжу, предаться не дерзая
Волненью грустному души,—]

816.

О бедность! Затвердил я наконец
Урок твой горький! Чем я заслужил
Твое гоненье, властелин враждебный,
Довольства враг, суровый сна мутитель?
Что делал я, когда я был богат,
О том упоминать я не намерен:
В молчании добро должно твориться,
Но нечего об этом толковать.

Здесь пищу я найду для дум моих,
Я чувствую, что не совсем погиб
Я с участью моей—
Большая часть творимого добра
Заклучена в молчании об нем.
В молчании добро должно творить.

817.

Альфонс садится на коня;
Ему хозяин держит стремя.
„Сеньор, послушайте меня:
Пускаться в путь теперь не время,
В горах опасно, ночь близка,
Другая вента далека.
Останьтесь здесь: готов вам ужин;
В камине разложен огонь;
Постеля есть, покой вам нужен,
И к стойлу тянется ваш конь“.
—Мне путешествие привычно
И днем и ночью—был бы путь,—
Он отвечает,—неприлично
Бояться мне чего-нибудь.
Я дворянин: ни чорт, ни воры
Не могут удержать меня,
Когда спешу на службу я.—
И дон Альфонс коню дал шпоры,
И едет рысью. Перед ним
Одна идет дорога в горы
Ущельем тесным и глухим.
Вот выезжает он в долину;
Какую ж видит он картину?
Кругом пустыня, дичь и голь,
А в стороне торчит глаголь,
И на глаголе том два тела
Висят. Закаркав, отлетела
Ватага черная ворон,
Лишь только к ним подъехал он.

То были трупы двух гитанов,
Двух славных братьев-атаманов,
Давно повешенных и там
Оставленных в пример вора́м.
Они лишь путников пугали,
Дождями небо их мочило,
А солнце знойное сушило,
Пустынный ветер их качал,
Клевать их ворон прилетал.
И шла молва в простом народе,
Что, обрываясь по ночам,
Они до утра, на свободе
Гуляли, мстя своим врагам.

Альфонсов конь всхрапел и боком
Прошел их мимо, и потом
Понесся резво, легким скоком,
С своим бесстрашным седоком.

[И дон Альфонс далече скачет]
[Меж]

818.

Царей потомок Меценат,
Мой покровитель стародавной,
Иные колесницу мчат
В ристалище под пылью славной
И, заповеданной оградой
Касаясь жгучим колесом,
Победной ждут себе награды
И делят [с божеством]

Другие на свою главу
Сбирают титла знамениты,
Непостоянные кви́риты
Им преда́ют молву.

На Испанию родную
Призвал мавра Юлиан.
Граф за личную обиду
Мстить решился королю.

Дочь его Родриг похитил,
Обесчестил древний род;
Вот за что отчизну предал
Раздраженный Юлиан.

Мавры хлынули потоком
На испанские берега.
Царство готфов миновалось,
И с престола пал Родриг.

Готфы пали не бесславно:
Храбро билися они,
Долго мавры сомневались.
Одолеет кто кого.

Восемь дней сраженье длилось;
Спор решен был наконец:
Был на поле битвы пойман
Конь любимый короля;

Шлем и меч его тяжелый
Были найдены в пыли.
Короля почли убитым,
И никто не пожалел.

Но Родриг в живых остался,
Бился он все восемь дней—
Он сперва хотел победы,
Там уж смерти лишь алкал.

И кругом свистели стрелы,
Не касаяся его,
Мимо дротики летали,
Шлема меч не рассекал.

Напоследок, утомившись,
Соскочил с коня Родриг,
Меч с запекшеюся кровью
От ладони отклеил,

Бросил об земь шлем пернатый
И блестящую броню.
И спасенный мраком ночи
С поля битвы он ушел.

II.

От полей кровавой битвы
Удаляется Родриг;
Короля опередила
Весть о гибели его.

Стариков и бедных женщин
На распустьях видит он;
Все толпой бегут от мавров
К укрепленным городам.

Все, рыдая, молят бога
О спасении христиан;
Все Родрига проклинают;
И проклятья слышит он.

И с поникшею главою
Мимо их пройти спешит,
И не смеет даже молвить:
Помолитесь за него.

Наконец на берег моря
В третий день приходит он,

Видит темную пещеру
На пустынном берегу.

В той пещере он находит
Крест и заступ—а в углу
Труп отшельника и яму,
Им изрытую давно.

Тленье трупу не коснулось,
Он лежит, окостенев,
Ожидая погребенья
И молитвы христиан.

[И с мольбою об усопшем]
[Схоронил его] король,
И в пещере поселился
Над могилою его.

Он питаться стал плодами
И водою ключевой;
И себе могилу вырыл,
Как предшественник его.

Короля в уединеньи
Стал лукавый искушать,
И виденьями ночными
Краткий сон его мутить.

Он проснется с содроганьем,
Полон страха и стыда;
Упоение соблазна
Сокрушает дух его.

Хочет он молиться богу
И не может: бес ему
Шепчет в уши звуки битвы
Или страстные слова.

Он в унынии проводит
Дни и ночи недвижим,
Устремив глаза на море,
Поминая старину.

III.

Но отшельник, чьи останки
Он усердно схоронил,
За него перед всевышним
Заступился в небесах.

В сновиденьи благодатном
Он явился королю,
Белой ризою одет
И сияньем окружен.

И король, объятый страхом,
Ниц повергся перед ним,
И вещал ему угодник:
„Встань—и миру вновь явись.

Ты венец утратил царский,
Но господь руке твоей
Даст победу над врагами
А душе твоей покой“.

Пробудясь, господню волю
Сердцем он уразумел,
И, с пустынею расставшись,
В путь отправился король.

820

Что белеется на горе зеленой?
Снег ли то, али лебеди белы?
Был бы снег—он *неразбр* бы растаял,
Были б лебеди—они б улетели.
То не снег и не лебеди белы,
А шатер Аги Асан-аги.

Он лежит в нем, весь люто изранен.
Посетили его сестра и мать,
Его любя не могла, застыдилась.
Как ему от боли стало легче,
Приказал он своей верной любе:
„Ты не жди меня в моем белом доме,
В белом доме, ни во всем моем роде“.
Как [услышала] мужнины речи,
Запечалилась бедная Кадуна.
Она слышит, на дворе бьют кони;
Побежала Асан-агница,
Хочет броситься, бедная, в окошко,
За ней вспять две милые дочки.
„Воротись, милая мать наша,
Приехал не муж Асан-ага,
А приехал брат твой Пинтор“.
Воротилась Асан-агница,
И повисла она брату на шею—
„Братец милый, что за посрамленье!
Меня гонят от пятерых деток“.

821.

Одни стихи ему читала,
И щеки рделися у ней,
И тихо грудь ее дышала:
„Приди, жених души моей“.

822.

В [младенчестве моем бессмысленно лукавом]
Я встретил старика с плешивой головой,
С очами быстрыми, зеркалом мысли зыбкой,
С устами, сжатыми наморщенной улыбкой.

823.

Я возмужал [среди] печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутной,

[Теперь утих дремотою минутной]
И отразил небесную лазурь.

[На долго ли? ...а кажется прошли
Дни мрачных бурь, дни горьких искушений].

1836

824.

От западных морей до самых врат восточных
Не многие умы от благ прямых и прочных
Зло могут отличить... [рассудок] редко нам
[Внушает]

„Пошли мне долгу жизнь и многие года!“
Зевеса вот о чем и всюду и всегда
Привыкли вы молить—но сколькими бедами
Исполнен долг век! Во-первых, [как] рубцами,
Лицо [морщинами покроется]—оно
превращено

[Мартышка старая
Которая в лесах Табрации]
Кривляясь [чешется]

825.

Ценитель умственных творений исполинских,
Друг бардов английских, любовник муз латинских
Ты к мощной древности опять меня манишь.
[Ты снова] велишь,
Простясь с мечтой и с идеалом
Я приготовился бороться с Ювеном,
Чьи строгие стихи, неопытный поэт,
[Переложить] я было дал обет;
Но, развернув его суровые творенья,
Не мог я одолеть пугливого смущенья...
[Стихи бесстыдные] *неразбр* торчат,
В нем звуки странною гармонией трещат

Была пора: наш праздник молодой
 Сиял, шумел и розами венчался,
 И с песнями бокалов звон мешался,
 И тесною сидели мы толпой.
 Тогда душой беспечные невежды
 Мы жили все и легче и смелей,
 Мы пили все за здравие надежды
 И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
 С приходом лет, как мы, перебесился,
 Он присмирел, утих, остепенился,
 Стал глуше звон его заздравных чаш;
 Меж нами речь не так игриво льется.
 Просторнее, грустнее мы сидим,
 И реже смех средь песен раздается,
 И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
 Мы празднуем лицея день заветный.
 Прошли года чредою незаметной,
 И как они переменили нас!
 Недаром—нет!—промчалась четверть века!
 Не сетуйте: таков судьбы закон;
 Вращается весь мир вокруг человека,—
 Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
 Когда наш круг судьбы соединили,
 Чему, чему свидетели мы были!
 Игралища таинственной игры,
 Метались смущенные народы;
 И высились и падали цари;
 И кровь людей то славы, то свободы,
 То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа—
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались.
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда [перед ним] раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните—как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его—и Русь оставил он,
Внесенну им над миром изумленным,
И на скале изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлись новы тучи,
И ураган их

827 1.

Не видала ль, девица,
Коня моего?
— Я видала, видела
Коня твоего.
— Куда, красна <?> девица,
Мой конь пробежал?
— Твой конь пробежал
На Дунай реку—

[Бежал твой конь,
Тебя проклинал]

828.

Пора, мой друг, пора! [покою] сердце просит,
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь, как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля—
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

1830-е ГОДЫ

829.

О, нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу.
Душа не вовсе охладела,
Утрата молодость мою.
Еще хранятся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милых снов воображенья,
Для чувств всего.

¹ Стихотворения 827-е и 828-е датируются 1836 г. предположительно.

830.

Друг сердечный мне намедни говорил:
„По тебе я, красна девица, изныл—
На жену мою взглянуть я не хочу—
А я всё-таки“

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГОДЫ

831.

С перегородкою каморки—
Довольно чистенькие норки.
В углу на полке образа,
Под ними [вербная] лоза
[С иссохшей просвирой и свечкой],
Две канареечки над печкой.

832.

[Конечно] презирать не трудно
Отдельно каждого глупца,
Сердиться также безрассудно
И на отдельного срамца.

Их эпиграммы площадные
Из Бьеврианы занятые

Но в кучке те же
[Нам кажутся]

Но что чудно
Всех вместе презирать и трудно.

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ

1828

833¹.

Символы верности любя,
Она супруга почитает
Какая
Она свой голос ²

И даст
И скажет
[Какая гиль]
[И что за]

834.

То было вскоре после боя.
Как Щ. бросило героя
И рать побитая кругом
Лежала

835.

[Проснулся я,—а небосклон]
Еще поживает.

¹ Черновые наброски с 833-го по 837-й, 840-й и 841-й датируются предположительно.

² Следующий стих не поддается чтению. В стихах, начиная с третьего, напечатано лишь то, что удалось прочитать

836.

На разность утренних одежд

837.

[Пока в нас сердце замирает].

1829

838.

Трудясь над образом прелестной Ушаковой

1830

839.

Тому мгновенье

Она цвела, свежа, пышна—

И вот уж вянет—и

[опалена]

Иль жар твоей груди

Младую розу опалил—

840.

В пустыне

[Пробился ключ],

Обложен камнями простыми.

841.

Строгий свет

Смягчил свои предубежденья

Или простил мне заблужденье

Давно минувших темных лет.

1830-е ГОДЫ

842.

За все заботы и досады,

Берет достойные награды,

Или достоин сих наград.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

1826

843—853. ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ.

Равновесие.

О мирный селянин! В твоём жилище нёт
Ни злата, ни серебра, но ты счастлив стократно:
С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

Верное предсказание.

Пройдет ли мой недуг?—лев у осла спросил.
Осел отвечивал: о царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был:
Два раза два—четыре.

Справедливость пословицы.

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажгли другую,—что ж? изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

Мстительность.

Пчела ужалила медведя в лоб,
Она за соты мстить обидчику желала!
Но что же? Умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет мести?—Гроб.

Непоколебимость.

— Познай, светлейший лев, смятения вину,—
Рек слон:—в народе бунт! повсюду шум и клики!—
„Смирятся,—лев сказал,—лишь гривой я тряхну“.
Опасность не страшна для мощного владыки.

Сила и слабость.

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
 Страшатся щуки крокодила;
От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
Всегда имеет верх над слабостию сила.

Лебедь и гусь.

Над лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но лебедь вымылся и снова белым стал.
Что делать, если кто замаран?.. Умываться.

Мартышка.

Мартышка с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того?—лишь ноги изломала.
Поэт! На старости побереги себя!

Общая судьба.

Во ржи был василек прекрасный,
Он взрос весною, летом цвел
И, наконец, увял в дни осени ненастной.
Вот смертного удел!

Безвредная ссора.

За кость поссорились собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
Бывают ссоры и без драки.

Закон природы.

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка—мила:
Всяк следует своей природе.

1827

854. ЭПИГРАММА НА КН. П. И. ШАЛИКОВА.

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал,
А казачек огарок свечки сальной
В руках со трепетом держал.
Вдруг мальчик наш заплакал, запищал.

„Вот, вот с кого пример берите, дуры!“
Он дочерям в восторге закричал.—
„Откройся мне, о милый сын натуры,
Ах! что слезой твой осребрило взор?“
А тот ему в ответ: *мне хочется на двор.*

1830

855¹.

Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович!
Буйнов в старину, а нынешний Храбров,
Меж проповедников Парнаса — Прокопович!
Плснительный толмач и граций и скотов,
Что делаешь в Москве, первопрестольном граде?
А мы печемся здесь о вечном винограде,
И соком лоз его пьем здравие твое.

1833

856.

Надо помянуть, непременно помянуть надо
Трех Матрен
Да Луку с Петром;

¹ Стихотворение 855-е датируется 1830 г. предположительно.

Помянуть надо и тех, которые, например:
 Бывшего поэта Панцербитера,
 Нашего прихода честного пресвитера,
 Купца Риттера,
 Резанова, славного русского кондитера,
 Всех православных христиан города Санкт-Питера,
 Да покойника Юпитера.
 Надо помянуть, непременно надо:
 Московского поэта Вельяшева,
 Его превосходительство генерала Ивашева,
 И двокородного брата нашева и вашева.
 Нашего Вальтера Скотта Масальского,
 Дона Мигуэля, короля Португальского,
 И господина городничего города Мосальского.
 Надо помянуть, помянуть надо, непременно надо:
 Покойной Беседы члена Кикина,
 Российского дворянина Боборыкина
 И известного в Банке члена Аникина,
 Надо помянуть и тех, которые, например, между прочим:
 Раба божия Петрищева,
 Известного автора Радищева,
 Русского лексикографа Татищева,
 Сенатора с жилою на лбу Ртищева,
 Какого-то барина Станищева,
 Пушкина, не Мусина, не Онегинского, а Бобрищева,
 Ярославского актера Канищева,
 Нашего славного поэта шурина Павлищева,
 Сенатора Павла Ивановича Кутузова-Голенищева
 И, ради Христа, всякого доброго нищева.
 Надо еще помянуть, непременно надо:
 Бывшего французского короля Дисвитского,
 Бывшего варшавского коменданта Левицкого
 И полковника Квитского.
 Американца Монрое,
 Виконта Дарленкура и его Ипсибое
 И всех спасшихся от потопа при Ное.
 Музыкального Бетговена,
 И таможенного Овена,
 Александра Михайловича Геденова,
 Всех членов старшего и младшего дома Бурбонова,
 И супруга Берийской неизвестного, оноза.
 Камер-юнкера Загряжского,
 Уездного заседателя города Ряжского.
 И отцов наших, державшихся вина фряжского.
 Славного лирика Ломоносова,
 Московского статистика Андросова

И Петра Андреевича, князя Вяземского курносова.
 Оленина Стереотипа
 И Вигеля, Филиппова сына Филиппа.
 Бывшего камергера Приклонского,
 Г. Шафонского,
 Карманный грош кн. Гр. Волконского
 И уж Александра Македонского,
 Этого не обойдешь, не объедешь, надо
 Помянуть... Покойника Винценгероде,
 Саксонского министра Люцгероде,
 Графиню вицеканцлершу Нессельроде,
 Покойного скрипача Роде,
 Хвостова в Анакреонтическом роде;
 Уж как ты хочешь, надо помянуть
 Графа нашего приятеля Велегорского
 (Что не любит вина горского)
 А по нашему Велеурского,
 Покойного пресвитера Самбургского,
 Дершау, полицмейстера С.-Петербургского,
 Почтмейстера города Васильсурского;
 Надо помянуть—парикмахера Эме,
 Ресторатора Дюме,
 Ланского, что губернатором в Костроме,
 Доктора Шулера, умершего в чуме,
 И полковника Бартоломе.
 Повара али историографа Миллера,
 Немецкого поэта Шиллера
 И Пинети, славного ташеншилера.
 Надобно помянуть (особенно тебе) Арндта,
 Да англичанина Warnta.
 Известного механика Мокдуано,
 Москетти, московского сопрано
 И всех тех, которые напиваются рано.
 Натуралиста Кювье
 И суконных фабрикантов города Лувье,
 Французского языка учителя Жилия,
 Отставного английского министра Пиля,
 И живописца-аматера Киля.
 Надобно помянуть:

Жуковского балладника
И Марса, питерского помадника.

Надо помянуть:

Господ: Чулковва,
Носкова,
Башмакова,
Сапожкова

Да при них и генерала Пяткина
И князя Ростовского-Касаткина.

1836

857.

Пой в восторге русский хор,
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! наш Глинка —
Уж не Глинка, а фарфор!

За прекрасную новинку
Славить будет глас молвы
Нашего Орфея Глинку
От Неглинной до Невы.

В честь толь славных новинки
Грянь, труба и барабан,
Выпьем за здоровье Глинки
Мы глинтвейну стакан.

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь.

1827

858. РЕФУТАЦИЯ БЕРАНЖЕРА.

T'en souviens tu, disait un capitaine
 Au vétéran qui mendiait son pain².

Ты помнишь ли, ах, ваше благородье,
 Мусье француз, - - - капитан,
 Как помнятся у нас в простонародьи
 Над нехристом победы россиян?
 Хотя это нам не составляет много,
 Не из иных мы прочих, так сказать;
 Но встарь мы вас наказывали строго,
 Ты помнишь ли, скажи, - - -.

Ты помнишь ли, как за горы Суворов,
 Перешагнув, напал на вас врасплох?
 Как наш старик трепал вас, живодеров,
 И вас давил на ноготке, как блох?
 Хотя это нам, и проч.

¹ Звездочкой отмечены стихотворения, принадлежность которых Пушкину сомнительна. Для всех остальных, несомненно пушкинских стихотворений этого отдела не имеется достоверного текста.

² [«Ты помнишь ли?» — сказал капитан
 Ветерану, просявшему милостыню.]

Ты помнишь ли, как всю пригнал Европу
На нас одних ваш Бонапарт-буян?
Французов видели тогда мы многих - -
Да и твою, - - капитан!
Хоть это нам, и проч.

Ты помнишь ли, как царь ваш от утара
Вдруг одурел, как бубен, гол и лыс,
Как на огне московского пожара
Вы жарили московских наших крыс?
Хоть это нам, и проч.

Ты помнишь ли, фальшивый песнопевец,
Ты, наш мороз среди родных снегов
И батарей задорный подогревец,
Солдатский штык и петлю казаков?
Хоть это нам, и проч.

Ты помнишь ли, как были мы в Париже,
Где наш казак иль полковой наш поп
Морочил вас, к винцу подсев поближе,
И ваших жен похваливал - - - ?
Хоть это нам, и проч.

* 859. КЖ. С. А. УРУСОВОЙ ¹.

Не веровал я троице доньине:
Мне бог тройной казался всё мудрен;
Но вижу вас и, верой одарен,
Молюсь трем грациям в одной богине.

1828

* 860. ЭПИТАФИЯ МЛАДЕНЦУ
КН. Н. С. ВОЛКОНСКОМУ.

В сиянии и в радостном покое,
У трона вечного творца,

¹ Стихотворение 859 датируется 1827 г. предположительно.

С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

861. Ф. Ф. ЭГЕРШТРОМУ.

О Эгерштром! я восхищенный
Читал творения твои:
Твой стих, лишь гением внушенный,
Блестит, как солнце в ясны дни.

Когда, соперник Ювенала,
Метал ты гром твоих стихов,
Коварна злоба трепетала,
Дрожал завистник Копылов.

Когда Анакреона лиру
Красе прелестной посвящал,
Тогда разнеженному миру
Восторги сладостны внушал.

Когда ты Грею подражаешь,
Слезясь над гробовой доской,
Весь свет ты песнью огорчаешь—
Тогда стенает всё с тобой.

Когда комедией пленять нас хочешь,
Что твой Мольер и что Крылов,
С тобой невольно захохочешь...
Сердись, как хочешь, Копылов!

Поэт, сын Феба вдохновенный,
Как мил твой каждый стих!
Скажи почто, певец смиренный,
От света ты скрываешь их?

Пусти в печать твои творенья,
Заслужишь множество венцов—
Мы все помрем от восхищенья!
О Эгерштром, ты царь певцов!

862 ¹.

Когда, стройна и светлоока,
Передо мной стоит она...
Я мыслю: „в день Ильи-пророка
Она была разведена!“

863

Если в жизни поднебесной
Существует дух прелестный,
То тебе подобен он;
Я скажу тебе резон:
Невозможно!

864.

Amour, exil ¹—
Какая тиль!

865.

Не смею вам стихи Баркова
Благопристойно перевести,
И даже имени такого
Не смею громко произнести.

1829

866.

Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен.

¹ Стихотворения с 862-го по 865-е датируются 1828 г. предположительно.

² [Любовь, изгнание.]

1820-е ГОДЫ.

* 867. ГР. А. А. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ.

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешной плотию
Архимандриту Фотию.

* 868. РАЗГОВОР ФОТИЯ С ГР. ОРЛОВОЙ.

„Внимай, что я тебе вещаю:
Я телом евнух, муж душой“.
—Но что ж ты делаешь со мной?—
„Я тело в душу превращаю“.

* 869.

Воды глубокие
Плавно текут,
Люди премудрые
Тихо живут.

1830

870.

Полубуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте
Длинный Фирс играет в эти,
Те, те, те и те, те, те.

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленяла эти,
Те, те, те, и те, те, те.

О, какие же здесь сети
Рок нам стелет в темноте:
Рифмы, деньги, дамы эти,
Те, те, те и те, те, те.

871¹.

Я влюблен, я очарован,
Словом, я огончарован.

1834

* 872. НАДПИСЬ К ВОРОТАМ ЕКАТЕРИНГОФА.

Хвостовым некогда воспетая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавие Петра
И Милорадовича глупость.

1835

873.

В Академии Наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что - - есть.

1830-е ГОДЫ.

874.

К Смирдину как ни зайдешь—
Ничего не купишь:
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГОДЫ.

* 875.

Что-то грезит Боратынский,
Что-то думает Плетнев?

¹ Стихотворение 871-е датируется предположительно.

СКАЗКИ

1831

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ,

О СЫНЕ ЕГО СЛАВНОМ И МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ КНЯЗЕ ГВИ-
ДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ.

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
„Кабы я была царица,—
Говорит одна девица,—
То сама на весь бы мир
Приготовила я пир“.
„Кабы я была царица,—
Говорит ее сестрица,—
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна“.
„Кабы я была царица,—
Третья молвила сестрица,—
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря“.

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрипела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.

„Здравствуй, красная девица,—
Говорит он,—будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха“.

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злятся повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Обещанье выполняя,
С той же ночи понесла,

В те-поры война была.
Царь Салтан, с женой простясь,
На добра-коня садясь,
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.
Между тем, как он далёко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,

И царица над ребенком,
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другова
Вот с чем от слова до слова:
„Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышенка, не лягушку,
А неведому зверюшку“.

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
„Ждать царева возвращенья
Для законного решенья“.

Едет с грамотой гонец
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Обобратить его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую.
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
„Царь велит своим боярам,
Времени не трать даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод“.

Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю—
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в Окиян—
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет:
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел, царица вопит...
А дитя волну торопит:
„Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли,
Не губи ты нашу душу,
Выплесни ты нас на сушу!“
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько,
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?

Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
„Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?“—молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле;
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковой
Натянул на лук дубовой,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил
И пошел на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно на море не тихо;
Смотрит—видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клев кровавый наострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела—
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;

Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плавает,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит
И царевичу потом
Молвит русским языком:
„Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе—всё не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девуцу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись“.

Улетела лебедь птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натошак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;

Та как ахнет!.. „То ли будет?—
Говорит он,—вижу я:
Лебедь тешится моя“.
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой и главой
Возглашают над собой.
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острову
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавой,
Пристань с крепкою заставой.
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем вы, гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?“

Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...“
Князь им вымолвил тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по окянью
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон“.
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальней;
Глядь—поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему?“—
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
„Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца“.
Лебедь князю: „Вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблём?
Будь же, князь, ты комаром“.
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала,
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,

Потихонько опустился
На корабль—и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости.
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
За морем житье нехудо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привольный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единой;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,

С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон".
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: „Коль жив я буду,
Чудной остров навещу,
У Гвидона погощу".
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудной остров навестить.
„Уж диковинка, ну право,
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит,
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра—чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут".
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится
И впился комар как раз
Тетке прямо в правой глаз,
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
„Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!.." А он в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;

Глядь—поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ж ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему?“—
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
„Грусть-тоска меня съедает;
Чудо-чудное завесь
Мне б хотелось. Где-то есть:
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка—
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра—чистый изумруд;
Но, быть-может, люди врут“.
Князю лебедь отвечает:
„Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу“.
С ободренною душой
Князь пошел себе домой;
Лишь ступил на двор широкой—
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет,
И с присвисточкой поет
При честном, при всем народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
„Ну, спасибо,—молвил он,—

Ай-да лебедь—дай ей божё,
Что и мне, веселье то же".
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам весть.
Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палат,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем вы, гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок,
И лежит нам путь далёк:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...“
Говорит им князь тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон“.

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь—а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит....
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль—и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана.
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости,
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой,
Да с кривою поварихой
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо,
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:

„Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра—чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной,
И приставлен дьяк приказной
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету,
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон.
Он прислал тебе поклон“.
Царь Салтан дивится чуду.
„Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу“.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.

Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
„Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызёт,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли, говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге
В чешуе, как жар, горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как наподбор,
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!“
Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится....
Зажужжал он и как раз
Тетке сел на левой глаз,
И ткачиха побледнела:
„Ай!“—и тут же окривела;
Все кричат: „Лови, лови,
Да дави ее, дави....
Вот ужо! постой немножко,
Погоди....“ А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел!

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь: поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему?“ —

Говорит она ему.

Князь Гвидон ей отвечает:

„Грусть-тоска меня съедает —
Диво б дивное хотел
Перенести я в мой удел“.

„А какое ж это диво?“

„Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,

В чешуе, как жар, горя,

Тридцать три богатыря,

Все красавцы молодые,

Великаны удалые,

Все равны как наподбор,

С ними дядька Черномор“.

Князю лебедь отвечает:

„Вот что, князь, тебя смущает?

Не тужи, душа моя,

Это чудо знаю я.

Эти витязи морские

Мне ведь братья все родные.

Не печалься же, ступай,

В гости братцев поджидай“.

Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалось вокруг,

Расплескалось в шумном беге,
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар, горя,
Идут витязи четами,
И блистая сединами,
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
„Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежедневно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских.
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли“.
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого.
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Царь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем вы, гости, торг ведете?

И куда теперь плывете?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далёк,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана“.
Говорит им князь тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон“.

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет, и уносит....
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму—и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.

Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец .
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге,
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе златой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны как наподбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,

Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон".
Царь Салтан дивится чуду.
„Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу".
Повариха и ткачиха
Ни-гугу — но Бабариха
Усмехнувшись говорит:
„Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво".
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится,
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей;

Он над ней жужжит, кружится,
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь;
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
„Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави....
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!...“ А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь—поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ж ты тих, как день ненастной?
Опечалился чему?“—
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
„Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Неженат лишь я хожу“.
„А кого же на примете
Ты имеешь?“— „Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?“

Князь со страхом ждёт ответа.
Лебедь белая молчит
И подумав говорит:
„Да! Такая есть девица
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь,
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом.
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путём,
Не раскаяться б потом“.
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царевною прекрасной
Он пешком итти отсель,
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: „Зачем далёко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта—я“.
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,

К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умолая:
„Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья;
Ты детей благослови
Жить в совете и любви“.
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворнѣй
Слезы льет и говорит:
„Бог вас, дети, наградит“.
Князь недолго собирався,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого.
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Он их кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем вы гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет,
Торговали мы недаром
Неуказанным товаром;

А лежит нам путь далёк:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана“.
Князь им вымолвил тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану;
Да напомнимте ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался.
Шлю ему я свой поклон“.
Гости в путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:

„Мы объехали весь свет.
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге,
И очутятся на бреге
В чешуе, как жар, горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как наподбор —
С ними дядька Черномор
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,

Всяк его усердно славит; †
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался“.

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел..
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой..
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
„Что я? царь или дитя?—
Говорит он не шутя:—
Нынче ж еду!“—Тут он топнул..
Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил..
Громогласно возопил:
„Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда“..
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит.
С ним ткачиха с поварихой..

С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольных зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны как наподбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкой:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешечек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале—торопливо
Смотрят—что ж? княгиня—диво:
Под косою луна блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит—и узнает...
В нем взыграло ретивое!
„Что я вижу? что такое?

Как!—и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу
И сынка и молодицу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошёл.
А ткачиха с поварихой
С сватьей бабой Бабарихой
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел—царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был, мед, пиво пил—
И усы лишь обмочил.

СКАЗКА О ПОПЕ И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ.

Жил-был поп,
* Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идет, сам не зная куда.
„Что, батька, так рано поднялся,
Чего ты взыскался?“
Поп ему в ответ: „Нужен мне работник:
Повар, конюх и плотник.
А где найти мне такого
Служителя не слишком дорогого?“
Балда говорит: „Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу,
Есть же мне давай вареную полбу“,
Призадумался поп,
Стал себе почесывать лоб.
Щелк щелку ведь розь.
Да понадеялся на русский авось.
Поп говорит Балде: „Ладно.
Не будет нам обоим накладно.
Поживи-ка на моем подворье,
Окажи свое усердие и проворье“.
Живет Балда в поповом доме,
Спит себе на соломе,
Ест за четверых,
Работает за семерых;

До светла всё у него пляшет,
Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, всё заготовит, закупит,
Яичко испечет да сам и облупит.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балде лишь печалится,
Попенок зовет его тятей;
Кашу заварит, нянчится с дитятей.
Только поп один Балду не любит,
Никогда его не приголубит,
О расплате думает частенько,
Время идет, и срок уже близенько.
Поп ни ест, ни пьет, ночи не спит:
Лоб у него заране трещит.
Вот он попадье признается:
„Так и так: что делать остается?“
Ум у бабы догадлив,
На всякие хитрости повадлив—
Попадья говорит: „Знаю средство,
Как удалить от нас такое бедство:
Закажи Балде службу, чтоб стало ему не в мочь,
А требуй, чтоб он ее исполнил точь-в-точь:
Тем ты и лоб от расправы избавишь,
И Балду-то без расплаты отправишь“.
Стало на сердце попа веселее,
Начал он глядеть на Балду посмелее.
Вот он кричит: „Поди-ка сюда,
Верный мой работник Балда.
Слушай: платить обязались черти
Мне оброк по самой моей смерти,
Лучшего б не надобно дохода,
Да есть на них недоимки за три года.
Как наешься ты своей полбы,
Собери-ка с чертей оброк мне полный“.
Балда, с попом понапрасну не споря,
Пошел, сел у берега моря;
Там он стал веревку крутить
Да конец ее в море мочить.

Вот, из моря вышел старый Бес:
„Зачем ты, Балда, к нам залез?“
„Да вот веревкой хочу море морщить,
Да вас, проклятое племя, корчить“.
Беса старого взяла тут унылость.
„Скажи, за что такая немилость?“
„Как за что? Вы не платите оброка,
Не помните положенного срока;
Вот уже будет нам потеха,
Вам, собакам, великая помеха“.
„Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброк сполна ты получишь вскоре.
Погоди; вышлю к тебе внука“.
Балда мыслит:—„Этого провести не штука!“
Вынырнул подосланный бесенок,
Замаякал он, как голодный котенок.
„Здравствуй, Балда мужичок;
Какой тебе надобен оброк?
Об оброке век мы не слыхали,
Не было чертям такой печали—
Ну, так и быть—возьми да с уговору,
С общего нашего приговору—
Чтобы впредь не было никому горя:
Кто скорее из нас обежит около моря,
Тот и бери себе полный оброк,
Между тем там приготовят мешок“.
Засмеялся Балда лукаво:
„Что ты это выдумал, право?
Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою?
Экого послали супостата!
Подожди-ка моего меньшого брата“.
Пошел Балда в ближний лесок,
Поймал двух зайков, да в мешок.
К морю опять он приходит,
У моря бесенка находит.
Держит Балда за уши одного зайку:
„Попляши-тка ты под нашу балалайку;

Ты, бесенок, еще молодец,
Со мною тягаться слабенец—
Это было б лишь времени трата.
Обгони-ка сперва моего брата.
Раз, два, три! догоняй-ка”.
Пустились бесенок и зайка:
Бесенок по берегу морскому,
А зайка в лесок до дому.
Вот море кругом обежавши,
Высунув язык, мордку поднявши,
Прибежал бесенок, задыхаясь,
Весь мокрешенец, лапкой утираясь,
Мысля: дело с Балдою сладит.
Глядь—а Балда братца гладит,
Приговаривая: „Братец мой любимой,
Устал, бедняжка! отдохни, родимой”.
Бесенок оторопел,
Хвостик поджал, совсем присмирел,
На братца поглядывает боком.
„Погоди,—говорит,—схожу за оброком”.
Пошел к деду, говорит: „Беда!
Обогнал меня меньшей Балда!”
Старый Бес стал тут думать думу,
А Балда наделал такого шуму,
Что всё море смутилось
И волнами так и расходилось.
Вылез бесенок. „Полно, мужичок,
Вышлем тебе весь оброк.
Только слушай. Видишь ты палку эту?
Выбери себе любую мету—
Кто далее палку бросит,
Тот пускай и оброк уносит.
Что ж? боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?”—„Да жду вон этой тучки;
Защвырну туда твою палку,
Да и начну с вами, чертями, свалку”.
Испугался бесенок да к деду
Рассказывать про Балдову победу, .

А Балда над морем опять шумит
Да чертям веревкой грозит.
Вылез опять бесенок: „Что ты хлопочешь?
Будет тебе оброк, коли захочешь...“
„Нет,—говорит Балда:—
Теперь моя черед—
Условия сам назначу,
Задам тебе, враженюк, задачу.
Посмотрим, какова у тебя сила—
Видишь там сивая кобыла?
Кобылу подыми-тка ты,
Да неси ее полверсты;
Снесешь кобылу, оброк уж твой; „
Не снесешь кобылы, ан будет он мой.
Беденький бес
Под кобылу подлез,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул,
На третьем упал, ножки протянул.
А Балда ему: „Глупый ты бес,
Куда ж ты за нами полез?
И руками-то снести не мог,
А я, смотри, снесу промеж ног“.
Сел Балда на кобылку верхом,
Да версту проскакал, так что пыль столбом.
Испугался бесенок и к деду
Пошел рассказывать про такую победу.
Черти встали в кружок,
Делать нечего—собрали полный оброк
Да на Балду взвалили мешок.
Идет Балда, покрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тут отыскал,
Отдал оброк, платы требовать стал.

Бедный поп
Подставил лоб:
С первого щелка
Прыгнул поп до потолка;
Со второго щелка
Лишился поп языка;
А с третьего щелка
Вышибло ум у старика.
А Балда приговорил с укоризною:
„Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною“.

1833

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ.

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод,
Пришел невод с одною тиной.
Он и в другой раз закинул невод,
Пришел невод с травой морской.
В третий раз закинул он невод,
Пришел невод с одною рыбкой,
С не простою рыбкой, золотою.
Как взмолился золотая рыбка,
Голосом молвит человеческим:
„Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откупаюсь чем только пожелаешь“.
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
„Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;

Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе“.

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.
„Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море“.
Старика старуха забранила:
„Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем расколосось“.

Вот пошел он к синему морю,
Видит: море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка и спросила:
„Чего тебе надобно, старче?“
Ей с поклоном старик отвечает:
„Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто,
Наше-то совсем расколосось“.
Отвечает золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себе с богом.
Будет вам новое корыто“.

Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
„Дурачина ты, простофиля!

Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбе;
Поклонись ей, выпроси уж избу“.

Вот пошел он к синему морю
(Помутилося синее море),
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
„Чего тебе надобно, старче?“
Ей старик с поклоном отвечает:
„Смилуйся, государыня рыбка:
Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:
Избу просит сварливая баба“.
Отвечает золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет“.

Пошел он к своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,
С дубовыми, тесовыми ворота.
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает:
„Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбе:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой“.

Пошел старик к синему морю
(Не спокойно синее море);
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
„Чего тебе надобно, старче?“
Ей с поклоном старик отвечает:
„Смилуйся, государыня рыбка:

Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой".
Отвечает золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себе с богом“.

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчевая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
„Здравствуй, барыня, сударыня, дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна“.
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять к рыбке старика посылает:
„Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей“.
Испугался старик, взмолился:
„Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь,
Насмешишь ты целое царство“.
Осердилась пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
„Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай к морю, говорят тебе честью;
Не пойдешь, поведут поневоле“.

Старичок отправился к морю
(Почернело синее море),
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
„Чего тебе надобно, старче?“
Ей с поклоном старик отвечает:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей“.
Отвечает золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!“

Старичок к старухе воротился,
Что ж? пред ним царские палаты,
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, испугался;
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: „Здравствуй, грозная царица!
Ну теперь твоя душенька довольна“.
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика в зашей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила;
А народ-то над ним насмеялся:
„Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!“

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась;
Царедворцев за мужем посылает.
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
„Воротись, поклонися рыбке,
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках“.

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
„Чего тебе надобно, старче?“
Ей старик с поклоном отвечает:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у неё на посылках“.
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился.
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А перед нею разбитое корыто.

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ.

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись гляючи
С белой зори до ночи,
Не видать милова друга!
Только видит: вьется выюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издальца наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен.

Год прошел, как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и резнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И красуясь говорила:
„Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?“
И ей зеркальце в ответ:
„Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее“.
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась—и расцвела.
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такова.
И жених сыскался ей,

Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов,
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Еот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
„Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?“
Что же зеркальце в ответ?
„Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее“.
Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
„Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне на зло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать беременна сидела,
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?“ Зеркальце в ответ:
„А царевна всё ж милее,
Всё ж румяней и белее“.
Делать нечего. Она,
Черной зависти полна,

Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку,
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.
Чорт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: „Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица
Я пожалую тебя“.
Та, в душе ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
„Не кручинься, бог с тобой“.
А сама пришла домой.
„Что?—сказала ей царица,—
Где красавица-девица?“
„Там в лесу, стоит одна,—
Отвечает ей она.—
Крепко связаны ей локти;
Попадется зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть“.

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно богу,

Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она.
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялся на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,

Печь с лежанкой израздовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.

Старший молвил: „Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал,
Да хозяев поджидал.
Кто же? выдь и покажися,
С нами честно подружися:
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать.
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица“.

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок,
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломила
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу
И оставили одну
Отходящую ко сну.

День за днем идет, мелькая,
А царевна молодая
Всё в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарёю
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хозяйюшкой она
В терему меж тем одна
Приберет и приготовит.
Им она не прекословит,
Не перечат ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: „Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы ради,
Да нельзя, так бога ради
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сestroю.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?“

„Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,—
Им царевна говорит:—
Коли лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей“.

Братья молча постояли,
Да в затылке почесали.
„Спрос не грех. Прости ты нас,—
Старший молвил поклонясь:—
Коли так, не заикнуса
Уж о том“.—„Я не сержуся,—
Тихо молвила она:—
И отказ мой не вина“.
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.
Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
„Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,

Всех румяней и белее?“
И ей зеркальце в ответ:
„Ты прекрасна, спору нет;
Но живет без всякой славы,
Средь зеленых дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей“,
И царица налетела
На Чернавку: „Как ты смела
Обмануть меня? и в чем!..“
Та призналася во всем,
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пес залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. „Постой,
Бабушка, постой немножко,—
Ей кричит она в окошко,—
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу“.
Отвечает ей черница:
„Ох ты, дитятко девица!
Пес проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопчет!
Выдь ко мне“.—Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пес ей под ноги—и лает,
И к старухе не пускает;

Лишь пойдет старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. Что за чудо?
„Видно выпался он худо,—
Ей царевна говорит.—
На ж, лови!“—и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала;
„Благодарствую,—сказала,—
Бог тебя благослови,
Вот за то тебе, лови!“
И к царевне наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летит...
Пес как прыгнет, завизжит...
Но царевна в обе руки
Хватъ—поймала. „Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед“,—
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И с царевной на крыльцо
Пес бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце песье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
„Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!“—и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Всё на яблоко. Оно
Соку спелого полно,
Так румяно, золотисто,
Так свежо и так душисто,
Будто медом налилось!
Видно семечки насквозь.

Подождать она хотела
До обеда, не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочек проглотила...
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя.
Им навстречу, громко воя,
Пес бежит и ко двору
Путь им кажется. „Не к добру!—
Братья молвили:—печали
Не минуем“. Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пес на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом знать оно.
Перед мертвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,

Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли в Пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решеткой оградили;
И пред мертвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: „Спи во гробе;
Вдруг погасла жертвой злобе
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима,
Не досталась никому,
Только гробу одному“.

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
„Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?“
И услышала в ответ:
„Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее“.

За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.

Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрён;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
„Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царицы молодой?
Я жених ей“.—„Свет ты мой,—
Красно солнце отвечало:—
Я царицы не видало.
Знать, ее в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь ее да встретил,
Или след ее заметил“.

Темной ночи Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
„Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокой,
И обычай твой любя,
Звезды смотрят на тебя,
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царицы молодой?
Я жених ей“.—„Братец мой,—
Отвечает месяц ясной:—
Не видал я деви красной.

На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна видно
Пробежала“.—„Как обидно!“—
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
„Погоди. Об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай“.

Елисей не унывая
К ветру кинулся взывая:
„Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ее“.—„Постой,—
Отвечает ветер буйный:—
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальной
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места,
В том гробу твоя невеста“.

Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал
И пошел к пустому месту,

На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть раз.
Вот идет, и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг нее страна пустая;
Под горою темный вход.
Он туда скорей идёт.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальной,
И в хрустальном гробе том
Спит царица вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
„Как же долго я спала!“
И встает она из гроба....
Ах!.. и зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы несет,
И беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубят уже молва:
Дочка царская жива!

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: „Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?“
И услышала в ответ:
„Ты прекрасна, слова нет,
Но царица всё ж милее,
Всё румяней и белее“.

Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут ее тоска взяла
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей.
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

1834.

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ.

Негде в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве
Жил был славный царь Дадон.
С молоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело,
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут бывало с юга, глядь—
Ан с востока лезет рать,
Справят здесь,—лихие гости
Идут от моря,—со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу
Звездочету и скопцу.

Шлет за ним гонца с поклоном,
Вот мудрец перед Дадонем
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.

„Посади ты эту птицу,—
Молвил он царю,—на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незванной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепется,
И в то место обернется“.
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
„За такое одолжение,—
Говорит он в восхищеньи,—
Волю первую твою
Я исполню, как мою“.

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнется, встрепется,
К той сторонке обернется
И кричит: „кири-ку-ку:
Царствуй, лежа на боку!“
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели.
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон.

Год другой проходит мирно,

Петушок сидит всё смирно;
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробуждён.
„Царь ты наш! Отец народа!—
Возглашает воевода,—
Государь! проснись! беда!“
„Что такое, господа? —
Говорит Дадон, зевая,—
А? Кто там? беда какая?“—
Воевода говорит,—
„Петушок опять кричит,
Страх и шум во всей столице“.
Царь к окошку—ан на спице,
Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.
Медлить нечего: скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!
Царь к востоку войско шлет,
Старший сын его ведет.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья?—
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять,—
Кличет царь другую рать;
Сына он теперь меньшова
Шлет на выручку большова;
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них,
Снова восемь дней проходит,
Люди в страхе дни проводят,
Петушок кричит опять,
Царь скликает третью рать
И ведет ее к востоку
Сам, не зная быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится не в мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
Что за чудо? мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит,
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатёр.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущельи тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит...
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По притоптанной траве
По кровавой мураве...
Царь завыл: „Ох дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла!“
Все завывали за Дадоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин и сердце гор
Потряслось. Вдруг шатёр
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.

И она перед Дадоном
Улыбнулась—и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать,
И потом неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищён,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратной
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот
С шумом встретил их народ,
Все бегут за колесницей,
За Дадоном и царицей.
Всех приветствует Дадон...
Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой
Весь как лебедь поседелый
Старый друг его скопец.
„А! здорово, мой отец,—
Молвил царь ему,—что скажешь?
Подь поближе, что прикажешь?“
„Царь,—ответствует мудрец,—
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить как свою.
Подари ж ты мне девицу,

Шамаханскую царицу...“
Крайне царь был изумлён.
„Что ты?—старцу молвил он,—
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся.
Что ты в голову забрал?
Я конечно обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярской,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего“.
„Не хочу я ничего.
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу“,—
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: „Так лих же, нет!
Ничего ты не получишь,
Сам себя ты, грешник, мучишь.
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика!“
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком
Да и дух вон.—Вся столица
Содрогнулась,—а девица
Хи-хи-хи да ха-ха-ха!
Не боится знать греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот—въезжает в город он...
Вдруг раздался легкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы.

К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон,—
Охнул раз—и умер он,—
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намёк!
Добрым молодцам урок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

560. ВОСПОМИНАНИЕ.

В черновой рукописи вслед за напечатанным идет текст:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, в бедности, в изгнании < ? >, в степях
Моя утраченные [годы].
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу наносит хладный [смет]
[Неотразимые обиды].
Я слышу [вкруг меня] жужжанье клеветы,
Решенья глупости лукавой,
И шопот зависти, и легкой суеты
Укор веселый и кровавой.
И нет отрады мне—и тихо предо мной
Встанут два призрака молодые,
Две тени милые—два данные судьбой
Мне ангела во дни былые.
Но оба с крыльями и с пламенным мечём,
И стерегут... и мстят мне, оба,
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба.

581.

В рукописи между первой и второй строфами печатного текста имеется зачеркнутая строфа:

[Напоминают мне оне
Кавказа гордые вершины,
Лихих чеченцев на коне
И закубанские разнины.]

593.

Окончательная редакция в черновой рукописи:

Всё тихо. На Кавказ идет ночная мгла,
Мерцают звезды надо мною —

Мне грустно и легко, печаль моя светла,
 Печаль моя полна тобою.
 Я твой попрежнему, тебя люблю я вновь
 И без надежд, и без желаний.
 Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
 И нежность девственных мечтаний.

640.

В рукописи перед стихом: «Алла велик» имеется зачеркнутая строфа:

[В нас ум владеет плотью дикой,
 А покорен Корану ум,
 И потому пророк великий
 Хранит, как око, свой Арзрум.]

641. ОСЕНЬ.

В рукописи между десятой и одиннадцатой строфами имеется зачеркнутая:

[Стальные рыцари, угрюмые султаны,
 Монахи, карлики, арапские цари,
 Гречанки с четками, корсары, богдыханы,
 Испанцы в епанчах, жиды, богатыри,
 Царевны пленные, графини, великаны,
 И [вы, любимицы] златой моей зари, —
 [Вы, барышни мои,] с открытыми плечами,
 С [висками] гладкими и томными очами.]

685. РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

Напечатанному отрывку в рукописи предшествует строфа:

Над омраченным Петроградом
 Осенний ветер тучи гнал.
 Дышало небо влажным холодом.
 Нева шумела. Бился вал
 О пристань набережной стройной,
 Как челобитчик беспокойный
 Об дверь судейской. Дождь в окно
 Стучал печально. Уж темно
 Всё становилось. В это время
 Иван Езерский, мой сосед,
 Вошел в свой тесный кабинет..
 Однако—род его, и племя,
 И чин, и службу, и года
 Вам знать не худо, господа.

Вместо строфы седьмой в рукописи две строфы:

Мне жаль, что сих родов боярских
 Бледнеет блеск и никнет дух;
 Мне жаль, что нет князей Пожарских,
 Что о других пропал и слух,

[Что их поносит шут Фиглярин,
Что русский ветреный боярин
Теряет грамоты царей,
Как старый сбор календарей,
Что исторические звуки
Нам стали чужды, [что] спроста
Из бар мы лезем в tiers-état¹,
[Что] нищи будут наши внуки —
И что спасибо нам за то
Не скажет, кажется, никто.

Мне жаль, что мы, руке наемной
Дозволя грабить наш доход,
С трудом ярем заботы темной
Влачим в столице круглый год,
Что не живем семьею дружной,
Старая близ могил родных,
В своих поместьях родовых,
Где в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава;
Что геральдического льва
Демократическим копытом
У нас лягает и осел.
Дух века вот куда зашел!

Заканчивается в рукописи отрывок так:

Допросом музу беспокоя,
С усмешкой скажет критик мой:
«Куда завидного героя
Избрали вы! Кто ваш герой?»
— А что? Коллежский регистратор.
Какой вы строгий литератор!
Его пою — зачем же нет?
Он мой приятель и сосед.
Державин двух своих соседей
И смерть Мецлерского воспел.
Певец Фелицы быть умел
Певцом их свадеб и обедов,
И похорон, сменивших пир, —
А знал ли их, скажите, мир?

Заметят мне, что есть же разность
Между Державиным и мной,
Что красота и безобразность
Разделены чертой одной,
Что князь Мецлерский был сенатор —
А не коллежский регистратор —
Что лучше, ежели поэт
Возьмет возвышенный предмет,

¹ [Третье сословие.]

Что нет к тому же перевода
Прямым героям; что они
Совсем не чудо в наши дни.
Куда! Нам нет от них прохода —
Но разве меж моих друзей
Двух, трех великих нет людей?

Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чухлый пень? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу деэзы нет закона —
Гордись, таков и ты, поэт,
И для тебя закона нет.

Исполнен мыслями златыми,
Непонимаемый никем,
Перед распустьями земными
Проходишь ты, уныл и нем.
С толпой не делишь ты ни гнева,
Ни нужд, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупец кричит: «куда? куда?»
Дорога здесь». Но ты не слышишь;
Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные; твой труд
Тебе награда; им ты дышишь,
А плод его бросаешь ты
Толпе, рабыне суеты.
Скажите: «экий вздор», иль «bravo»,
Иль не скажите ничего —
Я в том стою — имел я право
Избрать соседа моего
В герои повести смиренной,
Хоть человек он не военный,
Не второклассный Дон-Жуан,
Не демон — даже не цыган,
А просто гражданин столичный,
Каких встречаем всюду тьму,
Ни по лицу, ни по уму
От нашей братьи не отличный,
Довольно смирный и простой,
А впрочем малый деловой.

В рукописи после первой строфы идет зачеркнутая:

[Давно ль, друзья?.. Но двадцать лет
Тому прошло; и что же вижу?
Того царя в живых уж нет;
Мы жгли Москву; был плен Парижу;
Угас в тюрьме Наполеон;
Воскресла греков древних слава;
С престола пал другой Бурбон;
Отбунтовала вновь Варшава.]

В рукописях есть еще наброски:

Ты мне советуешь, Плетнев любезный,
Оставленный роман [наш] продолжать
[И строгий] век, расчета век железный
Рассказами пустыми угощать.
Ты думаешь, что с целию полезной
Тревогу славы можно сочетать,
А [для того советуешь] собрату
Брать с публики умеренную плату.

[(За каждый стих по десяти рублей,
А за строфу приходится сто сорок),
Неужто жаль кому пяти рублей?
Пустое! всяк то даст без отговорок!
С книгопродавца можно взять, ей-ей.]
Ты говоришь: «пока Онегин жив,
Дотоль роман не кончен — нет причины
Его кончать... к тому же так счастлив.

Вы за «Онегина» советуете, други,
Приняться мне опять в осенние досуги.
Вы говорите мне: он жив и не женат,
Итак, еще роман не кончен — это клад:
В [его] свободную вместительную раму
Ты вставишь ряд картин, откроешь диораму,
Привалит публика, платя тебе за вход,
Что даст еще тебе и славу, и доход.

В черновой рукописи имеется вариант:

Чудный сон мне бог послал —
С длинной белой бородою
В белой ризе предо мною
Старец некий предстоя
И меня благословлял.
Он сказал мне — будь покоен.

Скоро, скоро удостоен
 Будешь царствия небес.
 [Скоро страствию земному]
 Твоему придет конец.
 Уж готовит ангел смерти
 Для тебя святой венец.
 Путник, ляжешь на ночеge,
 В пристань, плаватель, войдешь.
 [Бедный] пахарь утомленный,
 Отрешишь волов от плуга
 На последней борозде.
 Ныне грешник тот великий,
 О котором предвещенье
 Слышал ты давно,
 Грешник жданный
 [Наконец] к тебе приидет
 Исповедывать себя.
 И наступит разрешение
 И уснешь ты вечным сном.
 Сон отрадный, благовещий,
 Сердце жадное не смеет
 И поверить и не верить.
 Ах, ужели в самом деле
 Близок я к моей кончине?
 И страшуся и надеюсь, —
 Казни вечныя страшусь,
 Милосердия надеюсь.
 Успокой меня, творец.
 Но твоя да будет воля,
 Не моя. — Кто там идет?

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ.

В черновой рукописи после эпизода превращения старухи в царюгу имеется такой текст:

Проходит другая неделя,
 Вздурилась оп < ять его старуха >:
 Отыскать мужика приказала.
 Привели старика к царице.
 Говорит старику старуха:
 «Не хочу быть вольною царицей,
 А хочу быть Римскою папой».
 Старик не осмелился перечить,
 Не дерзнул поперёк слова молвить.
 Пошел он к с < инему морю >
 Видит: бурно черное море:
 Так и ходят сердитые волны,
 Так и воют воем зловецим.
 Ст < ал он > кликать золотую рыбку >.
 «Добро, будет она Римской < папой >».

Воротился старик к старухе.

Перед ним монастырь латынский,
На стенах [латинские] монахи
Поют латынскую обедню.

Перед ним вавилонская башня,
На самой на верхней < ? >, на макушке
Сидит его старая старуха.
На старухе *сарачинская* шапка,
На шапке венец латынский,
На венце тонкая спица,
На спице [Строфилус] птица.

Поклонился старик старухе,
Закричал ей голосом громким:
«Здравствуй ты, старая баба,
Я чай, твоя душенька довольна?»

Отвечает глупая старуха:
«Врешь ты, пустое городишь,
[Совсем] душенька моя недовольна:
Не хочу я быть Рим < скою паной >,
А хочу быть *Владычицей Морскою*,
Чтобы жить мне в окняне-море,
Чтобы служила мне рыбка золотая
И была бы у меня на посылках.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К ПЕРВОМУ И ВТОРОМУ ТОМАМ

В алфавитный указатель стихотворений и сказок Пушкина введены не только те заглавия, под которыми напечатаны стихотворения в настоящем издании, но и те, под которыми они печатались в публикациях самого Пушкина и в изданиях XX века собрания его сочинений. При фамилиях лиц, которым посвящены стихотворения Пушкина, указаны все эти стихотворения. Звездочка при фамилиях указывает, что присвоение данному лицу стихотворения, как ему посвященного, в настоящее время считается неверным.

Кроме заглавий, в указателе даются сведения о времени написания произведения (даты самого Пушкина набраны не курсивом), и указывается источник, откуда взят текст для настоящего издания, причем приняты следующие сокращения:

авт. — автограф Пушкина.

авт. коп. — авторизованная копия.

Анн. — Собрание сочинений Пушкина под ред. П. В. Анненкова в семи томах. СПб. 1855—1857 гг.

БАН — Рукописное отделение библиотеки Всесоюзной Академии наук. Все тексты, кроме №№ 9 и 718, взяты из рукописей т. н. Майковского собрания и приготовлены к печати Б. В. Томашевским и Н. В. Измайловым.

Г — копия руки кн. А. М. Горчакова в его архиве, хранящемся в Древлехранилище Централархива.

Ген. 1859 — Сочинения Пушкина под ред. Г. Н. Геннади, изд. Исакова, в шести томах. СПб. 1859 г.

Герб. — Стихотворения Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин. 1861.

ДЛГ — «Дух лицейских трубадуров». Рукописный сборник лицейских стихотворений, хранящийся в Пушкинском Доме.

Ефр. 1880 — Сочинения Пушкина под ред. П. А. Ефремова, изд. Исакова, в шести томах. СПб. 1880 г.

Ефр. 1882 — Сочинения Пушкина под ред. П. А. Ефремова, изд. Анского, в семи томах. СПб. 1882 г.

Ефр. 1903 — Сочинения Пушкина под ред. П. А. Ефремова, изд. Суворина, в восьми томах. СПб. 1903—1905 гг.

коп. — рукописная копия.

ЛБ — Публичная библиотека Союза ССР им. Ленина. Инвентар-

ные комера хранящихся в рукописном отделении библиотеки тетрадей Пушкина (№№ 2364—2395) обозначены сокращенно: 64, 65 и т. д.

лиц. рук. сб. — рукописный сборник лицейских стихотворений, описанный Н. В. Измайловым в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.», Пгр. 1922.

Лонг. — рукописный сборник произведений Пушкина, составленный М. Н. Лонгиновым и в копии С. Д. Полторацкого хранящийся в Публичной библиотеке Союза ССР им. Ленина (инв. № 2603).

Ник. — рукописный сборник лицейских стихотворений, принадлежавший А. В. Никитенке, опубликованный М. О. Гершензоном («Русские пропилеи», т. VI, М. 1919 г.) и ныне хранящийся в Публичной библиотеке Союза ССР им. Ленина.

Майков — А. Майков. «Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки». СПб. 1899 г.

Мат. — тетрадь Ф. Ф. Матюшкина, хранящаяся в Пушкинском Доме и частично опубликованная К. Я. Гротом в «Журнале Министерства народного просвещения» 1905, № 10.

ПБЛ — Публичная Библиотека РСФСР в Ленинграде.

ПД — Пушкинский Дом Всесоюзной Академии наук.

стих. 29, I и II — «Стихотворения Александра Пушкина», часть первая и вторая. СПб. 1829.

стих. 35 — «Стихотворения Александра Пушкина», часть четвертая. СПб. 1835.

факс. — факсимиле.

ЦА — Древлехранилище Центрархива в Москве.

ц. рук. стих. 32 — цензурная рукопись книги «Стихотворения Александра Пушкина», часть третья. СПб. 1832.

Шляпкин — И. А. Шляпкин. «Из неизданных бумаг Пушкина». СПб. 1903.

Щерб. — Ю. Н. Щербачев. «Приятели Пушкина Мих. Андр. Щербинин и Петр Павл. Казерин». М. 1912.

А

А-ву. См. Алексеєву.

«А в ненастные дни». См. Из письма к кн. П. А. Вяземскому.

«A son amant Eglé sans résistance». [4 июня? 1821 г.; авт. 65 ЛБ] I 450

Кж. А. Д. Абамелек. См. В альбом кж. А. Д. Абамелек.

Avalanche. См. Обвал.

«Авдотья Яковлевна пахнет». [1827—1829 и. ?; авт. ЛБ] II 239

«Avez-vous vu la tendre rose». См. Stances.

Аглае. См. Кокетке.

Адели («Играй, Адель»). [В альбом малютке]. [Ноябрь 1822 г.; стих. 29, I] I 326

Адская поэма. Отрывки. См.

«В Геенне праздник».

«Что козырь? — Черви».

«Кто там? — Здорово, господа».

«Так вот детей земных изгнание».

«Сегодня бал у Сатаны».

Акафист К. Н. К-ой. См.

Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной.

Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной («Земли достигнув наконец»).

- [В альбом. Акафист К. Н. К.-ой]. [24 ноября 1827 г.; факс. «Русск. библ.» 1916, окт.] . . . II 58
- Аквилон («Зачем ты, грозный аквилон»). [1824 г. и 7 сентября 1830 г.; Лит. приб. к «Рус. инвалиду» 1837, № 1] . . . I 368
- Актрисе. См. Послание к молодой актрисе.
- Алексееву («Мой милый, как несправедливы»). [А-ву, Послание к А.]. [1821 г.; стих. 29, I] . . . I 317
- Н. С. Алексееву («Прощай, отшельник бессарабской»). См. Из письма к Н. С. Алексееву.
- Н. С. Алексееву. См. «Мой друг, уже три дня». Приятелю. Посвящение «Гавриилиады».
- Альфонс. См. «Альфонс садится на коня».
- «Альфонс садится на коня». [Альфонс]. [1835 г. ?; авт. ПД] . . . II 264
- «Amour, exil...». [1828 г. ?; «Библ. для чт.» 1859, № 4] . . . II 287
- Амур и Гименей («Сегодня, добрые мужья»). [1825 г.? не позднее июля; стих. 29, I] . . . I 412
- Амур и Гименей. Сказка («Сегодня, добрые мужья»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ] . . . I 202
- «Амур тебя обрел, сам Феб тебя готовил». См. «О ты, надежда нашей сцены».
- Ангел («В дверях эдема ангел нежный»). [Январь — ноябрь 1827 г.; стих. 29, II] . . . II 59
- Андрей Шенье в темнице. См. Андрей Шенье.
- Андрей Шенье. Посвящено Н. Н. Раевскому («Меж тем, как изумленный мир»). [Андрей Шенье в темнице]. [Первая половина 1825 г.; стих. 29, II и авт. коп. 2859 ПД] . . . I 378
- Антологический отрывок («Подруга милая. Я знаю отчего») — ранняя редакция стих. Диониса («Хромид в тебя влюблен»).
- Анфологические эпиграммы, См. Царскосельская статуя, Острог, Рифма, Труд.
- Анчар («В пустыне чахлой и скупой»). [9 ноября 1828 г.; ц. рук. стих. 32] . . . II 73
- «Аптеку позабудь ты для венков лавровых». [Июнь — первая половина сентября 1820 г.; авт. ПБЛ] . . . I 286
- Арзамасская эпиграмма. См. Эпиграмма («Седой Свистов! ты царствовал со славой»).
- Арине Родионовне. См. Няне.
- Арион («Нас было много на челне»). [16 июля 1827 г.; «Литер. газета» 1830, № 43] . . . II 51
- «Арист! и ты в толпе служителей Парнаса». См. К другу стихотворцу.
- «Арист нам обещал трагедию такую». См. Эпиграмма.
- «Ах, бже мой, какую». См. На гр. А. К. Разумовского.
- «Ах, тошно, тошно! помогите» [«Ох, тошно, тошно, помогите!»] — не введено, как не принадлежащее Пушкину.

Б

- А. Д. Б-ской. См. В альбом кж. А. Д. Абамелек.
- Е. П. Бакуниной («Напрасно воспевать мне ваши именины»). [24 ноября 1815 г. ?; авт. ПД] . . . I 177
- Баллада («Что ты, девица, грустна»). [2 мая 1819 г.; авт. ПБЛ] . . . I 494

- Баллада. См. Русалка.
- Баратынскому. См. Боратынскому.
- Барклай де Толли. См. Полководец.
- Батюшкову («В пещерах Геликона»). [*Январь — нач. июня 1815 г., Росе. Музеум 1815 г., № 6*]. I 145
- К. Н. Батюшкову. См. К Батюшкову («Философ резвый и пият»).
- «Беги, сокройся от очей». См. Вольность.
- Безверие («О вы, которые с язвительным упреком»). [*Январь — 10 марта 1817 г., авт. коп. 64 ЛБ*]. I 234
- Безвредная ссора («За кость поссорились собаки»). См. Нравоучительные четверостишия.
- «Безумных лет угасшее веселье». См. Элегия.
- «Бессмертною рукой раздавленный зои». См. На Каченовского.
- Бесы («Мчатся тучи, вьются тучи»). [*Шалость*]. [1829 г. и 7 сентября 1830 г.; *ц. рук. стих. 32*]. II 108
- Бирюкову. См. Послание цензору. Второе послание к цензору.
- Битва у Зеницы - Великой («Радивой поднял желтое знамя»). См. Песни западных славян.
- «Благодарю вас за привет». См. Старый поэт.
- «Благословен и день и час». [25 мая 1829 г.; *авт. 82 ЛБ*]. II 232
- «Благословен твой новый путь» [27 мая 1829 г.; *авт. БАН*]. II 232
- «Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени». См. К Жуковскому.
- «Благословляю новоселье». См. Новоселье.
- «Благочестивая жена». См. Гр. А. А. Орловой - Чесменской.
- «Блажен в златом кругу вельмож». [1827 г.; *авт. 68 ЛБ*]. II 221
- «Блажен, кто в отдаленной сени». См. Уединение.
- «Блажен, кто в шуме городского». [Из письма]. [27 марта? 1816 г.; *авт. ЦА*]. I 185
- «Блажен, кто вами любовался» — не введено, как относящееся к X строфе IV гл. «Евгения Онегина».
- «Блажен, кто с юных лет увидел пред собою». См. К Дельвигу.
- «Блажен, кто счастлив без волненья» — не введено, как относящееся к X строфе IV гл. «Евгения Онегина».
- «Блажен муж, иже». [1814 г.; *Майков*]. I 497
- «Блажен, стократ [блажен] рифмач миролюбивый» — не введено, как относящееся к стих. Кн. П. А. Вяземскому («Язвительный поэт, остряк замысловатый»).
- Блаженство («В роще сумрачной, тенистой»). [*Январь — первая половина октября 1814 г.; Вест. Евр. 1814 г., № 20*]. I 81
- «Блестит луна, недвижно море спит». [22 июля 1825 г.; *авт. БАН*]. I 475
- «Блеща средь полей широких». См. Дон.
- «Близ мест, где царствует Венеция златая». Перевод неизданных стихов Андрея Шенье [17 сентября 1827 г.; *стих. 29, II*]. II 52
- Бова. Орывок из поэмы («Часто, часто я беседовал»). [*Январь — февраль 1815 г.; авт. БАН и Мат.*]. I 130

- «Бог веселый винограда». [Январь? 1833 г.; авт. БАН] II 188
- «Бог весть, за что философы, пииты». См. Твой и мой.
- «Бог помочь вам, друзья мои». См. 19 октября 1827 г.
- «Богамы вам еще даны». См. Друзьям.
- «Боже, царя храни». См. «Там громкой славою».
- «Больны вы, дядюшка? Нет мочи». [1816 г.; авт. ПД]. I 220
- Бонапарт и черногорцы («Черногорцы что такое?»). См. Песни западных славян.
- А. Д. Боратынскому («Когда-то, (помню с умилением)») См. В альбом кж. А. Д. Абамелек.
- Боратынскому («Я жду обещанной тетради»). [Январь — июль 1822 г.; стих 29, I] I 325
- Е. А. Боратынскому. См. К Боратынскому («Стих каждый повести твоей»).
- Боратынскому из Бессарабии («Сия пустынная страна»). [1822 г.; стих. 29, I] I 328
- Бородинская годовщина («Великий день Бородина»). [5 сент. 1831 г.; ц. рук. стих. 32] II 129
- Боярские конюшни. См. «Всею красны боярские конюшни».
- «Брадатый староста Авдей». [1828 г.; авт. 71 ЛБ] II 230
- «Брат милый! отроком расстался ты со мной». [К брату; «Друг милый, отроком»]. [1822 г.; авт. 69 ЛБ] I 458
- «Брови царь нахмурия». [Из письма]. [Сентябрь? — октябрь 1825 г.; авт. ЦА] I 393
- «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Станцы. [26 декабря 1829 г.; ц. рук. стих. 32] II 98
- Буджак. См. «В степях зеленых Буджака».
- Будрыс и его сыновья («Три у Будрыса сына, как и он три литвина»). Литовская баллада. [Из М-а. Из Мшукевича]. (28 октября 1833 г.; стих. 35) II 179
- «Будь подобен полной чаше». [«Он мне ровесник»; Куплеты для водевиля]. [Июнь — декабрь? 1826 г.; авт. БАН] II 215
- «Буря мглою небо кроет». См. Зимний вечер.
- Буря («Ты видел деву на скале»). [Дева]. [1825 г.; стих. 29, II] I 401
- «Бывало в сладком ослепленье» — не введено, как относящееся или к стих. «Свободы сеятель пустынный» или к стих. «Демон».
- «Бывало, прежних лет герой». См. Эпиграмма.
- «Был и я среди донцов». [Не ранее 16 июля и не позднее 3 октября 1829 г.; авт. 82 ЛБ] II 234
- «Был на свете рыцарь бедный». См. Легенда.
- «Была пора: наш праздник молодой». [Лицейская годовщина 1836 г.; 19 октября 1836 г.]. [1 — 19 октября 1836 г.; авт. 77 А, ЛБ] II 272
- «Быть в сражении похвально». См. «В сраженьи смелым быть похвально».
- «Быть может, уж недолго мне». См. П. А. Осиповой.

В

- В *** му. См. Всеволожскому («Прости, счастливый сын пиров»).
- «В Академии Наук». [На кн. Дондукова-Корсакова; Кн. Дундукову]. [Июнь 1835 г.; рук. сб. Бартея]. II 289

- В альбом. См. Акафист Е. Н. Карамзиной.
- В альбом. См. Иностранке.
- В альбом. См. Ек. Н. Ушаковой («В отдалении от вас»).
- В альбом. См. Ек. Н. Ушаковой («Когда бывало в старину»).
- В альбом. См. Ел. Н. Ушаковой («Вы избалованы природой»).
- В альбом. См. «Что в имени тебе моем».
- В альбом («Гонимый рока самовластьем». [27 октября 1832 г.; *Анн. VII*] . . . II 135
- В альбом («Долго сих листов заветных») (1832; *Отеч. Зап. 1839, т. I*) . . . II 136
- В альбом кж. А. Д. Абабелек («Когда-то, (помню с умилением)»). [А. Д. Боратынской; А. Д. Б-ской]. [9 апреля 1832 г.; *авт. ПД*] . . . II 135
- В альбом Е. Н. Вульф («Вот, Зина, вам совет: играйте!»). [1 июля 1826 г.; *Анн. VII*] . . . II 35
- В альбом кн. П. П. Вяземскому («Здравствуй, друг мой Павел»). [В детский альбом кн. П. П. Вяземскому; «Душа моя, Павел»]. [*Конец 1826 г. — март 1827 г.; «Берег» 1880, № 111*] . . . II 48
- В альбом гр. Е. М. Завадовской. См. Красавица.
- В альбом А. Н. Зубову («Когда погаснут дни мечтанья»). [А. Н. Зубову]. [*Май — первые числа июня 1817 г.; «Листки граций» 1829 г.*] . . . I 245
- В альбом Илличевскому («Мой друг, не славный я поэт») [31 мая 1817 г.; *Мат. (коп. Илличевского)*]. I 237
- В альбом малютке. См. Адели.
- В альбом П. А. О. См. П. А. Осиповой.
- В альбом П. А. Осиповой. См. «Цветы последние милей».
- В альбом И. И. Пущину («Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок»). [*Май — перв. числа июня 1817 г.; Соврем. 1841 г., т. XXII*] . . . I 245
- В альбом А. О. Смирновой («В тревоге пестрой и бесплодной»). [18 марта 1832 г.; *авт. ПД*] . . . II 134
- В альбом Е. Я. Сосницкой («Вы соединить могли с холодностью сердечной»). [1818 г.; *Анн. VII*] . . . I 516
- В альбом (Е. Н. Ушаковой). См. Ел. Н. Ушаковой.
- В альбом М. А. Щербинину. См. К Щербинину.
- «В Армению, в палаты Зензевея». См. «Зачем раздался гром войны».
- «В безмолвии садов, весной, во мгле ночей». См. Соловей.
- «В Геенне праздник». См. «Где слез во мраке льются реки».
- «В глуши, измучась жизнью постной». См. Из письма к кн. П. А. Вяземскому.
- «В голубом зфире поле». См. «Ночь светла; в небесном поле».
- «В дверях эдема ангел нежный». См. Ангел.
- В детский альбом кж. П. П. Вяземскому. См. В альбом кн. П. П. Вяземскому.
- «В Дориде нравятся и локоны златые». См. Дорида.
- «В дыму, крови, сквозь тучи стрел». См. Генералу Пущину.
- «В еврейской хижине лампада». [1826 ? г.; *авт. БАН*] . . . II 216

- «В его истории изящность, простота». См. На Н. М. Карамзина.
- «В жизни мрачной и презренной». См. Эпиграмма.
- «В журнал совсем не европейский». [1829 г.; *авт. 82 ЛБ*] II 239
- «В забытых неги наслались» — не введено, как относящееся к стих. К С. Ф. Пушкиной («Зачем безвременную скуку»).
- «В конюшнях Левашева». См. Ноэль на лейб-гусарский полк.
- «В крови горит огонь желанья». [Подражание песне Соломона; Подражание]. [1825 г.; *стих. 29, II*] I 400
- «В лесах, во мраке ночи праздной». См. Соловей и кукушка.
- «В лесах Гартгарии счастливой». См. «В лесах Гаргафии счастливой».
- «В лесах Гаргафии счастливой». [«В лесах Гартгарии счастливой»]. [*Январь — февраль? 1822 г.; авт. 65 ЛБ*] I 455
- «В лесу под липою, где келья за долиной». См. «Там у леса за ближнею долиной».
- «В [младенчестве моем] бессмысленно лукавом». [«С очами быстрыми»]. [1835 ? г.; *авт. ПД*] II 270
- «В младенчестве моем она меня любила». См. Муза.
- «В мои осенние досуги». [Попытка вернуться к «Евгению Онегину»]. [16 сент. 1835 ? г.; *авт. 84 ЛБ*] II 262
- «В молчаньи пред тобой сижу». См. Экспромпт на Огареву.
- «В надежде славы и добра». См. Стансы.
- «В начале жизни школу помню я». [Подражание Данту]. [*Октябрь? 1830 г.; авт. БАН*] II 240
- «В неволе скучной увядает». См. Наслаждение.
- «В нем пунша и войны кипит всегдашний жар». См. К портрету Каверина.
- «В нем радости мои; когда померкну я». См. К письму.
- В ответ на стихи князя Вяземского. См. Ее глаза.
- «В отдалении от вас». См. Ек. Н. Ушаковой.
- «В печальной праздности я лиру забывал». См. К ней.
- «В пещерах Геликона». См. Батюшкову.
- «В пещере на острых камнях». См. Песни западных славян. Гайдук Хризиц.
- «В пещере тайной, в день гоенья». [1825 г.; *авт. 70 ЛБ*] I 480
- «В поле чистом серебрится». [«В чистом поле серебрится»]. [1833 г.; *авт. 75 ЛБ*] II 257
- «В последний раз в сени уединенья» — вторая редакция стихотворения Кюхельбекеру («В последний раз в тиши уединенья»).
- «В последний раз в тиши уединенья». См. Кюхельбекеру.
- «В последний раз твой образ милый». [Расставание; Прощание]. [5 октября 1830 г.; *авт. БАН*] II 112
- «В прохладе сладостной фонтанов». [«В прохладе сладостных фонтанов»; «При шуме сладостном фонтанов»]. [1828 ? г.; *авт. 71 ЛБ*] II 231

- «В прохладе сладостных фонтанов». См. «В прохладе сладостной фонтанов».
- «В пустыне пробился ключ». [*Январь—16 апр. 1830 г.; авт. ПД*] II 277
- «В пустыне чайлой и скупой». См. Анчар.
- «В России дышит всё военным ремеслом» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «В России нет закона» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «В рощах карийских любезных ловцам». [*«Таится пещера»*]. [*1827 г.; авт. 68 ЛБ*] II 221
- «В роще сумрачной, тенистой». См. Блаженство.
- «В рюмке светлой предомною». [*1828 ? г.; авт. 71 ЛБ*] II 230
- «В славной в Муромской земле». [*Сер. сентября 1833 г.; авт. ПБЛ*] . . . II 255
- «В себе все блага заключаю». См. Послание к А. И. Тургеневу.
- В Сибирь. («Во глубине сибирских руд»). [*Послание в Сибирь*]. [*Декабрь 1826 — нач. янв. 1827 г.; «Пол. зв.» 1856, кн. II и коп. Ком. Ак.*] II 47
- «В сиянии и радостном покое». См. Эпитафия младенцу кн. Н. С. Волконскому.
- «В сражении смелым быть похвальным» — не введено, как относящееся к «Евгению Онегину».
- «В степи мирской, печальной и безбрежной». См. Три ключа.
- «В степях зеленых Буджака». [*Кирджали; Буджак*]. [*Август 1828 г.; авт. 71 ЛБ*] II 226
- «В стране, где Юлией венчанный». [*Из письма к Н. И. Гнедичу; К Гнедичу; Гнедичу*]. [*24 марта 1821 г.; авт. ПД*] . . . I 296
- «В стране, где я забыл тревоги прежних лет». См. Чаадаеву.
- «В твою светлицу, друг мой нежный». [*5 июня—18 июля 1821 г.; авт. 65 ЛБ*] I 450
- «В те дни, когда мне были новы». См. Демон.
- «В тревоге пестрой и бесплодной. См. В альбом А. О. Смирновой.
- «В утлом челне и беззвездною ночью». См. *Nec temere, nec timide*.
- «В часы забав иль праздной скуки». Станцы. [*19 января 1830 г.; ц. рук. стих. 32*] II 103
- «В чистом поле серебрится. См. «В поле чистом серебрится».
- «В чужбине свято наблюдаю». См. Птичка.
- «В Элизии Василий Тредьяковский». См. Литературное известие.
- «В Юрзуфе бедный музульман». См. «Недавно бедный музульман».
- Вадим. См. «Свод неба мраком обложился».
- Вакхическая песнь. См. Друзьям («Вчера был день разлуки шумной»).
- Вакхическая песнь («Что смолкнул веселя глас»). [*Январь — первая половина сентября 1825 г.; стих. 29, II*] I 393
- «Вам восемь лет, а мне семнадцать било». См. К бар. М. А. Дельвиг.
- «Вам музы, милые старушки». См. В. С. Филимонову, при получении поэмы его «Дурацкий колпак».

- «Ваш дед портной, ваш дядя повер». См. Жалоба.
- «Вдали ты зришь утес удивленный». См. Эвлега.
- «Вези, вези, не жалей». [19 октября 1828 г.; авт. П.А.] II 227
- «Везувий вдруг развил» — не введено, как относящееся к стих. «Везувий зев открыл».
- «Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя». [Авт. — сент.? 1834 ? г.; авт. 74 ЛБ] II 259
- «Великий государь» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Великий день Бородина». См. Бородинская годовщина.
- «Великим быть желаю». См. Про себя.
- В. кн. Елене Павловне. См. Циклоп.
- И. Е. Великопольскому. См. Из письма к И. Е. Великопольскому («С тобой мне вновь считаться довелось»).
- И. Е. Великопольскому. См. Послание к Великопольскому («Так элегическую лиру»).
- И. Е. Великопольскому. См. «Поэт-игрок, о Беверлей Гораций».
- Е. В. Вельяшевой. См. «Подъезжая под Ижоры». Приметы («Я ехал к вам»).
- Венере от Лаисы («Вот зеркало мое — прими его, Киприда»). [Венере от Лаисы, при посвящении ей зеркала]. [Январь — первая половина сентября 1814 г.; Вест. Евр., 1814 г. № 18] . I 80
- Венере от Лаисы при посвящении ей зеркала. См. Венере от Лаисы.
- «[Венере], Фебу и Фемиде». [1823 ? г.; авт. 69 ЛБ] . I 465
- «Венец желаниям! И так, я вижу вас». [Сентябрь 1817 г.; Моск. вед. 1835, № 142] I 511
- Верное предсказание («Пройдет ли мой недуг»). См. Нравоучительные четверостишия.
- «Вертоград моей сестры». [Подражание песне песней. Подражание]. [1825 г.; стих. 29, II] I 400
- «Веселого пути». [Конец мая — начало июня 1825 г.; авт. ПБЛ] I 475
- «Веселый вэчер в жизни нашей». См. 27 мая 1819.
- «Веселый пир («Я люблю вечерний пир»». [Вечер]. [Январь — 27 ноября 1819 г.; стих 29, II] . . I 275
- Вечер. См. Веселый пир.
- «Вечерня отошла давню». [1821 г.; авт. ПБЛ] . . . I 452
- «Вечерняя заря в пучине догорала». См. Наполеон на Эльбе (1815).
- «Вещали книжники, тревожились цари». См. «Зачем ты послан был».
- «Взгляни на милую, когда свое чело». См. Красавица перед зеркалом.
- «Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок». См. В альбом И. И. Пущину.
- «Взошла луна над дремлющим заливом». См. Галраль и Гальвина. I 497
- Ф. Ф. Вигелю («Проклятый город Кишинев»). См. Из письма к Ф. Ф. Вигелю.
- Ф. Ф. Вигелю («Скучной ролью Телемака»). [Ответ Ф. Ф. Вигелю]. [Февраль — нач. марта 1824 г.; Рус. арх. 1893, № 8] . I 521
- Видение короля («Король ходит большими шагами»). См. Песни западных славян.
- Вино (Ион Хиосский) («Злое

- дитя, «старик молодой»].
[Из Иона Хиосского].
[1833 ? г. 2 янв.; авт.
БАН] II 188
- Виноград («Не стану я жа-
леть о розах»). [1820 ? г.
1824 ? г.; стих. 29, I] . . I 293
- Вишня («Румяной зарею».)
[1815 г. ?; Анн. VII, Библ.
зап. 1861 и Герб.] . . . I 505
- «Вкруг я Стурдзы хожу». См.
На А. С. Стурдзу.
- Влах в Венеции («Как поки-
нула меня Парасковья».)
См. Песни западных сла-
вян.
- «Внемли, о Гелиос, серебря-
ным луком звенящий».
[«О Гелиос, внемли, сере-
бряным луком звенящий»;
Слепец; Из А. Шенье].
[Июнь 1823 ? г.; авт. 66
ЛБ] I 461
- «Внимает он привычным
ухом». См. История сти-
хотворца.
- «Внимай, что я тебе вещаю».
См. Разговор Фотия с гр.
Орловой.
- «Вновь я посетил». [Сосны;
Опять на родине]. [26
сент. 1835 г.; авт. 77 А,
ЛБ] II 198
- «Внук Тредьяковского Клит
гекзаметром песенки пи-
шет». См. Несчастье Кли-
та. I 497
- «Во времена царя Дадона».
См. «Во дни Дадона».
- «Во глубине сибирских руд».
См. В Сибирь.
- «Во дни Дадона». [«Во вре-
мена царя Дадона»].
[5 июня — 18 июля ?
1821 г.; авт. 65 ЛБ] . . I 485
- «Во ржи был василек пре-
красный». См. Нравучи-
тельные четверостишия.
Общая судьба.
- «Во сне я вами осчастливи-
лен». См. «Когда так неж-
но, так сердечно».
- Вода и вино («Люблю я в пол-
день воспаленной»). [Ян-
варь—нач. июля 1815 г.;
Росс. Музеум, 1815 г.,
№ 6] I 145
- «Воды глубокие». [1820-е гг.;
авт. ПД] II 288
- Воевода («Поздно ночью из
похода»). [Польская бал-
лада. Из М—а; Из Мицке-
вича]. [28 октября 1833 г.;
стих. 35] II 177
- Воевода Милош («Над Сер-
бией смилуйся ты, бо-
же»). См. Песни запад-
ных славян.
- «Возможно ль? вместо роз,
Амуром насажденных».
См. Красавице, которая
нюхала табак.
- Возрождение («Художник-
варвар кистью сонной».)
[1819 г.; стих. 29, I] . . I 281
- Война («Война!.. Подъяты на-
конец»). [Мечта воина].
[29 ноября 1821 г.; стих.
29, I] I 311
- «Война!.. Подъяты наконец».
См. Война.
- Кж. В. М. Волконской («On
peut très bien, mademoi-
selle»). [1816 г.; Вестн.
Евр. 1877, № 7] I 509
- Княгине З. А. Волконской.
При посылке ей поэмы
«Цыганы» («Среди рассе-
янной Москвы»). [6 мая
1827 г.; стих. 29, II] . . II 49
- Кн. М. Н. Волконской. См.
«На холмах Грузии лежит
ночная мгла».
- Кн. Н. С. Волконскому. См.
Эпитафия младенцу кн.
Н. С. Волконскому.
- «Волненьем жизни утомлен-
ный». (25 июня ? 1828 г.;
авт. 71 ЛБ) II 226
- Вольное подражание лорду
Байрону. См. Моя родос-
ловная.
- Вольность. Ода («Беги, со-
кройся от очей»). [Свобо-

- да]. [*Июль — декабрь 1817 ? г.; авт. БАН*] . . I 256
- «Ворон к ворону летит». Шотландская песня. [Два ворона]. [*Январь — первая половина октября 1828 г.; стих. 29, II*] II 72
- Гр. А. М. Воронцовой. См. Младенцу.
- Гр. Е. К. Воронцовой. См. «Ангел»; «В последний раз твой образ милый»; «Всё в жертву памяти твоей»; «Всё кончено»; «Желание славы».
- «Воскресли чувства, ясен ум». См. Таврида.
- «Воспитанный под барабаном». [На Александра II]. [1824 ? г.; *Русс. вест.* 1869, № 11] I 522
- Воспоминание. К Пушкину. См. Воспоминания. К Пушкину.
- Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день»). [19 мая 1828 г.; *стих. 29, II*] . . II 66
и 356
- Воспоминания в Царском селе («Воспоминаньями смущенный»). [14 декабря 1829 г.; *авт. 82 ЛБ*] . . II 235
- Воспоминания в Царском селе («Навис покров угрюмой ночи»). [*Конец 1814 г. Росс. Музеум 1815 г., № 4 и авт. ПД*] . . . I 84
- Воспоминания. К Пушкину («Помнишь ли, мой брат по чаше»). [1815 г.; *Г*] . I 181
- «Воспоминаньем упоенный». См. Элегия.
- «Воспоминаньями смущенный». См. Воспоминания в Царском селе.
- «Восстань, боязливый». См. Подражания Корану.
- «Восстань, о Греция, восстань». [1829—1830 г.; *авт. ПД*] II 244
- «Вот Виля — он любовью дышет». [На Кюхельбекера]. [1816 ? г.; *авт. ПД*] . . I 230
- «Вот еврейка с Тадарашкой». См. «Раззевавшись от обедни».
- «Вот здесь лежит больной студент». См. Надпись на стене больницы.
- «Вот зеркало мое — прими его, Киприда». См. Венере от Лансы.
- «Вот, Зина, вам совет: играйте». См. В альбом Е. Н. Вульф.
- «Вот карапузик наш, монах». См. Портрет.
- «Вот Коцит, вот Ахерон». [Отрывки из адской поэмы]. [1825 г.; *авт. БАН*] I 477
- «Вот муза, резвая болтунья». См. Посвящение «Гавриилиады».
- «Вот перешед чрез мост Кокушкин». См. На картинки к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе».
- «Вот перешедши мост Кокушкин». См. На картинки к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе».
- «Вот Хвостовой покровитель». См. На кн. А. Н. Голицына.
- «Враги мой, покамест я ни слова». См. Приятелям.
- «Всё в жертву памяти твоей». [1825 г.; *авт. ПД*] . . . I 402
- «Всё в ней гармония, всё диво». См. Красавица.
- «Всё в таинственном молчаньи». См. Гроб Анакреона.
- «Все говорят: он Вальтер Скотт» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Всё жалобы, упреки, слезы». См. III т.
- «Всё кончено: меж нами связи нет». [1824 ? г.; *авт. 69 ЛБ*] I 475

- «Всё миновалось». См. Измены.
- «Всё мое», — сказала злато. См. Золото и булат.
- «Всё ненавистно становится» — не введено, как относящееся к стих. «И я слышал, что божий свет».
- «Всё пленяет нас в Эсфири». См. Эпиграмма на А. М. Колосову.
- «Всё призрак, суета». [Апрель — ноябрь 1819 г.; авт. 64 ЛБ] I 436
- «Всё тихо. На Кавказ идет ночная мгла». [«Со мной одни воспоминанья»]. [15 мая 1829 г.; авт. 82 ЛБ] II 356
- Всеволожскому («Прости, счастливый сын пиров»). [В***му]. [27 ноября 1819 г.; стих. 29, I] . . I 275
- «Всегда так будет и бывало». [1821? г.; Анн. VII] . . I 519
- «Всей России притеснитель». См. На гр. Аракчеева.
- «Всем красны боярские конюшни». [«Чистой, прислужой и пойлом»; Боярские конюшни]. [Конец 1828 г.; авт. 68 ЛБ] . . II 229
- «Встарь Голицын мудрость весил», — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- «Встречались мне наперсники молвы» — не введено, как относящееся к стих.
- «Ты прав, мой друг».
- «Встречаюсь я с осмындацтой весной». См. Послание к кн. А. М. Горчакову.
- «Всю жизнь провел в дороге» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- Второе послание к Аристарху. См. Второе послание к цензору.
- Второе послание к цензору. («На скользком поприще Тимковского наследника».
- [Второе послание к Аристарху]. [Сентябрь—декабрь 1824 г.; авт. 67 ЛБ] I 366
- «Vous me demandez mon portrait». См. Mon portrait.
- А. И. Вульф. См. «За Netty сердцем я летаю».
- А. Н. Вульф («Увы! напрасно дева гордой»). [1825? г.; Ефр. 1880, I] См. еще К имениннице. I 523
- Е. Н. Вульф. См. В альбом Е. Н. Вульф («Вот, Зина, вам совет»); «Если жизнь тебя обманет».
- А. Н. Вульфу («Здравствуй, Вульф, приятель мой!»). [Из письма]. [20 сентября 1824 г.; Русск. арх. 1867 г., № 1] I 467
- Вурдалак («Трусоват был Ваня бедный»). См. Песни западных славян.
- «Вчера был день разлуки шумной». См. Дружьем.
- «Вчера за чашей пуншевою». См. Слеза.
- «Вчера мне Маша приказала». См. К Маше.
- «Вы, дни [протекшие]». [«Часы, протекшие в живом очаровании»; «Теките медленной»; «Вы, промелькнувшие в живом очаровании»]. [5 июня—18 июля? 1821 г.; авт. 65 ЛБ] I 436
- «Вы за «Онегина» советуете, други». [Попытки вернуться к «Евгению Онегину»] II 261 и 360
- «Вы избалованы природой». См. Ел. Н. Ушаковой.
- «Вы, промелькнувшие в живом очаровании». См.
- «Вы, дни [протекшие]».
- «Вы соединить могли с холодностью сердечной». См. В альбом Е. Я. Сосницкой.
- Выздоровление («Тебя ль я

- видел, милый друг?». [Март? 1818 г.; стих. 29, Л] I 261
- «Высоко над семью гор». См. Монастырь на Казбске.
- Кн. П. А. Вяземскому («За чем, забывши славу»). [Экспромпт]. [4 сентября 1817 г.; авт. ПБА] I 493
- Кн. П. А. Вяземскому («Язвительный поэт, остряк замысловатый»). [Апрель — май? 1821 г.; авт. 65 ЛБ] I 449
- Кн. П. А. Вяземскому. См. Из письма к кн. П. А. Вяземскому («А в ненастные дни»); Из письма к кн. П. А. Вяземскому («В глуши, измучась жизнью постной»); Из письма к кн. П. А. Вяземскому («Любезный Вяземский, поэт и камергер»); Из письма к кн. П. А. Вяземскому («Сатирик и поэт любовный»); «Блажен, кто в шуме городском»; Ее глаза; К портрету П. А. Вяземского; «Так море, древний душегубец».
- Кн. П. П. Вяземскому. См. В альбом кн. П. П. Вяземскому.
- «Вянет, вянет лето красно». См. К Наташе.
- Г**
- Ф. Н. Г-ке См. Ф. Глинке. Гайдук Хризич. («В пещере, на острых камнях»). См. Песни западных славян.
- А. И. Галичу. См. К Галичу («Пускай угрюмый рифмотор»); Послание к Галичу («Где ты, ленивец мой»).
- Гараль и Гальвина («Взошла луна над дремлющим заливом»). [1814 ? г.; Рус. арх. 1876, № 10] I 497
- «Гауншильд и Энгельгардт». [Первые числа июня 1817 г.; авт. ПД] I 492
- «Где мир одной мечте послушной» — ранняя редакция стих. Окно.
- «Где наша роза?». См. Роза.
- «Где слез во мраке льются реки». [«В Геенне праздник», Отрывки из Адской поэмы]. [1821 г.; авт. 65 ЛБ] I 451
- «Где ты, ленивец мой?». См. Послание к Галичу.
- «Генерал не попал». [1821 г.; авт. БАН] I 485
- Генералу Пушкину («В дыму, в крови сквозь тучи стрел»). [«И скоро, скоро смолкнет брань»; П. С. Пушкину]. [1821 г.; коп. БАН] I 316
- Герой («Да, слава в прихотах вольна»). [Октябрь 1830 г.; «Телескоп» 1831, № 1] II 120
- «Глаза скосив на ус кудрявой». См. Усы. Философическая ода.
- М. И. Глинке. См. «Пой в восторге русский хор».
- Ф. Глинке («Когда среди оргий жизни шумной»). [Ф. Н. Г-ке; К Ф. Н. Глинке]. [1822 г.; авт. 1254 ЛБ] I 332
- «Глубокой ночи на полях». См. Наездники.
- «Глухой глухого звал к суду судьи глухого». [1830 г.; авт. 87 ЛБ] II 126
- «Глядит на светлые края». См. «Шумит кустарник. На утес».
- «Гляжу, как безумный на черную шаль». См. Черная шаль.
- Гнедичу. См. «В стране, где Юлией венчанный»; К Гнедичу («С Гомером долго ты беседовал один»);

- На перевод Илиады; К переводу Илиады.
- Кн. М. А. Голицыной («Давно об ней воспоминанье») [К. М. А. Г.; Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой]. [*Конец мая—декабрь 1823 г.; Карм. кн. для любит. русск. стар. и слов. на 1830 г.*] I 341
- Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой. См. Кн. М. А. Голицыной.
- Кн. Е. И. Голицыной. Посылая ей оду «Вольность» («Простой воспитанник природы»). [*Июль — декабрь 1817 ? г.; авт. БАН*] I 259
- Кн. Е. И. Голицыной. См. «Краев чужих» «опытный любитель».
- Кн. А. Н. Голицыну. См. Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну.
- «Гонимый рока самовластьем». См. В альбом.
- «Горишь ли ты, лампада наша». См. Я. Н. Толстому.
- Город Кишинев. См. Ф. Ф. Вигелю («Проклятый город Кишинев»).
- «Город пышный, город бедный». [К. А. А. Олениной]. [1828 г.; стих. 29, П] II 78
- Городок. К*** («Прости мне, милый друг»). [К. О. С. Пушкиной*]. [1814 ? г.; *Росс. музей 1815 г. № 7, Библ. зап. 1861 г. № 9*] I 108
- Кж. Горчаковой. См. Красавице, которая нюкала табак.
- Кн. А. М. Горчакову. См. «Но я не тот, мои златые годы»; Послание к кн. А. М. Горчакову («Питомец мод, большого света друг»).
- Кн. А. М. Горчакову («Пускай, не знаясь с Аполлоном»). [*Август 1815 ? г.; авт. ЦА*] I 176
- Кн. А. М. Горчакову. См. Послание к кн. А. М. Горчакову («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной»).
- В. П. Горчакову. См. Из письма к В. П. Горчакову.
- В. П. Горчакову. См. Дружьям («Вчера был день разлуки шумной»).
- «Господин фон-Адеркас» — не введено, как не принадлежавшее Пушкину.
- «Г<осподина> Шафонского». См. «Надо помнить, непременно помнить надо».
- А. И. Готовцевой. См. Ответ А. И. Готовцевой.
- «Гремят народные клики». См. «Зачем раздался гром войны».
- «Гречанка верная! не плачь, — он пал героем». [1821 г. — 1822 г.; авт. ПД] I 460
- «Гречанка, прелесть! пред тобой». См. «Элеферия, пред тобой».
- «Гречанка, я люблю тебя», См. «Элеферия, пред тобой».
- Гречанке («Ты рождена воспламенять»). [1822 г.; стих. 29, П] I 327
- Гроб Анакреона («Всё в таинственном молчаньи»). [1815 г.; авт. коп. 64 ЛБ] I 165
- Гроб Анакреона («Всё в таинственном молчаньи»). [1825 ? г.; не позднее июля; стих. 29, П] I 408
- Гроб юноши («...Сокрылся он»). [Элегический отрывок]. [*Июль 1821 г.; стих. 29, П*] I 303
- «Гроза луны, свободы воин». См. Дочери Карагеоргия.
- «Грустен и весел вхожу, вая-

тель, в твою мастерскую». См. Художнику.
Гулянову. См. Ответ анониму.
Гусар («Скребницей чистил он коня»). [18 апреля 1833 г.; стих 35] . . . II 173

Д

Д***у. См. А. Л. Давыдову.
На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма.
«Да, слава в прихотях вольна». См. Герой.
«Да сохранит тебя твой добрый гений». См. Кюхельбекеру.
«Давайте пить и веселиться». См. Добрый совет.
«Давно ли тайными судьбами». [Январь — август 1819 г.; авт. 64 ЛБ] . . I 435
«Давно об ней воспоминанье». См. Кн. М. А. Голицыной.
Аг. Ант. Давыдовой. См. Кокетке. См. еще: На А. А. Давыдову.
Ад. Алдр. Давыдовой. См. Адели.
А. Л. Давыдову. На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма («Нелзя, мой толстый Аристипп»). [Д***у]. [Апрель 1824 г.; стих. 29, I] . . . I 345
В. Л. Давыдову («Меж тем, как генерал Орлов»). [Первые числа апреля 1821 г.; авт. 65 ЛБ; коп. Анненкова] . . . I 441
Д. В. Давыдову. При посылке «Истории Пугачевского бунта» («Тебе, певцу, тебе герою»). [18 января 1836 г.; Соврем. 1837, № 1] . . . II 158
Д. В. Давыдову. См. «Певец гусар, ты пел биваки».

«Зай, Никита, мне одеться». [1820—1822 г.; Русс. арх. 1866] . . . I 520
«Дар напрасный, дар случайной». [26 мая 1828 г.; ц. рук. стих. 32] . . . II 67
Д. Дау. См. То Dawe esq-r.
Два ворона. См. «Ворон к ворону летит».
«Два дубочка выросли рядом». См. Песни западных славян. Сестра и братья.
«Два чувства дивно близки нам. [1831 ? г.; авт. ПД] II 252
27 мая 1819 г. («Веселый вечер в жизни нашей»). [27 мая 1819 г.; Щерб.] . I 268
26 мая 1828 г. См. «Дар напрасный, дар случайной».
Движение («Движенья нет, сказал мудрец брадатый»). [Июль? — ноябрь 1825 г., стих. 29, II] . . . I 399
«Движенья нет, сказал мудрец брадатый». См. Движение.
Двум Александрам Павловичам. («Романов и Зернов лихой»). [Эпиграмма]. [1814 ? г.; лиц. рук. сб. ПД] . . . I 504
Дева. См. Буря.
«Дева, - - - - -». [1827—1829 ? г.; авт. ЛБ] . . II 240
Дева («Я говорил тебе: страшился девы милой»). [1821 г.; стих. 29, I] . I 315
19 октября («Роняет лес багряный свой убор»). [19 октября 1825 г.; Лицейская годовщина]. [Октябрь 1825 г.; стих. 29, II; авт. ПД] . . . I 394 и 528
19 октября 1827 г. («Бог помошь вам, друзья мои»). [К товарищам молодости; X Лицейская годовщина]. [19 ? октября 1827; ц. рук. стих. 32] . . . II 53

- 19 октября 1828 («Усердно помолившись богу»). [Ляпейская годовщина] [19 октября 1828 г.; *авт. ПД*] II 73
- 19 октября 1831. См. «Чем чаще празднует лицей».
- 19 октября 1836 г. См. «Была пора: наш праздник молодой».
- Декабристам. См. В Сибирь.
- Делибаш («Перестрелка за холмами»). [14—18 июня 1829 г. и 7 сентября 1830 г.; *ц. рук. стих. 32*] . II 99
- Делия («Ты ль передо мною»). [1815 ? г.; *ДЛТ*] . I 183
- Бар. М. А. Дельвиг. См. К бар. Дельвиг; К Маше.
- Бар. А. А. Дельвигу. См. К Дельвигу («Блажен, кто с юных лет»); К Дельвигу («Послушай, муз невинных»); «Кто на снегах возрастил Феофритовы нежные розы»; «Мы рождены, мой брат названный»; Череп; «Се самый Дельвиг тот».
- Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью»). [1825 ? г. не позднее июля; *стих. 29, I*] I 407
- Дельвигу (1821 в марте) («Друг Дельвиг, мой парнасский брат»). [К Дельвигу. Из письма]. [23 марта 1821 г.; *авт. 67 ЛБ*] . I 295
- Демон («В те дни, когда мне были новы»). [Мой демон]. [Октябрь—ноябрь 1823 г.; *стих. 29, I*] . . I 340
- «День блаженства настоящий». [1827—1829 ? г.; *авт. ЛБ*] II 240
- Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок»). [Уединение]. [Июль 1819 г.; *стих. 29, I и авт. ЦА*] . I 271
- Десятая заповедь («Добра чужого не желать»). [1821 ? г.; *коп. БАН*] I 520

- Дионея («Хромида в тебя влюблен»). [Идиллия; Антологический отрывок]. [Апрель—июль 1821 г.; *стих. 29, II*] I 305
- «Dis moi pourquoi l'Escamoteur». [1809—1811 г.; *Анн. II*] I 436
- «Дитя, не смею над тобой»: См. Младенцу.
- «Дитя харит и воображенья». См. К живописцу.
- «Для берегов отчизны дальней». [Разлука]. [27 ноября 1830 г.; *авт. ПД*] . II 123
- «Для твоего поэта» — не введено, как не принадлежащее Пушкину
- «До меня доходят». [Непримиримую судьбою]; «Молодой покинутый»; «Младых пиров». [Август 1821 г.; *авт. 65 ЛБ*] I 451
- «Добра чужого не желать». См. Десятая заповедь.
- Добрый совет («Давайте пить и веселиться»). [1817 ? г.; *авт. ПД*] . . I 259
- Добрый человек («Ты прав, несносен Фирс ученый»). [1817 ? г.; *стих. 29, II*] . I 260
- «Довольно битвы мчался гром». См. Принцу Оранскому.
- «Догаресса молодая». См. «Ночь светла; в небесном поле».
- «Догорала молодая». См. «Ночь светла; в небесном поле».
- «Долго ль мне гулять на свете». См. Дорожные жалобы.
- «Долго сих листов заветных». См. В альбом.
- Домовому («Поместья мирного незримый покровитель»). [Июль — август 1819 г.; *стих. 29, I*] . . I 273
- Дон («Блеща средь полей широких»). [Сентябрь—

- декабрь 1829 г.; ц. рук. стих. 32] II 89
- Дорида («В Дориде нравятся и локоны златые»). [Январь—нач. марта 1820 г.; стих. 29, I] I 285
- Дориде («Я верю: я любим; для сердца нужно верить»). [Январь 1820 г.; стих. 29, I] I 285
- Дорожные жалобы («Долго ль мне гулять на свете»). [Дорожные стихи]. [4 октября 1829 г.; ц. рук. стих. 32] II 90
- Дорожные стихи. См. Дорожные жалобы.
- Дочери К. Г. См. Дочери Карагеоргия.
- Дочери Карагеоргия («Гроза луны, свободы воин»). [Дочери К. Г.; Дочери Черного Георга]. [5 октября 1820 г.; стих. 29, I] I 288
- Дочери Черного Георга. См. Дочери Карагеоргия.
- «Дробясь о мрачные скалы». См. Обвал.
- «Друг Дельвиг, мой парнасский брат». См. Дельвигу. (1821 в марте).
- «Друг милый, отроком». См. «Брат милый! отроком».
- «Друг мой милый, красно солнышко мое» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Друг сердечный мне намерен говорил». [1830-е годы; авт. БАН] II 275
- Другу от друга. См. «Когда сожмешь ты снова руку».
- Дружба («Что дружба? Легкий пыл похмелья»). [Конец октября 1824 г. — первая половина марта 1825 г.; стих. 29, II] I 374
- «Друзья, досужный час настал». См. Пирующие студенты.
- «Друзья, простите! Завещаю». См. Завещание.
- Друзьям. См. Мое завещание.
- Друзьям («Богами вам еще даны»). [1825? г., не позднее июля; стих. 29, I] I 409
- Друзьям («Вчера был день разлуки шумной»). [Вакхическая песнь; К-у, П-им и Г-ву; Кеку, Полторацким и Горчакову]. [15 февраля 1822 г.; стих. 29, I] I 320
- Друзьям («К чему, веселые друзья»). [1816 г.; авт. 64 ЛБ] I 216 и 525
- «Дубравы, где в тиши свободы» [«Дубровы, где в тиши свободы»]. [Июнь 1817 г. — ноябрь 1818 г.; авт. 64 ЛБ] I 432
- «Дубровы, где в тиши свободы». См. «Дубравы, где в тиши свободы».
- Кн. Дундукову. См. «В Академии Наук».
- «Духовной жаждою томим». См. Пророк.
- «Душа моя, Павел». См. В альбом кн. П. П. Вяземскому.
- Дяде, назвавшему сочинителя братом («Я не совсем еще рассудок потерял» и «Тебе, о Нестор Арзамаса») [Первая половина января 1817 г.; Лиц. рук. сб.] I 233 и 525

Е

- Еврейке. См. «Христос воскрес, моя Реввека».
- «Его стихов пленительная сладость». См. К портрету Жуковского.
- «Едва уста красноречивы». [К бокалу]. [Июль 1826 г.; авт. 68 ЛБ] II 212
- «Едва царем он стал» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- Ее глаза. В ответ на стихи

- князя Вяземского. («Она мила—скажу меж нами»). [Ответ; К приятелю, сранивавшему глаза одной девицы с южными звездами]. [1828 г.; «Отеч. зап.» 1841 г., № 2] . . . II 78
- Езерский. См. Родословная моего героя.
- Ех ungue leopet («Недавно я стихами как-то свистнул») [1—22 июня 1825 г.; стих. 29, II] . . . I 377
- С. С. Есакову. См. «И останешься с вопросом».
- «Если в жизни поднебесной». [1828 ? г.; Библ. для чт. 1859, № 4] . . . II 287
- «Если ехать вам случится». [1833 г.; сент. — окт. 1835 г.; авт. ПД] . . . II 260
- «Если жизнь тебя обманет». [Стихи в альбом]. Январь? — август? 1825 г.; стих. 29, II] . . . I 392
- «Есть в России город Луга». [Лето 1817 г.; Моск. вед. 1855 г. № 142] . . . I 510
- «Есть роза дивная: она». [Сонет («Три розы на свете цветут»)]. [1 апреля 1827 г.; Библ. зап. 1859, стб. 185] . . . II 49
- «Есть у моря под скалой». [Уединенная пещера; «...у моря под скалой»] — не введено, как относящееся к стих. «Приют любви, он вечно полн».
- «Еще дуют холодные ветры» [«Только-что на проталинах весенних»]. [Конец мая 1828 г.; авт. БАН] . . . II 225
- «Еще одной высокой, важной песни». [Конец декабря 1829 г.; авт. 82 ЛБ] . . . II 237

Ж

- Жалоба («Ваш дед портной, ваш дядя повар»). [1823 г.; авт. 69 ЛБ] . . . I 344
- «J'ai possédé maîtresse honnête». [1821 г.; авт. 65 ЛБ] I 453
- «Je chante ce combat, que Toly remporta». [La Tolyade] [1809 г. — 1811 г.; Анн. I] . . . I 496
- «Je t'aime tant» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Желал бы быть твоим, Семенова, покровом». См. Нимфодоре Семеновой.
- «Желал я душу освежить». [«Хотел я душу освежить»]. [1832 г.; авт. БАН] . . . II 253
- «Желали прав они: права им и даны» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- Желание. См. «Кто видел край, где роскошью природы».
- Желание. См. «Христос воскрес, питомец Феба».
- Желание («Медлительно влекутся дни мои»). [Уныние]. [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ] . . . I 208
- Желание славы («Когда любовью и негой упоенный»). [Элегия]. [7 июля 1825 г.; стих. 29, II] . . . I 384
- «Женись». — На ком? [Женитьба]. [1830 ? г.; авт. ПД] . . . II 249
- Женитьба. См. «Женись». — На ком?
- Жених. Простонародная сказка («Три дня купеческая дочь»). [30 июля 1825 г.; стих. 29, II] . . . I 387
- Жив, жив курилка! («Как! жив еще курилка журналист»). [На М. Т. Каченовского]. [Вторая половина марта — первая половина мая 1825 г.; авт. 1254 ЛБ] . . . I 376
- «Жил был поп, толокенный лоб», См. Сказка о попе и работнике его Балде.

«Жил старик со своею старухой». См. Сказка о рыбаке и рыбке.

«Жил на свете рыцарь бедный». См. Легенда.

«Житие тому, любезный друг». См. К Щербинину.

«Житие тому, мой милый друг», — не введено, как не принадлежащее Пушкину.

«[Жуковский, как ты шалишь и как ты миа]. [1820 г.; авт. ПБА]. I 485

«Жуковский [наш] святой». См. «Жуковский — святой».

«Жуковский — святой». [На современных поэтов; «Жуковский [наш] святой»]. [Декабрь 1823? г.; авт. 69 ЛБ]. I 486

Жуковскому. См. «Штабс-капитану, Гете, Грею».

Жуковскому. На издание книжек его для немногих («Когда к мечтательному миру»). [К Жуковскому]. [Март — 15? апреля 1818 г.; стих. 29, 1] . . . I 262 и 527

Жуковскому. См. К портрету Жуковского. Записка к Жуковскому. См. еще: На Жуковского.

«Журналами обиженный жестоко». См. Эпиграмма.

Журнальным приятелям. См. Приятелям.

3

«За все заботы и досады». [1830-е г.; авт. 87Б, ЛБ]. II 277

«За горами, за лесами». [1834? г.; Ершов «Конек-горбунук»]. II 259

«За кость поссорились собаки». См. Нравоучительные четверостишия. Безвредная ссора.

«За Netty сердцем я летаю».

[А. И. Вульф]. [Коней октября—ноябрь 1828 г.; Анн. VII] II 75

«За нею по наклону гор» — не введено, как относящееся к «Евгению Онегину».

«За старые грехи наказанный судьбой». [Январь—ноябрь 1819 г.; авт. 64 ЛБ]. I 437

«За трапезой царской» [Куплеты Эристова] — не введено, как не принадлежащее Пушкину.

«За ужином объелся я». [1818 г.; Рус. арх. 1866, № 8—9]. I 515

«Зачем ты послан был, и кто послал тебя?» [Наброски стихов о революции и Наполеоне; «Вещали книжники»]. [Май—июнь 1824 г.; авт. 70 ЛБ]. I 466

«Забудь, любезный мой К-ин». См. К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин»).

«Забудь, любезный мой Каверин». См. К Каверину.

«Забыв и рошу и свободу». [«Забыл и рошу и свободу»]. [1836? г.; авт. БАН]. II 211

«Забыл и рошу и свободу». См. «Забыв и рошу и свободу».

Завещание («Друзья, простите! завещаю»). [Завещание К.] [1816? г.; коп. ПД]. I 509

Завещание К. <юхельбекера>. См. Завещание («Друзья, простите! завещаю»).

«Завидую тебе, питомец моря смелый». [К питомцу моря; К Матюшкину*]. [Вторая половина 1823 г.; авт. 69 ЛБ]. I 463

Гр. Е. М. Завадовской. См. Красавица.

- Загадка. См. «Кто на снегах
вырастил Феокритовы
нежные розы».
- Заздравный кубок («Кубок
янтарный»). [«Кубок тя-
желый»]. [1876 г.; авт.
коп. 64 ЛБ] I 199
- Заклание («О, если правда,
что в ночи»). [17 октября
1830 г.; авт. БАН] II 120
- Закон природы («Фиалка в
воздухе свой аромат ли-
ла»). См. Нравоучитель-
ные четверостишия.
- Гр. А. Ф. Закревской. См.
Портрет; «Когда твои
младые лета»; Наперсник;
«Счастлив, кто избран
своей правдой».
- Залог любви. См. «Пускай
увенчанный любовью кра-
соты».
- Записка к Жуковскому («Ра-
евский, молодец преж-
ний»). [Лето 1819 г.; авт.
ПБЛ] I 435
- Записка к приятелю. См.
«Сегодня я поутру дома».
- «Заступники кнута и плети».
[1825 г.; авт. 70 ЛБ] I 480
- «Завтра с свечкой гроше-
вою». [1815—1816 г.; лит.
рук. сб.] I 509
- «Зачем безвременную ску-
ку». См. К. С. Ф. Пуш-
киной.
- «Зачем, Елена, так пугливо».
[Ноябрь? 1829 г.; авт. 82
ЛБ] II 234
- «Зачем, забывши славу». См.
Кн. П. А. Вяземскому.
- «Зачем из облака выходишь».
См. Месяц.
- «Зачем кричишь ты, что ты
дева». См. На Пучкову.
- «Зачем об инвалидной доле».
См. Эпиграмма на Пуч-
кову.
- «Зачем раздался гром вой-
ны». [«Себе ты выбрал,
Зензевей»; «В Армению,
в палаты Зензевей»; «Гре-
- мят народны клики»;
«Связаются могучие ца-
ри»; Отрывки из сказки
или поэмы]. [Июнь —
июль? 1822 г.; авт. 65 и
66 ЛБ] I 456
- «Зачем твой дивный каран-
даш». См. То Dawe esq-r.
- «Зачем ты, грозный акви-
лон». См. Аквилон.
- «Зачем я ею очарован». [«Она
небрежная»]. [1830 ? г.;
авт. ПД] II 249
- «Здесь Пушкина погребен; он
с музой молодою». См.
Моя эпитафия.
- «Здорово, Юрьев, именин-
ник». См. К. Ф. Ф. Юрь-
еву.
- «Здравствуй, Вульф, приятель
мой». См. А. Н. Вульф.
- «Здравствуй, друг мой Па-
вел». См. В альбом кн.
П. П. Вяземскому.
- «Здравствуй, круглая сосед-
ка». См. «Раззевавшись
от обедни».
- «Земли достигнув, наконец».
См. Акафист Екатерине
Николаевне Карамзиной.
- Земля и море. Идиллия
Моска («Когда по синеве
морей»). [Морской берег;
Море и земля]. [8 фе-
враль 1821 г.; стих. 29, 7] I 294
- «Земля недвижна; неба сво-
ды». См. Подражания Ко-
рану.
- «Зима мне рыхлою стеною».
См. Из письма к В. П.
Горчакову.
- «Зима. Что делать нам в де-
ревне». [2 ноября 1829 г.;
ц. рук. стих. 32] II 92
- Зимнее утро («Мороз и
солнце»). [3 ноября
1829 г.; ц. рук. стих. 32]. II 93
- Зимний вечер («Буря мглою
небо кроет»). [1825 г.; ц.
рук. стих. 32] I 401
- Зимняя дорога («Сквозь во-
нистые туманы»). [Но-

- ябрь — декабрь 1826 г.;
стих. 29, II] II 45
- «Заво дитя, старик молодой».
См. Вино.
- «Знакомец милый и старин-
ной». См. К сну.
- Золото и булат («Всё мое,
сказало злато»). [С фран-
цузского]. [1827 ? г., не по-
зднее нач. января; стих.
29, II] II 61
- «Зорю быют... из рук моих».
[Не ранее 1 июля и не
позднее 16 июля 1829 г.;
авт. 82 ЛБ] II 179
- А. Н. Zubову («Когда погас-
нут дни мечтанья»). См.
В альбом А. Н. Zubову.

И

- «И вот ущелье мрачных скал»
[1829 ? г., июль — де-
кабрь?; авт. 82 ЛБ] . . . II 238
- «И вы поверить мне могли»
— другая редакция стих.
«Кокетке» («Послушайте,
вам тридцать лет»).
- «И дабы впредь не смел чу-
десить». См. «Короче дни,
а ночи доле».
- «И дале мы пошли». [Подра-
жание Данту]. [1832 ? г.;
авт. БАН] II 253
- «И девицы без блонд и жем-
чугов» — не введено, как
относящееся к «Домику
в Коломне».
- «И недоверчиво и жадно».
См. Ответ А. И. Готов-
цевой.
- «И останешься с вопросом».
[Экспромпт; С. С. Есако-
ву. [1816 г. — март 1817 г.;
Майков] I 512
- «И путник усталый на бога
роптал». См. Подражания
Корану.
- «И скоро, скоро смолкнет
брань». См. Генералу Пу-
щину.
- «И ты, любезный друг, ос-
тавил». См. К Н. Т. Ло-
моносову.
- «И чувствую, душа в сей час»
— не введено, как относя-
щееся к стих. «На холмах
Грузии лежит ночная
мгла».
- «И я слышал, что белый свет».
См. «И я слышал, что бо-
жий свет».
- «И я слышал, что божий свет»
[«И я слышал, что белый
свет»]. [1818 ? г.; авт.
ПД] I 433
- «Иван царевич по горам». См.
«Иван царевич по лесам».
- «Иван-царевич по лесам».
[«Иван-царевич по го-
рам»]. [Ноябрь 1824 г.;
авт. 70 ЛБ] I 471
- «Играй, Адель». См. Адели.
- «Играй, прелестное дитя».
[1825 ? г.; авт. 70 ЛБ] . I 488
- «Идиллия». См. Дионея
(«Хромид в тебя влю-
блен»).
- Идиллия Мосха. См. Земля
и море.
- Из Alfieri. См. «Сомненье,
страх, порочную надеж-
ду».
- (Из Анакреона). См. Ода
LVI («Поредели, побеле-
ли»).
- (Из Анакреона). См. Ода
LVII («Что же сухо в ча-
ше дно»).
- (Из Анакреона). Отрывок
(«Узнают коней рети-
вых»). [«Узнаем коней ре-
тивных»]. [6 января 1835 г.;
авт. БАН] II 192
- Из Ариостова «Orlando Fu-
rioso» («Пред рыцарем
блестит водами»). [Июль?
1826 г.; авт. БАН] . . . II 36
- Из Арно. См. Уединение
(«Блажен, кто в отдален-
ной сени»).
- (Из Афеней). См. Подража-
ния древним.

Из Байрона. См. «Нет ветра — синия волна».

Из Байрона. См. «То было вскоре после боя».

Из Буняна. См. Странник.

Из Вольтера. См. Сновидение («Недавно обольщен прелестным сновиденьем»).

Из Вольтера. См. Стансы («Ты мне велишь пылать душою»).

Из Гафиза См. «Не пленяйся бранной славой».

Из Гонзаго. См. С португальского.

Из Горация. См. «Кто из богов мне возвратил».

Из Горация. См. «Царей потомок, Меценат».

«Из Гурьева-городка» — не введено как не принадлежащее Пушкину.

Из «Гяура» Байрона. См. «Нет ветра — синия волна».

Из записки к приятелю. См. «Куда же ты? в Москву».

Из записки к приятелю. См. «Сегодня я поутру дома».

Из Иона Хиосского. См. Вино.

Из Катулла. См. Мальчику. (Из Ксенофана Колофонского). См. Подражания древним.

Из М—а. См. Будрыс и его сыновья.

Из М—а. См. Воевода.

Из Маро. См. Старик.

Из Марота. См. Старик.

Из «Мецената» Горация. См. «Царей потомок, Меценат».

Из Мицкевича. См. Будрыс и его сыновья.

Из Мицкевича. См. Воевода.

Из Томаса Мура. См. Эхо.

Из Альфреда Мюссе. См. Из Пиндемонта.

Из Пиндемонта («Не дорого ценю я громкие права»).

[Из VI Пиндемонта; Из

Альфреда де Мюссе.] [5 июля 1836 г.; авт. БАН]. II 207

Из письма. См. «Блажен, кто в шуме городском».

Из письма. См. «Брови царь нахмуря».

Из письма. См. А. Н. Вульфю.

Из письма. См. Ф. Глинке.

Из письма. См. Дельвигу (1821 в марте) («Друг Дельвиг, мой парнасский брат»).

Из письма. См. П. А. Плетневу («Ты издал дядю моего»).

Из письма. См. «Христос воскрес, питомец Феба».

Из письма. См. В. В. Энгельгардту («Я ускользнул от Эскулапа»).

Из письма к Н. С. Алексееву («Прощай, отшельник бесарабской»). [1 декабря 1826 г.; авт. ПД]. II 214

Из письма к брату. См. «Что же, будет ли вино?».

Из письма к И. Е. Великопольскому («С тобой мне вновь считается доверлось»). [И. Е. Великопольскому]. [3 июня 1826 г.; авт. ПД]. II 212

Из письма к Ф. Ф. Вигелю. («Проклятый город Кишинев»). [Ф. Ф. Вигелю. Город Кишинев]. [Ноябрь 1823 г.; авт. 69 ЛБ]. . . I 462

Из письма к кн. П. А. Вяземскому («А в ненастные дни...»). [1 сентября? 1828 г.; авт. ЦА]. II 226

Из письма к кн. П. А. Вяземскому («В глуши измучась жизнью постной»). [Кн. П. А. Вяземскому]. [Конец октября — начало ноября 1825 г.; авт. ЦА] I 476

Из письма к кн. П. А. Вяземскому («Любезный Вяземский, поэт и камергер...»). [14 августа 1831 г.; авт. ЦА]. II 250

- Из письма к кн. П. А. Вяземскому («Сатирик и поэт любовный»). [Кн. П. А. Вяземскому]. [127 сентября 1825 г.; авт. ЦА] I 476
- Из письма к кн. П. А. Вяземскому («Так море, древний душегубец»). См. «Так море, древний душегубец».
- Из письма к Н. И. Гнедичу. См. «В стране, где Юлией венчаный».
- Из письма к В. П. Горчакову. («Зима мне рыхлою стеною»). [В. П. Горчакову]. [Конец января 1823 г.; Моск. ведом. 1858 г., № 19] I 521
- Из письма к А. Г. Родзянке («Прости, украинский мудрец»). [8 декабря 1824 г.; авт. Харьковского унив.] I 472
- Из письма к А. О. Россет («От вас узнал я плен Варшавы»). [Из письма к А. О. Смирновой]. [Середина сентября 1831 г.; Рус. арх. 1871, стб. 1887—2] II 250
- Из письма к А. О. Смирновой. См. Из письма к А. О. Россет.
- Из письма к С. А. Соболевскому («У Гальяни иль Кольони»). [С. А. Соболевскому]. [9 ноября 1826 г.; авт. ЦА] II 213
- Из письма к М. Л. Яковлеву («Смирдин меня в беду поверг»). [Июль? 1831 г.; авт. ПД] II 252
- Из подражаний Корану. См. «Слаб и робок человек».
- «Из Рима ехал он домой». См. «Короче дни, а ночи доле».
- Из А. Шенье («Покров, упитавший язвительною кровью»). [20 апреля 1835 г.; Совр. 1836, т. I] II 195
- Из А. Шенье. См. «Внемли, о Гемюс».
- Из VI Пиндемонте. См. Из Пиндемонте.
- Из Шиллера. См. Пуншелева песня.
- Из Ювенала. См. «От западных морей».
- «Избави, господи, ума такого». См. Молитва лейб-гусарских офицеров.
- «Изгнание — славно, спору нет» — не введено как относящееся или к стих. Я. Н. Толстому («Горишь ли ты, лампада наша») или к стих. Боратынскому из Бессарабии («Сия пустынная страна»).
- «Издавна мудрые искали». См. Истина.
- «Издrevле сладостный союз». См. Языкову.
- Измены («Всё миновалось»). [1812—1815 ? г.; Росс. муз. 1815 г., № 12] I 178
- А. Д. Илличевскому. См. В альбом Илличевскому.
- Именины («Умножайте шум и радость»). [1877 ? г.; стих. 29, II] I 259
- Императору Александру I. См. На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году.
- Императрице Елизавете Алексеевне. См. Ответ на вызов.
- «Иной имел мою Аглаю» [1821 г.—24 января 1822 г.; авт. 1254 ЛБ] I 320
- Иностранке («На языке тебе невнятном»). [К иностранке; В альбом]. [18—19 мая 1824 г.; стих. 29, II] I 345
- Ион Хиосский. См. Вино.
- Испанский романс. См. Ночной зефир.
- Исповедь бедного стихотворца. См. Исповедь стихотворца.
- Исповедь стихотворца («Свя-

- щеник». «Кто ты, мой сын?»). [Исповедь бедного стихотворца]. [1814 ? г.; коп. Соболевского ЦА] . I 274
- Истина («Издавна мудрые искали»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ] I 204
- История стихотворца («Внимает он привычным ухом») [1817 ? г.; стих. 29, II] . I 260
- «Источник быстрый Каломоны». См. Кольна.
- «Итак я счастлив был, итак я наслаждался». [29 ноября 1815 г.; авт. ЛБ] . . I 157
- «Ищи в чужом краю здоровья и свободы». См. Н. Д. Киселеву.

К

- К.... См. К Боратынскому («Стих каждый повести твоей») II 35
- К—у, П—им и Г—ву. См. Друзьям («Вчера был день разлуки шумной»).
- К ** («Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенной...»). [К ***]. [Март 1817 г.—ноябрь 1818 г.; авт. 64 ЛБ] I 432
- К ** («Ты богоматерь, нет сомненья»). [К кж. Хованской]. [1824 ? г.; авт. 67 ЛБ] I 371
- К ** См. «Подъезжая под Ижоры».
- К *** См. К ** («Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенной»).
- К *** См. К А. П. Керн («Я помню чудное мгновенье»).
- К *** См. К С. Ф. Пушкиной («Зачем безвременную скуку»).
- К *** См. «Когда твои младые лета».
- К *** См. «Мой друг, забыты мной».
- К *** См. «Счастлив, кто избран своенравно».

- К *** («Не спрашивай, зачем унылой думой»). [Уныние]. [27 ноября 1817 г.; стих. 29, II] I 250
- К *** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу»). [27 октября 1832 г.; Альманах на 1838 г.] II 136
- К ***. Городок. См. Городок.
- К *** ну. См. Катенину («Кто мне пришлет ее портрет»).
- К *** , отсоветовавшему мне вступить в военную службу. См. Орлову.
- К. А. Б *** («Что можем нас скоро стихами молвить ей?»). [1817 ? г.; стих. 29, II] I 260
- К Аглае. См. Кокетке.
- К Анаксагору («Не пугай, мой милый друг») — ранняя редакция стих. «Кривоцу» («Не пугай нас, милый друг»).
- К Б *** («Стих каждый повести твоей»). См. К Боратынскому.
- К Баболовскому двору. См. На Баболовский дворец.
- К Батюшкову («Философ резвый и пиит»). [1814 г.; Росс. музей 1815 г., № 1] I 98
I 524
- К бокалу. См. «Едва уста красноречивы».
- К Боратынскому («Стих каждый повести твоей»). [К Б *** , К.... [Втор. пол. февраля—март 1826 г.; стих. 29, II] II 35
- К брату. См. «Брат милый! отроком расстался ты со мной».
- К брату. См. «Что же? Будет ли вино?».
- К бюсту завоевателя («Напрасно видишь тут ошибку»). [Перед бюстом завоевателя. На Александра I; Кумир Наполеона; «Напрасно видят тут

- ошибку». [21 сентября 1829 г.; авт. ПД] II 39
- К вельможе: («От северных оков освобождал мир»). [Кн. Н. Б. Юсупову; Послание к К. Н. Б. Ю***]. [23 апреля 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 104
- К Е. В. Вельяшевой. См. «Подъезжая под Ижоры».
- К воротам Екатерингофа. См. Надпись к воротам Екатерингофа.
- «К. Г. со мною не знаком». [Эпиграмма; «Составлен он из подлой спеси»; «Я не видал негодней смеси»]. [Апрель? 1821 г.; авт. ПБЛ] I 445
- К Галичу («Пускай угрюмый рифмотор»). [Июнь—июль 1815 г.; Росс. музейм 1815 г., № 8 и Библ. зап. 1858 г., № 10] I 146
- К генералу А. Ф. Орлову, отсоветовавшему мне вступить в военную службу. См. Орлову.
- К Ф. Н. Глинке. См. Ф. Глинке.
- К Гнедичу. См. «В стране, где Юлией венчаный».
- К Гнедичу. См. «С Гомером долго ты беседовал один».
- К М. А. Г. См. Кн. М. А. Голицыной.
- К Делии. См. Песня («О Делия драгая»).
- К бар. М. А. Дельвиг («Вам восемь лет, а мне семнадцать бяло»). [22 декабря 1815 г.; Анн. VII] I 158
- К Дельвигу («Блажен, кто с юных лет увидел, пред собою»). [Июнь—июль 1817 г.; Ник. и посм. изд. IX] I 246
- К Дельвигу («Послушай, муз невинных»). [Ответ]. [1815 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 158
- К Дельвигу. См. Дельвигу (1821 в марте) («Друг Дельвиг, мой парнасский брат»).
- К другу стихотворцу («Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!»). [Январь—март 1814 г.; Вест. Евр. 1814 г., №№ 13 и 14 и авт. ЦА] I 73
н 524
- К жене. См. «Пора, мой друг, пора».
- К женщине—поэту. См. Е. А. Тимашевой.
- К живописцу («Дитя харит и вображенья»). [1815 г.; авт. коп. 64 ЛБ] I 175
- К Жуковскому («Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени»). [Апрель—первая половина августа 1816 г.; авт. ПД] I 187
- К Жуковскому. См. Жуковскому («Когда к мечтательному миру»).
- К журнальным приятелям. См. Приятелям.
- К имениннице («Хотя стишки на именины»). [1825 ? г.; Анн. VII] I 416
- К императрице Елисавете. См. Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны.
- К иностранке. См. Иностранке.
- К К. 1817 г. См. К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин»).
- К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин...»). [К К. 1817]. [Нач. января? 1817 г.; Щерб. факс.] . . . I 232
- К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин...»). [К К. 1817]. [Январь—окт. 1828 г.; Москов. вест. 1828, № 17] II 80
- К Кагульскому памятнику («Победы памятник надменный») — другая редак-

- ция стих. «Элегия» («Воспоминавшем упоенный»).
- К кастрату раз пришел скрипач». [1825? г., 10—11 сентября; авт. ПД] . . . I 414
- К А. П. Керн («Я помню чудное мгновенье»). [К***]. [19 июля 1825 г.; стих. 29, II] . . . I 386
- К А. П. Керн. См. «Когда твои молодые лета».
- К Лиде. См. Платоническая любовь.
- К Лицинию. С латинского («Лициний! зришь ли ты?»). [Январь—нач. мая 1815 г.; Росс. музей 1815 г., № 5 и авт. ЦА] . . . I 138
- К Н. Г. Ломоносову («И ты, любезный друг, оставил») [Путешественник]. [1814 г.; Росс. музей 1815 г., № 3] . . . I 100
- К Матюшкину *. См. «Завидую тебе, питомец моря смелый».
- К Маше («Вчера мне Маша приказала»). [1816 г.; ДЛТ] . . . I 198
- К моей чернильнице («Подруга думы праздной»). [11 апреля 1821 г.; авт. 65 ЛБ] . . . I 442
- К молодой актрисе. См. Послание к молодой актрисе.
- К молодой вдове («Лида, друг мой неизменный»). [Январь—8 марта 1817 г.; авт. ЦА] . . . I 233
- К Морфею («Морфей, до утра дай отраду») — другая редакция стих. «К сну» («Знакомец милый и старинный»).
- К морю («Прощай, свободная стихия»). [Морю; Прощание с морем]. [Июль—сентябрь 1824 г.; стих. 29, I] . . . I 355
- К Н*. См. «С Гомером долго ты беседовал один».
- К NN. См. К Чаадаеву
- («Любви, надежды, тихой славы»).
- К NN. См. «Счастливы ты в прелестных дураках».
- К Н. Я. П. См. Ответ на вызов написать стихи.
- К Наташе («Вянет, вянет лето красно»). [1816? г.; Г и ДЛТ] . . . I 227
- К Наташе («Недавно тихим вечером») — не введено, как относящееся к «Руслану и Людмиле».
- К ней («В печальной правды лирику забывал»). [1817 г.; Анн. II] . . . I 254
- К ней («Эльвина, милый друг, приходи, подай мне руку»). [1816? г.; авт. коп. 64 ЛБ] . . . I 220
- К Овидию («Овидий: я живу близ тихих берегов»). [Овидию]. [26 декабря 1821 г.; стих. 29, I] . . . I 312
- К О—ой. См. К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада.
- К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада. («Митрополит, хвастун бесстыдный»). [К О—ой]. [Сентябрь 1817 г.; авт. 64 ЛБ] . . . I 248
- К А. А. Олениной. См. «Город пышный, город бедный».
- К Оленьке Массон. См. «Ольга, крестница Киприды».
- К А. И. Осиповой («Мне нет ни в чем от вас потачки») — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- К переводу Илиады («[Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера]»). [7—10 октября 1830 г.; авт. БАН] . . . II 240
- К письму («В нем радости мой; Когда померкну я»). [1816 г.; лит. рук. сб.] . . . I 219

- К питомцу моря. См. «Завидую тебе, питомец моря смелый».
- К Н. Я. Плюсковой. См. Ответ на вызов написать стихи.
- К портрету В—. См. К портрету кн. П. А. Вяземского.
- К портрету кн. П. А. Вяземского («Судьба свои дары явить желала в нем»). [Надпись к портрету. Надпись к портрету ***. К портрету В—. К портрету ***.]. [1822 г.; стих. 29, II] I 333
- К портрету Жуковского («Его стихов пленительная сладость»). [Май? 1818 г.; стих. 29, II] I 263
- К портрету Каверина («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар»). (Надпись к портрету П. П. Каверина). [Январь — перв. числа июня 1817 ? г.; Щерб.] I 256
- К портрету П. Х. Молодцова («Не большой он русский барин»). [1877 ? г.; коп. ПД] I 513
- К портрету П. Я. Чаадаева («Он вышней волею небес») [Надпись к портрету П. Я. Чаадаева]. [1817 ? г.; Вест. Евр. 1871 г., № 7] I 513
- К портрету ***. См. К портрету кн. П. А. Вяземского.
- К приятелю, сравнивавшему глаза одной девицы с южными звездами. См. Ее глаза.
- К О. С. Пушкиной *. См. Городок.
- К С. Ф. Пушкиной («Зачем безвременную скуку») [К***]. [1 ноября 1826 г.; стих. 29, I] II 43
- К Пушкину. См. Воспоминание.
- К Пушкину. 4 мая («Любезный именинник»). [4 мая? 1815 г.; Рос. муз. 1815 г., № 8] I 140
- К сестре («Ты хочешь, друг бесценной»). [1814 ? г.; коп. П. Е. Щеголева с авт. О. С. Павлицевой] I 105
- К И. В. С. См. И. В. Сленину.
- «К Смирдину как ни зайдешь». [1836 ? г.; Библ. зап. 1858, № 12] II 289
- К сну («Знакомец милый и старинный»). [К Морфею]. [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ] I 198
- К статуе в Ц. С. См. Царско-сельская статуя.
- «К тебе собирался я давно». См. К Языкову.
- К тени полководца. См. «Перед гробницею святой».
- К товарищам молодости. См. 19 октября 1827 г.
- К товарищам перед выпуском. См. Товарищам.
- К фонтану. См. «Сей белокаменный фонтан».
- К кж. Хованской. См. К ** («Ты богоматерь, нет сомненья»).
- К Ч ***. См. Чаадаеву. С морского берега Тавриды.
- К Чаадаеву. См. («Любви, надежды, тихой славы»). [«Любви, надежды, гордой славы»; к NN]. [1818 ? г.; коп. в бум. Шиллера ПБЛ] I 515
- К Чаадаеву. См. Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет»).
- К Чадаеву См. Чаадаеву (В стране, где я забыл тревоги прежних лет»).
- «К чему, веселые друзья». См. Друзьям.
- «К чему нескромным сим убором». См. Прелестнице.
- «К чему холодные сомненья». См. Чаадаеву. С морского берега Тавриды.
- К Шишкову («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой»). [«Певец, увенчан-

- ный Эратой и Венерой»]. [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 217
- К Щербинину («Житие тому, любезный друг»). [В альбом М. А. Щербинину]. [Июнь—9 июля 1819 г.; Щерб.] I 269
- К Ю.....у. См. Юрьеву («Любимец ветреных Лаис»). I 269
- К Ф. Ф. Юрьеву («Здорово, Юрьев именинник»). [20—23 сент. 1819 г.; авт. ПД] I 274
- К Я. («К тебе сбирался я давно»). См. К Языкову.
- К Яз*** («Яз***, кто тебе внушил»). См. К Языкову.
- К Языкову («К тебе сбирался я давно»). (К Я.; Н. М. Языкову). [14 июня 1827 г.; «Сев. цв. на 1829 г.】. II 50
- К Языкову («Языков, кто тебе внушил»). [К Яз***]. [28 августа 1826 г.; стих. 29, II] II 40
- К Языкову. Отрывок из послания («Издревле сладостный союз»). [Из письма. Отрывок из послания к Языкову]. [20 сентября? 1824 г.; ц. рук. стих. 32 и Совр. обзор. 1868, № 5] I 347
- П. П. Каверину. См. К портрету Каверина. К Каверину.
- Кавказ («Кавказ подо мною. Один в вышине»). [20 сентября 1829 г.; ц. рук. стих. 32] II 88
- «Кавказ подо мною. Один в вышине». См. Кавказ.
- Казак («Раз полунощной порою»). [1814 г.; Росс. музеем 1815 г., № 3] I 102
- «Как брань тебе не надоела». См. Эпиграмма.
- «Как быстро в поле, вокруг открытом». [Конец 1828 г.—нач. 1829 г.; авт. 87 ЛБ]. II 232
- «Как весенней теплою по-

- рою». [Начало сказки]. [1830 ? г.; авт. 76 В, ЛБ]. II 245
- «Как жениться задумал царский арап». [«Черный ворон выбирал белую лебедушку»]. [Октябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ] I 471
- «Как! жив еще курилка журналист». См. Жив, жив курилка!
- «Как живо колкий Грибоедов»—не введено, как относящееся к «Евгению Онегину».
- «Как за церковью, за немецкою»—не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке»—не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Как наше сердце своеправно». [13 июня—конец 1823 г.; авт. 66 ЛБ] I 464
- «Как ныне собирается вещий Олег». См. Песнь о вещем Олеге.
- «Как облака на небе»—не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Как по Волге реке, по широккой». См. Песни о Стеньке Разине.
- «Как покинула меня Парасковья». См. Песни западных славян. Влаха в Венеции.
- «Как роза увядает». [«Лишь розы увядают»]. [1825 г.; авт. 70 ЛБ] I 479
- «Как с древа сорвался предатель-ученик». Подражание итальянскому. [22 июня 1836 г.; авт. БАН] II 206
- «Как сатирой безымянной». Эпиграмма. [Втор. пол. августа—первые числа октября 1829 г.; ц. рук. стих. 32] II 91
- «Как сладостно!.. Но, боги, как опасно». [1818 ? г.; авт. 64 ЛБ] I 433

- «Как счастлив я, когда могу
покинуть». [23 ноября
1826 г.; *авт. БАН*] . . . II 213
- «Какая ночь! Мороз треску-
чий». [Опричник; Кро-
мешник]. [*Ноябрь?*
1826 г.— *март?* 1827 г.;
авт. 68 ЛБ] . . . II 217
- «Каков я прежде был, таков
и ныне я». Отрывок из
Андрея Шенье. [1828 г.;
ц. рук. стих. 32] . . . II 78
- П. Калипсо. См. Гречанке.
Калмычке («Прощай, любез-
ная калмычка»). [22 мая
1829 г.; *ц. рук. стих. 32*] II 85
- «Quand la rose soudain» См.
«Ses mânes parfumés».
- «Quand un poète en son ex-
tase». См. Couplets.
- Канон в честь М. И. Глин-
ки. См. «Пой в восторге,
русский хор».
- Кантата. См. Лада.
- Каприз. См. «Румяный кри-
тик мой».
- Е. Н. Карамзиной. См. Ака-
фист Екатерине Никола-
евне Карамзиной.
- «Картину раз высматривал
сапожник». См. Сапожник.
- Картины. См. Фавн и пасту-
шка.
- Катенину («Кто мне пришлет
ее портрет»). [К***ну]. [5
апреля 1821 г.; *стих. 29, 1*] I 298
- Катенину. См. Ответ Кате-
нину.
- Кеку. См. Друзьям («Вчера
был день разлуки шум-
ной»).
- А. П. Керн. См. К. А. П.
Керн.
- Кинжал («Лемносский бог
тебя сковал»). [«Свободы
тайный страж, карающий
кинжал»]. [*Июль 1821 г.*;
авт. у Н. И. Тютчева] I 305
- Кипренскому [«Любимец мо-
ды легкокрылой»]. [*Конец
мая—конец июля 1827 г.*;
авт. 67 ЛБ] . . . II 217
- Кирджали. См. «В степях зе-
леных Буджака».
- Н. Д. Киселеву («Ищи в чу-
жом краю здоровья и сво-
боды»). [14/26 июня 1828 г.;
авт. ЛБ] . . . II 68
- Кишиневские дамы. См.
«Раззевавшись от обед-
ни».
- Кладбище. См. «Когда за го-
родом задумчив я брожу».
- «Клеветник без дарованья».
См. Эпиграмма на Каче-
новского.
- Клеветникам России («О чем
шумите вы, народные ви-
тии?»). [Французским
журналистам]. [2 и 16 авгу-
ста 1831 г.; *ц. рук. стих.*
32] . . . II 128
- Клеопатра («Царица голосом
и взором»). [*Октябрь—
декабрь 1824 г.*; *авт. 67
ЛБ*] . . . I 473
- Ключ. См. «В пустыне про-
бился ключ».
- «Клянись четой и нечетой».
См. Подражания Корану.
- «Князь Шаликов, газетчик
наш печальный». См. Эпи-
грамма на кн. П. И. Ша-
ликова.
- «Кобылица молодая». Подра-
жание Анакреону. [6 ию-
ня 1828 г.; *стих. 29, 17*] II 68
- Коварность («Когда твой друг
на глас твоих речей».)
[18 октября 1824 г.; *стих.*
29, 1] . . . I 357
- «Когда б не смутное влече-
нье». [«Когда б не смут-
ное волнение»]. [Сентябрь
1833 г.; *Анн. VII*] . . . II 177
- Когда б не смутное волнение.
См. «Когда б не смутное
влечение».
- «Когда б писать ты начал
слуру». См. Эпиграмма.
- «Когда б родилась ты». См.
«Когда б ты родилась».
- «Когда б ты родилась».

- [«Когда 6 родилась ты»].
[1825 ? г.; авт. 68 ЛБ] . I 488
- «Когда, бывало, в старину».
См. Ек. Ник. Ушаковой.
- «Когда в объятия мои».
[1831 г.; авт. 72 ЛБ] . II 252
- «Когда великое свершалось
торжество». См. Мирская
власть.
- «Когда владыка ассирий-
ский». [Юдифь]. [9 ноября
1835 г.; авт. 84 ЛБ и авт.
ПД] II 261
- «Когда для смертного умолк-
нет шумный день». См.
Воспоминание.
- «Когда желанием и счастьем
утомленный» — не введе-
но, как относящееся к
стих. «Желание славы».
- «Когда за городом задумчив
я брожу». [Кладбище].
[14 авг. 1836 г.; авт.
БАН] II 208
- «Когда к мечтательному
миру». См. Жуковскому.
- «Когда ко граду Константи-
на». См. Олегов щит.
- «Когда луны сияет лик дву-
рогий» — не введено, как
относящееся к стих. «Кто
видел край, где роскошью
природы».
- «Когда любовию и негой упо-
енный». См. Желание сла-
вы.
- «Когда на поклоненье». См.
Фиал Анакреона.
- «Когда по синеве морей».
См. Земля и море.
- «Когда погаснут дни мечта-
нья». См. В альбом А. Н.
Зубову.
- «Когда помилует нас бог».
[Вторая половина янва-
ря—первые числа марта
1829 г.; Библ. для
чтен. 1859, № 4] . . . II 287
- «Когда порой воспоминавье».
[1830 г.; авт. БАН] . . . II 243
- «Когда Потемкину в потем-
ках». [1828 ? г.; авт. ЦА] II 232
- «Когда пробил последний
счастью час». См. Разлу-
ка.
- «Когда сожмешь ты снова
руку». [Другу от друга;
Н. И. Кривоцову] [2 марта
1818 г.; авт. ПБА] . . I 261
- «Когда средь оргий жизни
шумной». См. Ф. Глинке.
- «Когда стройна и светлоока».
[1828 ? г.; Библ. для
чт. 1859, № 4] II 287
- «Когда так нежно, так сер-
дечно». [«Во сне я вами
осчастливлен»] [1827 ? г.;
авт. БАН] II 224
- «Когда-то (помню с умиле-
нием)». См. В альбом кж.
А. Д. Абамелек.
- «Когда твои младые лета».
[К***, К. А. П. Керн*].
[1829 г. и 1830 г.; ц. рук.
стих. 32] II 100
- «Когда твой друг на глас
твоих речей». См. Ковар-
ность.
- Козловскому. См. «Ценитель
умственных творений ис-
полинских».
- Козлову. По получении от
него «Чернеца» («Певец,
когда перед тобой»). [15
мая 1825 г.; стих. 29,
II] I 376
- Кокотке («Послушайте, вам
тридцать лет»). [Аглае; К.
Аглае]. [1821 г.; авт. 67
ЛБ] I 319
- «Колокольчики звенят». [Ок-
тябрь? 1833 г.; авт. 73
ЛБ] II 255
- А. М. Колосовой. См. «О ты,
надежда нашей сцены».
- «Коль ты к Смирдину вой-
дешь». См. «К Смирдину
как ни зайдешь».
- Кольна. Подражание Оссану.
[«Источник быстрый Ка-
ломоны». [Январь—пер-
вая половина июля 1814
г.; Вестн. Евр. 1814 г.,
№ 1.] I 76

- «[Конечно] презирать не трудно». [*Неизвестн. и.; авт. ПД*] II 275
- Конь (Сербская песня). («Что ты ржешь, мой конь ретивый»). См. Песни западных славян.
- «Король ходит большими шагами». См. Песни западных славян. Видение короля.
- «Короче дни, а ночи долее». [*«Из Рима ехал он домой»; «И дабы впредь не смел чудесить»*]. [1825 г.; *авт. БАН*] I 481
- Н. А. Корсакову. См. Гроб юноши.
- «Краев чужих неопытный любитель». [30 ноября 1817 г.; *авт. БАН*] I 250
- «Краса, надежда нашей сцены». См. «О ты, надежда нашей сцены».
- Красавица. В альбом гр. Е. М. Завадовской («Все в ней гармония, всё диво»). [В альбом Г***; В альбом Гончаровой*]. [*Вторая половина мая—июнь? 1832 г.; стих. 35*] II 135
- Красавица перед зеркалом («Взгляни на милую, когда свое чело»). [Эпиграммы во вкусе древних]. [9 февраля 1821 г.; *стих. 29, П*] I 294
- Красавице, которая нюхала табак («Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных»). [1814 г.; *авт. коп. 64 ЛБ*] I 89
- «[Красноречивый забияка]». [1819 ? г.; *авт. 64 ЛБ*] I 484
- «Красы Лаис, заветные пирры». [*Апрель — май? 1821 г.; авт. 65 ЛБ*] I 449
- «[Крив был Гнедич поэт, предложитель слепого Гомера]». См. К переводу Илиады.
- Кривцову («Не пугай нас, милый друг»). [К Анаксегору]. [Декабрь 1817 г., 1819 г.; *стих. 29, П*] I 251
- Н. И. Кривцову. См. «Когда сожмешь ты снова руку».
- «Критон, роскошный гражданин». [16 июля 1829 г.; *авт. 82 ЛБ*] II 233
- Кромешник. См. «Какая ночь! мороз трескучий».
- «Кругом его цветет шиповник» — не введено как относящееся к VII гл. «Евгения Онегина».
- «Кто б [ни был ты], пастух». См. «Сей белокаменный фонтан».
- «Кто б ни был ты, хожа, пловец». См. «Сей белокаменный фонтан».
- «Кто видел край, где роскошью природы». [*Желание*]. [*Апрель 1821 г.; авт. БАН*] I 301
- «Кто, волны, вас остановил». [9 мая — 22 октября 1823 г.; *авт. 69 ЛБ*] I 462
- «Кто знает край, где небо блещет». [1827 ? г.; *авт. БАН*] II 222
- «Кто из богов мне возвратил». [*Из Горация*]. [1835 ? г.; *авт. 77 А, ЛБ*] II 202
- «Кто мне пришлет ее портрет». См. Катенину.
- «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы». Загадка (При послышке бронзового сфинкса). [*Январь—ноябрь 1829 г.; ц. рук. стих. 32*] II 94
- «Кто с минуту переможет». См. Опытность.
- «Кто там?—Здорово, господа». См. «Что козырь?» — Черви.—«Мне ходить».
- «Кто ты? А ты зачем». [22 мая 1824 г.; *авт. 70 ЛБ*] I 487
- «Кто ты, мой сын?» См. Исповедь стихотворца.
- «[Кто хочет, пой]» — не введе-

но по своей незначительности.

«Кубок тяжелый» — другая редакция стих. Заздравный кубок.

«Кубок янтарный». См. Заздравный кубок.

«Куда вы? За город, конечно». См. [Чиновник и поэт].

«Куда же ты ты? в Москву». См. «Румяный критик мой».

«Куда ты холоден и сух!» См. Русскому Геснеру. Кумир Наполеона. См. К бюсту завоевателя.

Couplets («Quand un poète en son extase»). [Январь — перв. числа июня 1817 г.; авт. ПД] I 238

Куплеты для водевиля. См. «Будь подобен полной чаше».

Куплеты на слова «Никак нельзя — ну, так и быть». («Я прав, он виноват, решите»). [1816 г.; коп. ЦА] I 490

Куплеты на слова «С позволения сказать». («С позволения сказать»). [Май — июнь 1816 г.; Совр. 1863 г., № 7; коп. ЦА] . I 491

Куплеты Эристову. См. «За трапезой царской».

Кн. М. И. Кутузову. См. «Перед гробницею святой».

Кхбкр. См. Кюхельбекеру («Да сохранил тебя твой добрый гений»).

Кюхельбекеру («В последний раз, в тиши уединенья»). [В альбом Кюхельбекеру. Разлука]. [9 июня 1817 г.; Невск. зритель. 1820 г., апр.] I 246

Кюхельбекеру. («Да сохранил тебя твой добрый гений»). [Кхбкр.]. [1825 г.; авт. 70 ЛБ] I 487

В. К. Кюхельбекеру. См. К другу стихотворцу. Ме-

чтателю. См. еще: На Кюхельбекера.

Л

«Лаиса, я люблю твой смелый [вольный] взор». [1818 ? г.; авт. 64 ЛБ] I 439

«Лампада, вербная лоза». См. «С перегородкою каморки».

Лебедь и гусь. («Над лебедем желая посмеяться»). См. Нравоучительные четверостишия.

Легенда («Был на свете рыцарь бедный»). [«Жил на свете рыцарь бедный». Романс]. [Октябрь — ноябрь 1829 г.; авт. ПБА] II 95

Леда. Кантата. («Средь темной рощицы, под тенью лип душистых»). [1814 ? г.; Ник.] I 124

«Лезть собором целым» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.

«Лемносский бог тебя сковал». См. Кинжал.

Леила. См. «От меня вечор Леила».

«Лечись иль быть тебе Панглосом» — другая редакция эпиграммы «Поверь мне, быть тебе Панглосом».

«Лида, друг мой неизменный». См. К молодой вдове.

«Лида — новая Диана» — не введено, как относящееся к стих. «Лиде страшно полюбить».

«Лиде страшно полюбить». [«Лиде страшно полюбить»]. [Декабрь 1824 г.; авт. 67 ЛБ] I 368

«Лиза в городе жила» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.

«Лизе страшно полюбить».

- См. «Лиде страшно по-любить».
- «Лила, Лила, я страдаю». См. Лиле.
- Лиле («Лила, Лила, я страдаю»). [1816 г.; стих. 29, П] I 202
- Литературное известие [Эпиграмма на Чаадаевского]. («В Элизии Василий Тредьяковский»). [Вторая половина февраля 1829 г.; ц. р. стих. 32] II 84
- Литовская баллада. См. Будрыс и его сыновья.
- «Лихой товарищ наших дедов». [Отрывок]. [1824 г.; авт. 67 ЛБ] I 372
- Лицейские годовщины. См. 19 октября («Роняет лес»). 19 октября 1827 г. («Бог помочь вам»). 19 октября 1828 г. («Усердно помолившись богу»). «Чем чаще празднует лицей». «Была пора: наш праздник молодой».
- «Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице». См. Лицинию.
- «Лициний! Зришь ли ты? На быстрой колеснице». См. К Лицинию.
- Лицинию. С латинского («Лициний, зришь ли ты»). [1825 ? г.; не позднее июля; стих. 29, П] I 409
- «Лись благосклонный мрак раскинет». См. Письмо к Лиде.
- «Ляшь розы увядают». См. «Как роза увядает».
- «Лицинский околог—отчеству беда». [На кн. С. Потоцкого*]. [1828 ? г.; авт. 71 ЛБ] II 230
- М. В. Ломоносову. См. Отрок.
- Н. Г. Ломоносову. См. К Н. Г. Ломоносову.
- «Лук звенит, стрела трепещет». См. Эпиграмма. Из Антологии.
- «Любви, надежды, гордой славы». См. К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы»).
- «Любви, надежды, тихой славы». См. К Чаадаеву.
- «Любезнейший наш друг, о ты Василий Львович!» [Послание В. Л. Пушкину]. [1829 г.—июль 1830 г.; авт. ПД] II 280
- «Любезный Вяземский, поэт и камергер». См. Из письма к кн. П. А. Вяземскому.
- «Любезный именинник». См. К Пушкину. 4 мая.
- «Любимец ветреных Лаис». См. Юрьеву.
- «Любимец моды легкокрылой». См. Кипренскому.
- «Люблю ваш сумрак неизвестный». [Элегия; Отрывок; *.*] [Конец мая 1822 г.; стих. 29, П] I 324
- «Люблю Одессу я, имею». [Одесса]—не введено, как относящееся к «Путешествию Онегина».
- «Люблю я в полдень воспаленной». См. Вода и вино.
- «Любовь одна—веселье жизни холодной». [1816 ? г.; Ник.] I 228
- «Любовью, дружеством и ленью». См. Дельвигу.
- Любопытный («Что ж нового?»—«Ей богу ничего»). [1828 ? г., не позднее первой половины декабря; стих. 29, П] II 81

М

- Мадонна. Сонет. «Не множество картин старинных мастеров». [8 июля 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 108
- «Мадам Ризнич с римским носом». [На одесских дам]. [Первая половина 1824 г.; Русс. арх. 1866 г., № 10]. I 522

«Идригал. См. «Нет ни в чем вам благодати».

Мальчику (Из Катутла) («Пьяной горечью Фалер-на»). [18 февраля 1832 г.; *посм. изд.*] II 134

«Мальчишка Фебу гимн под-нес». См. Эпиграмма.

«Мансуров, закадышный друг». См. П. Б. Мансу-рову.

П. Б. Мансурову («Мансуров, «закадышный друг»». [1819 ? г.; *авт. ПБЛ.*] I 284

Марко Якубович. («У ворот сидел Марко Якубович»). См. Песни западных сла-вян.

«Мартышка с юных лет прыжки свои любя». См. Нравоучительные четве-ростишия. Мартышка.

Мартышка. («Мартышка с юных лет прыжки свои любя»). См. Нравоучи-тельные четверостишия.

О. Массон. См. «Ольга, кре-стница Киприды»; Дори-да; Дориде.

«Медалью влекутся дни мои». См. Желание.

Мёдок. Мёдок в Уааах. («Попутный веет ветер»). [«Попутный дует ветер»]. [1830 ? г.; *авт. 73 ЛБ*] II 248

Мёдок в Уааах См. Мёдок.

«Меж горных рек несется Терек». [«Меж горных стен несется Терек»]. [24 — 31 декабря 1829 г.; *авт. БАН*] II 238

«Меж горных стен несется Терек». См. «Меж гор-ных рек несется Терек».

«Меж тем как генерал Ор-лов». См. В. Л. Давыдову.

«Меж тем как изумленный мир». См. Андрей Шенье.

Месяц («Зачем из облака выходишь»). [1816 г.; *авт. жоп. 64 ЛБ*] I 213

Мечта война. См. Война.

Мечтатель («По небу крадет-ся луна»). [*Январь—пер-вая половина октября 1815 г.; Росс. музей 1815 г., № 9.*] I 148

Мечтателю («Ты в страсти горестной находишь на-слаждение»). [В. К. Кю-хельбекеру]. [*Январь—12 ноября 1818 г.; стих. 29, Л*] I 264

«Мечты, мечты». См. Про-бужденье.

«Миг возделенный настал: окончен мой труд много-летних». См. Труд.

Милостыня. См. Подражания Корану. («Торгуя совестью пред бледной нищетой»).

«Милый мой, сегодня» [«Фёб и Геркулес»]. [*Январь—ноябрь 1819 г.; авт. 64 ЛБ*] I 437

Мирская власть («Когда ве-ликое свершилось торже-ство»). [5 июля 1836 г.; *коп. 95 ЛБ*] II 206

«Митрополит, хвастун бес-стыдной». См. К Огаре-вой, которой митрополит прислал плодов из своего саду. 1817. Петербург.

Митрополиту московскому Филарету. См. Филарету.

Мицкевичу. См. «Он между нами жил».

Младенцу («Дитя, не смею над тобой»). [«Прощай, прелестное дитя»]. [*Ок-тябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ*] I 468

«Младой Дафнис, гоняясь за Доридой». См. Рассудок и любовь.

«[Младых пиров] утихли сме-хи». См. «До меня до-ходят».

«Мне бой знаком—люблю я звук мечей». [*Нач. апре-ля 1820 г.; Ефр. 1882, т. VII, факс.*] I 285

- «Мне было грустно, тяжело,
больно» — не введено как
относящееся к стих. «Де-
мон».
- «Мне вас не жаль, года ве-
сны моей» [20 сентября
1820 г.; авт. ПБА] . . . I 439
- «Мне жаль великия жены».
[На Екатерину II]. [Сен-
тябрь—октябрь 1824 г.;
авт. 70 ЛБ] . . . I 468
- «Мне не спится, нет сна».
См. Стихи, сочиненные
ночью, во время бессон-
ницы.
- «Мне нет ни в чем от вас
потачки». См. К. А. И.
Осиповой.
- «Мне скучно, бес». См.
Сцена из «Фауста».
- «Могущий бог садов — паду
перед тобой». [Июнь
1817 г. — ноябрь 1818 г.;
авт. 64 ЛБ] . . . I 432
- Мое завещание. Другьям
(«Хочу я завтра умер-
реть»). [1815 г.; авт. коп.
64 ЛБ] . . . I 166
- «Мое собрание насекомых».
См. Собрание насеко-
мых.
- Моему Аристарху («Поми-
луй, трезвый Аристарх».)
[1815 г.; авт. коп. 64 ЛБ] I 160
- «Мой голос для тебя и лас-
ковый и томной». См.
Ночь.
- «Мой давний друг, мой
гость бесценный». См.
Нежданный гость.
- Мой демон. См. Демон.
- «Мой друг, забыты мной»
[К ***. Элегия]. [24—25
августа 1821 г.; стих.
29, 1] . . . I 307
- «Мой друг, не славный я
поэт». См. В альбом Ил-
личевскому.
- «Мой друг, уже три дня».
[Н. С. Алексееву]. [4—28
февраля 1822 г.; авт.
66 ЛБ] . . . I 454
- «Мой милый друг, расстаню
я с тобою». См. Уныние.
- «Мой милый, как несправод-
ливый». См. Алексееву.
- «Мой первый друг, мой друг
бесценный». См. И. И.
Пушину.
- «Мой пленник вовсе не лю-
безен». [О «Кавказском
пленнике»] [Февраль?
1823 г.; авт. БАН] . . . I 461
- «Молва играя очернила» —
не введено, как относя-
щееся к Евгению Онеги-
ну».
- «Молвой покинутый изгнан-
ник». См. «До меня до-
ходят».
- Молдавская песня. См. Чер-
ная шаль.
- Молитва. См. «Отцы пусты-
ники и жены непороч-
ны».
- Молитва лейб-гусарских офи-
церов («Избави, господи,
ума такого») — не вве-
дено, как не принадлежа-
щее Пушкину.
- П. Х. Молодцову. См. К
портрету П. Х. Молодцо-
ва.
- Mon portrait («Vous me
demandez mon portrait».)
[1814 ? г.; Совр. 1863 г.,
№ 7] . . . I 127
- «Монаршей волею священ-
ной» — не введено, как
не принадлежащее Пуш-
кину.
- Монастырь на Казбеке («Вы-
соко над семью гор».)
[20 сентября 1829 г.;
ц. рук. стих. 32] . . . II 83
- Монах («Хочу воспеть, как
дух и чистый ада»). [Ко-
нец 1813 — 1814 ? г.; авт.
ЦА] . . . I 419
- Монолог Изабеллы из тра-
гедии Альфиери «Филипп
II». См. «Сомнение, страх,
порочную надежду».
- Н. С. Мордвинову («Под

- хладом старости угрюмо угасал»). [1825 ? г.; авт. 67 ЛБ] I 415
- Море и земля. См. Земля и море.
- «Морей [красавец] окриленный» [«Морей наперсник окрыленный»]. [Первая половина июня 1824 г.; авт. 70 ЛБ] I 467
- «Морей наперсник окрыленный». См. «Морей [красавец] окриленный».
- «Мороз и солнце; день чудесный». См. Зимнее утро.
- Морской берег. См. Земля и море.
- «Морфей, до утра дай отраду». См. К Морфею.
- Морю. См. К морю.
- «Мою задумчивую младость» — не введено, как относящееся к стих. «Демон».
- Моя родословная («Смеясь жестоко над собратом»). [Моя родословная или русский мещанин. Вольное подражание лорду Байрону]. [16 октября 1830 г.; авт. ПД] II 115
- Моя родословная или русский мещанин. См. Моя родословная.
- Моя эпитафия («Здесь Пушкин погребен»). [Эпитафия]. [Январь — ноябрь 1815 г.; Росс. музей 1815 г., №№ 10—11] I 154
- Мстительность. («Пчела ужалила медведя в лоб»). См. Нрав-учительные четверостишия.
- «Мудрец Китая» — не введено, как относящееся к «Евгению Онегину».
- Муза. См. «Наперсница волшебной старины».
- Муза («В младенчестве моем она меня любила»). [14 февраля и 5 апреля 1821 г.; стих. 29, П] I 297
- «Мчатся тучи, вьются тучи». См. Бесы.
- «Мы наслаждение удвоем». [1827—1829 ? г.; авт. ЛБ] II 240
- «Мы недавно от печали». [5—30 сентября 1814 г.; Майков] I 497
- «Мы рождены, мой брат названный» [1830 г.; авт. 76 ЛБ] II 242
- N. N. См. В. В. Энгельгардту.
- Н. Н. При посылке ей «Невского альманаха». [Январь—7 октября 1825 г.; стих. 29, П] I 391
- На Александра I. См. «Воспитанный под барабаном». К бюсту завоевателя. Двум Александрам Павловичам. Сказки.
- На гр. А. А. Аракчеева («Всей России притеснитель»). [1818 г. — апрель 1820 г.; Лонд.] I 519
- На Аракчеева* («Холоп вечанного солдата»). См. На Стурдзу.
- На Баболовский дворец («Прекрасная! Пускай восторгом насладится»). [К Баболовскому дворцу]. [Январь — перв. числа июня 1817 г.; лит. рук. сб.] I 256
- «На берегу, где дремлет лес священный». См. «Там на брегу, где дремлет лес священный».
- На Блудова. См. «Веселого пути».
- На Булгарина («Не то беда, что ты поляк»). [Эпиграмма]. [Февраль 1830 г.; коп. кн. П. А. Вяземского, ЦА] II 103
- На Булгарина. См. Эпиграмма («Не то беда, Авдей Флюгарин»).
- На взятие Варшавы. См. Бородинская годовщина.
- На возвращение государя императора из Парижа в

- 1815 году («Утихла брань племен; в пределах отдаленных»). [*Ноябрь 1815 г.; Труды О-ва люб. рос. слов. 1817, ч. IX*] . . . I 155
- На гр. М. С. Воронцова («Полугерой, полу-невежда»). [*Май — июнь 1824 г.; авт. ЦА*] . . . I 346
- На гр. М. С. Воронцова. См. «Не знаю где, но не у нас»; «Певец-Давид был ростом мал»; «Сказали раз царю, что наконец; «Кто ты? А ты зачем».
- На выздоровление Лукулла (Подражание латинскому) («Ты угасал, богач младой»). [*Октябрь—ноябрь 1835 г.; Моск. наблюд. 1836, IV, кн. 2*] . . . II 199
- На выпуск птички. См. Птичка.
- На кн. П. А. Вяземского. См. Прозаик и поэт.
- На Ф. Н. Глинку («Наш друг Фита, Кутейкин в полятах»). [*1—25 января 1825 г.; авт. ЦА*] . . . I 373
- На Н. И. Гнедича («С тобою в спор я не вступаю»). [*Конец 1819 г.; Совр. 1857, № 4*] . . . I 517
- На Н. И. Гнедича. См. К переводу Илиады («Крив был Гнедич поэт»).
- На кн. А. Н. Голицына («Вот Хвостовой покровитель»). [*1818 г. — апрель 1820 г.; Герб.*] . . . I 519
- На А. А. Давыдову. См. «Иной имел мою Аглю»; «A son amant Eglé» и «Оставя честь судьбе на произвол».
- «На диво нам и всей Европе». См. На А. Н. Муравьева.
- На кн. М. А. Дондукова-Корсакова. См. «В Академии Наук».
- На Екатерину II. См. «Мне жаль великия жены».
- На С. С. Есакова. См. «И останешься с вопросом».
- На В. А. Жуковского. См. На перевод Жуковского «Гленность».
- На Зернова. См. Двум Александрам Павловичам.
- На А. Е. Измайлова. См. Ex ungue leonem.
- «На Испанию родную». [Родриг]. [*1835? г.; авт. 77 А, ЛБ*] . . . II 266
- На Истомину. См. «Орлов с Истоминой».
- На Н. М. Карамзина («В его «Истории» изысканность, простота»). [*1818—1819 гг.; Герб.*] . . . I 517
- На Н. М. Карамзина («Послушайте, я сказку вам начну»). [«Послушайте, я сказку вам скажу»; «Послушайте, я вам скажу про старину»]. [*1818—1819? г.; рук. сб. в собр. Дашкова ЦА*] . . . I 517
- На картинки к «Евгению Онегину» в «Невском альманахе». 1. «Вот перешед чрез мост Кокушкин» [«Вот перешедши мост Кокушкин»]. 2. «Сосок чернеет сквозь рубашку». [*Конец января — первая пол. сентября 1829 г.; коп. Соболевского в ЦА и Герб.*] . . . II 87
- На Каченовского («Бессмертною рукой раздавленный воил»). [*Август? — первая пол. сентября 1818 г.; коп. ЦА*] . . . I 264
- На М. Т. Каченовского. См. «Жив, жив курилка»; «Охотник до журнальной драки»; Эпиграмма («Когда б писать ты начал сдуру»); Эпиграмма («Хавронис! ругатель законелый»); Эпиграмма на

- Каченовского («Клеветник без дарования»); Литературное известие; «Припадками болезни женской»; Эпиграмма («Там, где древний Котерговский»); Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко»); «Как сатирой безымянной».
- На А. М. Колосову. См. Эпиграмма на А. М. Колосову.
- На Кюхельбекера. См. «Вот Виля — он любовью дышет». Завещание. Несчастье Клита.
- «На лире скромной, благородной». См. Ответ на вызов написанье стихов в честь ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны.
- На А. Н. Муравьева («На диво нам и всей Европе») — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- На А. Н. Муравьева. См. Эпиграмма. Из Антологии.
- На Надеждина. См. Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес»); «Надеясь на мое презренье». Сапожник.
- «На небесах когда печальная луна». [«На небесах печальная луна»]. [1825 г.; авт. 70 ЛБ]. I 481
- «На небесах печальная луна». См. «На небесах когда печальная луна».
- На одесских дам. См. «Маддам Ризнич с римским носом».
- На А. Ф. Орлова. См. «Орлов с Истоминой».
- На гр. Орлову. См. Гр. А. А. Орловой-Чесменской.
- На В. И. Панаева. См. Русскому Геснеру.
- На перевод Жуковского «Тлеиность». См. «Послушай, дедушка, мне каждый раз».
- На перевод Иванды («Слашу умолкнувший звук божественной эллинской речи»). [8 ноября 1830 г.; ц. рук. стих. 32]. II 123
- На петербургское наводнение. См. «Напрасно анула Европа».
- На кн. С. Потоцкого. См. «Лищинский околел».
- На поэму кн. С. А. Ширинского-Шихматова. См. «Пожарский, Миния, Гермоген».
- На Пучкову («Зачем кричишь ты, что ты дева»). [1816 ? г.; авт. ПД]. I 230
- На Пучкову («Пучкова право не смешна»). [1816 ? г.; авт. ПД]. I 230
- На А. Л. Пушкину. См. Елгия на смерть А. Л. Пушкиной.
- На О. С. Пушкину. См. «Семейственной любви и нежной дружбы ради».
- На Пушину. См. «Вот здесь лежит больной студент».
- «На пыльной полке образа». См. «С перегородкою каморки».
- «На разность утренних одежд». [1828 ? г.; авт. БАН]. II 277
- На гр. А. К. Разумовского («Ах боже мой, какую»). [«Ты слышал весть смешную»; Эпиграмма на гр. А. К. Разумовского]. [1814 г.; лиц. рук. сб.]. I 504
- На Рыбушкина. См. Эпиграмма («Бывало прежних лет герой»).
- На Д. П. Северина. См. Жалоба.
- «На скольком поприще Тимковского наследник». См. Второе послание к цензору.

- На смерть Наполеона. См. Наполеон.
- На смерть стихотворца. См. Эпиграмма на смерть стихотворца.
- На современных поэтов. См. «Жуковский—святой».
- На статую играющего в бабки («Юноша трижды шагнул»). [*Конец сентября—первая половина декабря 1836 г.; Худож. изв. 1836, № 9—10*] II 210
- На статую играющего в свайку («Юноша, полный красоты, напряженья»). [*Конец сентября—первая половина декабря 1836 г.; Худож. изв. 1836, № 9—10*] II 210
- На А. С. Стурдзу («Вкруг я Стурдзы хожу»). [*«Я вкруг Стурдзы хожу»*]. [*Сентябрь? 1819 г.; Русс. арх. 1874, № 1*] I 436
- На Стурдзу («Холоп венчанного солдата»). [*1818 г.—первые числа мая 1820 г.; Щерб.*] I 519
- «На тихих берегах Москвы». [*1822 г.; авт. 66 ЛБ*] I 459
- На гр. Ф. И. Толстого. См. Эпиграмма («В жизни мрачной и презренной»).
- На Фотия («Полу-фанатик, полу-плут»). [*1818 г.—апрель 1821 г.; Герб.*] I 518
- На гр. Д. И. Хвостова («Сожаленье не поможет»). [*1819 ? г.; Совр. 1863, № 8*] I 518
- На гр. Д. И. Хвостова. См. Ода Его Сиятельству гр. Д. И. Хвостову.
- «На холмах Грузии лежит ночная мгла». Отрывок. [*25 мая? 1829 г.; ц. рук. стих. 32*] II 86
- На цензоров. См. «Тимковской царствовал».
- На кн. П. И. Шаликова. См. Эпиграмма на кн. П. И. Шаликова («Князь Шаликов, газетчик наш печальный!»).
- На кн. А. А. Шаховского. См. «Угрюмых тройка есть певцов».
- На кн. С. А. Ширинского-Шихматова. См. На повму кн. С. А. Ширинского-Шихматова; «Угрюмых тройка есть певцов».
- На А. С. Шишкова. См. «Угрюмых тройка есть певцов».
- «На это скажут мне сулыбкою неверной». [*1833? г.; авт. ПД*] II 258
- «На языке, тебе невяжном». См. Иностранке.
- Наброски стихов о революции и Наполеоне. См. «Зачем ты послан был».
- Наброски элегии. См. «Надеждой сладостной».
- Наброски элегии. См. «Придет ужасный час».
- Набросок. См. «На небесах когда печальная луна».
- Набросок. См. «Умом и нежною красой».
- «Навис покров угромой ночи. См. Воспоминания в Царском селе.
- Награды. См. Поэту.
- «Над лебедем желая посмеяться». См. Нравоучительные четверостишия. Лебедь и гусь.
- «Над лесистыми берегами». См. Цыганы.
- «Над Невою резов вьются». См. Пир Петра Первого.
- «Над озером, в глухих дубровах». См. Русалка.
- «Над Сербией смилуйся ты, боже». См. Песни западных славян. Воевода Милош.
- Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну («Отрадным ангелом на землю он

- явился»). [1823 г.; *Ген. 1859, I*] I 521
- «Надежда Парнаса». — не введено, как черновой набросок к стих. «Катенину» («Кто мне пришлет ее портрет»).
- «Надеждой сладостной младенчески дыша». [Набросок элегии]. [1823 г.; *авт. 69 ЛБ*] I 465
- Наденько («С тобой приятно уделить»). [1818 ? г.; *Ефр. 1880, II*] I 515
- «Надеясь на мое презренье». Эпиграмма. [Вторая половина августа—декабрь 1829 г.; *авт. 82 ЛБ*] II 236
- «Надо мной в лазури ясной» [1830? г.; *авт. ПД*] II 248
- «Надо помянуть, непременно помянуть надо». [«Г. Шафонского»; Поминание]. [26 марта 1833 г.; *авт. ЦА*] II 280
- Надпись в беседке. («С благоговейною душой»). [Надпись к беседке]. [1816? г.; *авт. коп. 64 ЛБ*] I 228
- Надпись к беседке. См. Надпись в беседке.
- Надпись к воротам Екатерингофа («Хвостовым некогда воспетая дыра»). [К воротам Екатерингофа]. [13 мая 1834 г.; *авт. ЛБ*] II 289
- Надпись к портрету. См. К портрету кн. П. А. Вяземского.
- Надпись к портрету П. П. Каверина. См. К портрету П. П. Каверина.
- Надпись к портрету П. Я. Чаадаева. См. К портрету П. Я. Чаадаева.
- Надпись к портрету***. См. К портрету кн. П. А. Вяземского.
- Надпись на мой портрет. («Не бойся, Глазунов, ты моего портрета») — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- Надпись на стене больницы («Вот здесь лежит больной студент»). [На Пушкина]. [Май 1817 г.; *Майков*] I 238
- Наездники («Глубокой ночи на полях»). [1816 г.; *авт. коп. 64 ЛБ*] I 205
- Наперник («Твоих признаний, жалоб нежных»). [12 августа 1828 г.; *стих. 29, II*] II 68
- «Наперница волшебной старины». [Муза]. [1821 г.; *авт. БАН*] I 315
- «Наперница моих сердечных дум». [1821 г.; *авт. ПБЛ*] I 453
- Наполеон («Чудесный жребий совершился»). [На смерть Наполеона. Ода]. [Сентябрь — 12 ноября 1821 г.; *стих. 29, I, Ист. вестн. 1899, V, факс. авт. и Анн. II и VII*] I 307
- Наполеон на Эльбе. (1815). («Вечерняя заря в пучине догорала»). [Март—май 1815 г.; *Сын отеч. 1815 г., №№ 25—26*] I 142
- «Напрасно ахнула Европа». [На петербургское наводнение]. [Вторая половина ноября — декабрь 1824 г.; *авт. 70 ЛБ*] I 368
- «Напрасно видишь тут ошибку». См. К бюсту завоевателя.
- «Напрасно видят тут ошибку». См. К бюсту завоевателя.
- «Напрасно воспевать мне ваши именины». См. Е. П. Бакуниной.
- «Напрасно, милый друг, я мыслил утаить». [Январь—ноябрь 1819 г.; *авт. 64 ЛБ*] I 436
- «Напрасно пламенный поэт». См. Ответ Катенину.

- «Напрасно я бегу к сионским
высотам». [1833 ? г.; *авт.
БАН*]. II 258
- «Нас было много на челне».
См. Арион.
- «Насилу выехать решаюсь
из Москвы». Отрывок из
комедии. См. III т.
- Наслаждение («В неволе скуч-
ной увядает»). [1816 г.;
авт. ПД]. I 212
- Начало первой песни «Дев-
ственницы». («Я не рож-
ден святыню славосло-
вить»). [1825 ? г.; *авт. 70
ЛБ*]. I 414
- Начало сказки. См. «Как ве-
сенней теплою порою».
- «Начнем ab ovo: Мой Езер-
ский». См. Родословная
моего героя.
- «Наш друг Фита, Кутейкин
в эпюлетах». См. На
Ф. Н. Глинку.
- П. В. Нащокину. См. Ново-
село.
- «Не большой он русский ба-
рин». См. К портрету
П. Х. Молодцова.
- «Не веровал я тройце доны-
не». См. Кж. С. А. Уру-
совой.
- «Не верю чести игрока» —
не введено, как не при-
надлежащее Пушкину.
- «Не видала ль, девица». [1834
— 1836 ? г.; *авт. БАН*]. II 274
- «Не все, конечно, нет сомне-
нья» — не введено, как
относящееся к «Евгению
Онегину».
- «Не всех беснующих людей».
— не введено, как не при-
надлежащее Пушкину.
- «Не дай мне бог сойти с
ума». [Сумасшествие].
[1833 ? г.; *авт. 77 А, ЛБ*] II 189
- «Не даром ты ко мне воз-
звал». [Февраль? 1822 г.;
авт. ПБА]. I 486
- «Не два волка в овраге гры-
зутся». См. Песни запад-
ных славян. Песня о Геор-
гии Черном.
- «Не дорого ценю я громкие
права». См. Из Пинде-
монте.
- «Не знаю где, но не у нас».
[На Воронцова]. [1827 ? г.;
*не позднее ноября; «Сев.
цв. на 1828 г.»*]. II 61
- «Не курится там огонек ма-
лешенек» — не введено,
как не принадлежащее
Пушкину.
- «Не множеством картин ста-
ринных мастеров». См.
Мадонна.
- «Не мысля гордый свет за-
бавить». См. П. А. Плет-
неву.
- «Не ожидай, чтоб в эти ле-
та» — не введено, как не
принадлежащее Пушкину.
- «Не памятник, а диво» — не
введено, как не принад-
жащее Пушкину.
- «Не плетяйся бразной сла-
вой». Из Гафиза. [Фаргат-
беку]. [5 июля 1829 г.; *д.
рук. стих. 32*]. II 86
- «Не пой, красавица, при
мне». [12 июня 1826 г. и
1828 г.; *стих. 29, II*]. . . . II 79
- «Не притворяйся, милый
друг». См. Приятелю.
- «Не пугай, мой милый
друг». См. К Анаксагору.
- «Не пугай нас, милый друг».
См. Кривцову.
- «Не розу пафосскую». См.
Отрывок.
- «Не смею вам стихи Барко-
ва». [1828 ? г.; *Библ. для
чт. 1859, № 4*]. II 287
- «Не спрашивай, зачем уны-
лой думой». См. К ***.
- «Не стану я жалеть о розах».
См. Виноград.
- «Не тем горжусь я, мой
певец». [1821 г.; *авт.
ПБА*]. I 451
- «Не то беда, Авдей Флюга-
рин». См. Эпиграмма.

- «Не то беда Фаддей Булга-
рия». См. Эпиграмма («Не
то беда, Авдей Флюга-
рин»).
- «Не то беда, что ты поляк».
См. На Булгарина.
- «Не угрожай ленивцу моло-
дому» [«Я мало жил и
наслаждался мало»]. [*Де-
кабрь 1817 г.; авт. 64
ЛБ*]. I 431
- «Не удивляйся, милый мой».
См. Посвящение «Гав-
риилиады».
- «Неведомский поэт, неведо-
мый никем» — не введено
как не принадлежащее
Пушкину.
- «Невод рыбак расстилал по
берегу студеного моря».
См. Отрок.
- «Негде в тридевятом цар-
стве». См. Сказка о золо-
том петушке.
- «Недавно бедный музуль-
ман». [«В Юрзуфе бед-
ный музульман»]. [*Апрель
— май 1821 г.; авт. 65
ЛБ*]. I 447
- «Недавно обольщен прелест-
ным сновидением». См.
Сновидение.
- «Недавно темною порою».
См. Окно.
- «Недавно тихим вечерком».
См. К Наташе.
- «Недавно я — в часы свобо-
ды». [Сетование. Д. В.
Давыдову]. [*1821 г. —
1822 г.; авт. БАН*]. I 460
- «Недавно я стихами как-то
свистнул». См. *Ex ungue
leopard.*
- «Недаром вы приснились
мне». См. Подражания
Корану.
- «Недвижный страж дремал
на царственном пороге».
[*Декабрь 1823 г.; авт.
БАН*]. I 341
- Недоконченная картина («Чья
мысль восторгом угада-
ла»). [*Январь — 27 ноября
1819 г.; стих. 29, Л.*]. I 275
- Нежданный гость. См. И. И.
Пушкину.
- Nec temere, nec timide* («В
утлом челне и беззвезд-
ною ночью») — не введено
как не принадлежащее
Пушкину.
- «Нельзя, мой толстый Ари-
стип». См. А. А. Давы-
дову.
- «Ненастный день потух».
[Отрывок]. [*Сентябрь —
октябрь? 1824 г.; стих.
29, Л.*]. I 358
- Непоколебимость («Познай,
светлейший лев, смяте-
ния вину»). См. Нравоучи-
тельные четверостишия.
- «Непримиримую судьбою».
См. «До меня доходят».
- Нереида («Среди зеленых
волн, лобзающих Таври-
ду»). [Эпиграмма во вку-
се древних]. [*Конец но-
ября — декабрь 1820 г.;
стих. 29, Л.*]. I 290
- Несчастье Климта («Внук Тре-
дяковского Клит гекза-
метром песенки пишет»)
[Эпиграмма]. [*1814 г.;
лиц. рук. сб.*]. I 497
- «Нет ветра — сильная волна».
[Из Байрона; Из «Гяура»
Байрона]. [*1821 — 1822 г.;
авт. ПД*]. I 486
- «Нет ветра; тихая ~~волна~~». См. «Нет ветра — ~~тихая~~
волна».
- «Нет, не черкешенка она».
См. Ответ Ф. Т.
- «Нет, нет, мои друзья, на-
прасны ваши пени». См.
«Нет, нет, напрасны ваши
пени».
- «Нет, нет напрасны ваши
пени». [«Нет, нет, мои
друзья, напрасны ваши
пени»]. [*Январь — август
1819 г.; авт. 64 ЛБ*]. I 435

- «Нет, нет, но должен я, не смею, не могу». См. К ***.
- «Нет ни в чем благодати». [Мадригал]. [1822 г.; стих. 29, II] I 333
- «Нет, полно, полно мне терпеть» — ранняя редакция стих. «Мое завещание. Друзьям».
- «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением». [19 января? 1830 ? г.; Библ. зап. 1858, № 7]. II 126
- «Нет, я не льстец, когда царю». См. Стансы.
- «Ни блеск ума, ни стройность платья». См. М. Е. Эйхфельдт.
- «Но ты забудь меня, мой друг». [1825 ? г.; авт. БАН]. I 483
- «Но я не тот, мои златые годы». [Кн. А. М. Горчакову; Отрывок; Пушкин в унынии; «Но я не тот, мои молодые годы»]. [1819 г.; Лонд.]. I 438
- «Но я не тот, мои молодые годы». См. «Но я не тот, мои златые годы».
- Новая сцена из «Фауста». См. Сцена из «Фауста».
- Новоселье («Благословляю новоселье»). [Втор. пол. марта—перв. пол. июля или втор. пол. августа 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 108
- Noël. См. Сказки.
- «Ночной зефир». Испанский романс. [13 ноября 1824 г.; стих. 29, I]. I 359
- Ночь («Мой голос для тебя и ласковый и томный»). [26 октября 1823 г.; стих. 29, I]. I 338
- «Ночь светла; в небесном поле» [«Догаресса молодая», «Догорала молодая»; «В голубом эфира поле»]. [1822 ? г.; Анн. VII; коп. Бартенева]. I 459
- Новель на лейб-гусарский полк («В конюшнях Лешашева»). [Конец 1816 г. — нач. 1817 г.; коп. Бартенева] I 512
- Нравоучительные четверостишия. [Лето 1826 г.; «Невский альманах» на 1827 и на 1828 г.].
- Равновесие («О мирный селянин: В твоём жилище нет») II 278
- Верное предсказание («Пройдет ли мой недуг? — лев у осла спросил») II 278
- Справедливые пословицы («Одна свеча избу лишь слабо освещала»). II 278
- Мстительность («Пчела ужалила медведя в лоб») II 278
- Непоколебимость («Познай, светлейший лев, смятения вишу») II 279
- Сила и слабость («Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей») II 279
- Лебедь и гусь («Над лебедем желая посмеяться») II 279
- Мартышка («Мартышка, с юных лет прыжки свои любя»). II 279
- Общая судьба («Во ржи был василек прекрасный») II 279
- Безвредная ссора («За кость поссорились собаки») II 279
- Закон природы («Фиалка в воздухе свой аромат лила»). II 280
- «Ну, послушайте, дети, жил был в старые годы». [6 июня 1831 ? г.; авт. БАН]. II 250
- Няне («Подруга дней моих суровых»). [1827 ? г.; авт. 68 ЛБ] II 222

О

- Графу О. См. Графу Оли-
зару.
- П. А. О***. См. П. А. Оси-

- повой («Быть может, уж недолго мне»).
- «О бедность. Затвердил я наконец». [1835 ? г.; авт. ПД] II 263
- «О боги мирные полей, дубрав и гор». [1825 ? г.; авт. БАН] I 483
- «О вы, которые любили». См. Посвящение «Гавриилиады».
- «О вы, которые с язвительным упреком». См. Безверие.
- «О Гелиос, внемли серебряным луком звенящий». См. «Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий».
- «О дева-роза, я в оковах». Подражание турецкой песни. [1820 ? г.; 1824 г.; стих 29, Л.] I 292
- «О Деция драгая». См. Песня.
- «О, если б мог достигнуть глас» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «О, если правда, что в ночи». См. Заклинание.
- «О жены чистые пророка». См. Подражания Корану.
- О Кавказском пленнике. См. «Мой пленник вовсе не любезен».
- «О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье». См. Ответ анониму.
- «О мирный селянин! В твоём жилище нет». См. Нравоучительные четверостишия. Равновесие.
- «О муза пламенной сатиры!» [1821 г. — июнь 1824 г.; Шерб.] I 522
- «О нет, мне жизнь не надоела». [1830—1836 г.; авт. ПД] II 274
- «О, сжалюсь надо мною». См. Погреб.
- «О, сколько вам открытий

- чудных». См. «О, сколько нам открытий чудных».
- «О, сколько нам открытий чудных». [«О, сколько вам открытий чудных»]. [Ноябрь 1829 г.; авт. 82 ЛБ] II 234
- «О ты, который сочел». [1826 ? г.; авт. 67 ЛБ] II 216
- «О ты, который сочел». См. Орлову.
- «О ты, надежда нашей сцены». [«Краса, надежда нашей сцены»; «Амур тебя обрел, сам Феб тебя готовил»]. [1818 ? г.; авт. 64 ЛБ] I 434
- «О чем, прозаик, ты хлопотешь». См. Прозаик и поэт.
- «О чем шумите вы, народные витии?» См. Клеветникам России.
- «О Эгельстром! я восхищенный». См. Ф. Ф. Эгерштрому.
- «О Эгерштрому! я восхищенный». См. Ф. Ф. Эгерштрому.
- Обвал («Дробясь о мрачные скалы»). [Avalanche]. [29—30 октября 1829 г.; ц. рук. стих. 32] II 91
- «Обиженный журналами жестоко». См. Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко»).
- Общая судьба («Во ржи был василек прекрасный»). См. Нравоучительные четверостишия.
- «Овдотья Яковлевна пахнет». См. «Авдотья Яковлевна пахнет».
- «Овидий, я живу близ тихих берегов». См. К Овидию.
- Овидию. См. К Овидию.
- Е. С. Огаревой. См. Экспромпт на Огареву; К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада.
- Ода. См. Вольность.

- Ода. См. Наполеон.
- Ода Его Сият. Гр. Дм. Ив. Хвостову («Султан явится. Кровь Эллады») [*Ап-рель ? 1825 г.; авт. ЦА*] I 374
- Ода LVI. (Из Анакреона) («Поредели, побелели»). [6 января 1835 г.; *авт. БАН*] II 192
- Ода LVII. (Из Анакреона) («Что же сухо в чаше дно?»). [6 января 1835 г.; *авт. БАН*] II 193
- Одесса. См. «Люблю Одес-су я».
- «Один, один остался я». [*Пи-ры, любовницы, друзья*]. [1822 г.; *авт. 66 ЛБ*] I 458
- «Одна свеча избу лишь слабо освещала». См. Нраво-учительные четверости-шия. Справедливость по-словицы.
- «Одна черта руки моей». [19 — 26 июля 1821 г.; *авт. 65 ЛБ*] I 485
- «Однажды странствуя среди долины дикой». См. Странник.
- «Одни стихи ему читала». [1835 ? г.; *авт. ПД*] II 270
- Окно («Недавно темною по-рою»). [1816 г.; *авт. кол. 64 ЛБ*] I 212
- «Октябрь уж наступил, уж рождя отрывает». См. Осень.
- Олегов щит («Когда ко гра-ду Константина»). [*Сен-тябрь — перв. пол. де-кабря 1829 г.; ц. рук. стих. 32*] II 97
- А. А. Олениной. См. «Увы, язык любви болтливый». Предчувствие [?]. Ты и вы.
- Оленьке Массон. См. «Ольга, крестница Киприды».
- Графу Олизару («Певец! Издревле меж собою»). [Графу О.]. [Октябрь 1824 г.; *авт. 70 ЛБ*] I 469
- Ольга. См. «Ольга, крестни-ца Киприды».
- «Ольга, крестница Киприды» [Оленьке Массон; Ольга; К Оленьке Массон]. [22 ноября 1826 г.; *авт. БАН*] II 238
- «Он вежлив был в иных при-хожих». [*«Он вежлив был в моей прихожей»; «Он вежлив был в моих при-хожих»; «Он вежлив был в моей передней»*]. [1825 г.; *авт. 70 ЛБ*] I 480
- «Он вежлив был в моей пе-редней». См. «Он вежлив был в иных прихожих».
- «Он вежлив был в моей при-хожей». См. «Он вежлив был в иных прихожих».
- «Он вежлив был в моих при-хожих». См. «Он вежлив был в иных прихожих».
- «Он вышней волею небес». См. К портрету П. Я. Чаадаева.
- «Он добрый малый, брат се-стрицын» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Он между нами жил» [Миц-кевичу]. [10 авг. 1834 г.; *авт. ПД*] II 258
- «Он мне ровесник». См. «Будь подобен полной ча-ше».
- «On peut très bien, made-moiselle». См. Кж. В. М. Волконской.
- «Он принимал без узлече-нья» — не введено, как от-носящееся к X строфе IV гл. «Евгения Онегина».
- «Она меня зовет: поеду или нет?» Отрывок из коме-дии. См. III г.
- «Она мила — скажу меж на-ми». См. Ее глаза.
- «Она мне». См. «Она цвела передо мной».
- «Она небрежная» — не вве-дено, как относящееся к

- стих. «Зачем я ею очарован».
- Она («Печален ты: признайся, что с тобой»). [1816 ? г.; Лиц. рук. сб.] I 231
- «Она мила, твоя подруга». [1818 ? г.; авт. 64 ЛБ] I 484
- «Она при мне краскою нежной расцветала». См. «Свободы друг уединенный».
- «Она тогда ко мне придет». [1818 г.; Герб.] I 515
- «Она цвела передо мною». См. «Свободы друг уединенный».
- «Они твердили: пусть виденья». [Ноябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ] I 471
- Опричник. См. «Какая ночь! мороз трескучий».
- Опытность («Кто с минутой переможет»). [Январь — сентябрь 1814 г.; Бест. Евр. 1814 г., № 19] I 80
- Опять на родине. См. «Вновь я посетил».
- «Опять увенчаны мы славой». [1830 ? г.; авт. ПД] II 244
- «Опять я вап, о юные друзья!». См. Элегия.
- «Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей». См. Нравоучительные четверостишия. Сила и слабость.
- «Оригинал похож на бюст» — не введено как не принадлежащее Пушкину.
- «Орлов с Истоминой в постеле». [Июль — декабрь 1817 г.; коп. Бартекеева] I 511
- Гр. А. А. Орловой-Чесменской («Благочестивая жена»). [На гр. Орлову]. [1820-е гг.; Герб] II 288
- Б. И. Орловскому. См. Художнику.
- Орлову («О ты, который сочтал»). [К генералу А. Ф. Орлову, отсоветовавшему мне вступить в военную службу; К***, отсо-
- ветовавшему мне вступить в военную службу]. [4 июля 1819 г., авт. ПД] I 270
- Остар («По камням гробовым, в туманах полужоки»). [1814 ? г.; Ник. ЛБ] I 122
- Осеннее утро («Поднялся шум, свирелью полевым»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ] I 208
- Осеннее чувство. См. «Как быстро в поле вокруг открытом».
- Осень («Октябрь уж наступил, уж роща отряхает»). [Отрывок]. [Октябрь — первая пол. ноября 1833 г.; авт. 77 А, ЛБ] II 181
- «Осердился Георгий Петрович». [Сентябрь — октябрь 1835 г.; авт. БАН]. II 261
- А. И. Осиповой. См. Признание.
- П. А. Осиповой («Быть-может, уж недолго мне»). [П. А. О***. В альбом П. А. О.]. [25 июня 1825 г.; стих. 29, II] I 377
- П. А. Осиповой. См. «Цветы последние милей».
- «Оставь, о Лесбия, лампаду». [1819 ? г.; авт. 64 ЛБ] I 485
- «Оставляя честь судьбе на произвол». См. Эпиграмма.
- «От вас узнал я плен Варшавы». См. Из письма к А. О. Россет.
- «От взошедной вечер идя домой». [1815 ? г.; Майков и Герб.] I 508
- «От западных морей до самых врат восточных». [Из Ювенала; «Пошли мне долгу жизнь»]. [Август 1836 г.; авт. БАН] II 271
- «От меня вечер Леда». [Ленда]. [1835 г.; авт. у Тарле] II 203
- «От северных оков освобождая мир». См. К вельможе.

- Ответ. См. Ее глаза.
 Ответ. См. К Дельвигу.
 Ответ («Я вас узнал, о мой оракул»). [1—9 января 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 102
 Ответ анониму («О, кто бы ни был ты, чье ла ковое пенье»). [26 сентября 1830 г.; ц. р. к. стих. 32] II 111
 Ответ Ф. Ф. Вигелю. См. Ф. Ф. Вигелю.
 Ответ А. И. Готовцевой («И недоверчиво и жадно»). [Середина ноября 1828 г.; стих. 29, II] II 75
 Ответ Катенину («Напрасно, пламенный поэт»). [10 ноября 1828 г.; стих. 29, II] II 74
 Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны («На лире скромной, благородной»). [К Н. Я. П. К Н. Я. Плюсковой. К императрице Елисавете]. [Январь — 12 ноября 1818 г.; Соревнов. просв. и благотв. 1819 г., № 10] I 266
 Ответ Ф. Т*** («Нет, не черкешезка она»). [Ответ Ф. А. Туманскому *. Ответ х + у]. [Середина сентября—декабрь 1826 г.; стих. 29, II] II 46
 Ответ х + у. См. Ответ Ф. Т***.
 «Откуда чудный шум, кепстовые клики?» См. Торжество Вахха.
 «Отрадным ангелом на землю он явился». См. Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну.
 «Отрок милый, отрок нежный». См. Подражание арабскому.
 Отрок. («Невод рыбак растял по берегу студеного моря»). [Анфологическая эпиграмма]. [10 октября 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 115
 Отрывки из адеской поэмы. См. «Вот К чит, вот Ахерон» и «Что козы в? — Черви. — Мне х д т в».
 Отрывки из комедии (I. «Сказки, какой судьбой друг другу мы попались». II. «Она меня зовет, поеду или нет»). См. III т.
 Отрывки из сказки или поэмы. См. «Зачем раздался гром войны».
 Отрывок («Не розу пафосскую»). [Январь? 1833 г.; авт. БАН] II 189
 Отрывок из Андрея Шенье. См. «Каков я прежде был, таков и ныне я».
 Отрывок из комедии («Насилу выехать решаюсь из Москвы»). См. III т.
 Отрывок из неоконченной поэмы (писано в 1822 году). См. «Свод неба мраком обложился».
 Отрывок из послания. См. К Языкову («Издревле сладостный союз»)
 Отрывок из послания к Языкову. См. К Языкову («Издревле сладостный союз»)
 Отрывок из послания В. Л. П—ну. См. В. Л. Пушкину. Отрывок.
 Отрывок из поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод». См. «Сто лет минуло, как тевтон».
 Отрывок. См. Из Анакреона («Узнают коней ретивых»)
 Отрывок. См. «Лихой товарищ наших дедов».
 Отрывок. См. «Люблю ваш сумрак неизвестный».
 Отрывок. См. «На холмах Грузии лежит ночная мгла».

Отрывок. См. «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла».

Отрывок. См. «Но я не тот, мой златые годы».

Отрывок. См. Осень.

Отрывок. См. Приметы.

Отрывок. См. В. А. Пушкину.

Отрывок. См. Сон.

Отрывок. См. «Я не дремал».

Отрывок из поэмы. См. Бова.

«Отцы пустынноики и жены непорочны» [Молитва].

[22 июля 1836 г.; авт. ПБА]

II 207

«Ох, тетенька! ох, Анна Львовна». См. Элегия на смерть Анны Львовны.

«Ох, тошно, тошно, помогите». См. «Ах, тошно, тошно, помогите».

«Охотник до журнальной драки». [На Каченовского]. [1824 ? г.; стих. 29, II]

I 372

«Очеса-чудеса» — не введено как не принадлежащее Пушкину.

II

П***ну. См. Пушкину. Отрывок («Что восхитительней, живей»).

Пак или пятнадцатый год («Пятнадцать лет мне скоро минет»). [7 октября 1830 г.; авт. БАН]

II 112

Памятник. См. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

Певец («Слышали ль вы за рожей глаз ночной»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ]

I 217

«Певец-гусар, ты пел биваки». [Д. В. Давыдову; «Ты пел вино»; «Я слушаю тебя и сердцем молодею»]. [Апрель — май ? 1821 г.; авт. 65 ЛБ]

I 449

«Певец-Давид был ростом мал». [На Воронцова].

[Июнь? 1824 г.; авт. 66 ЛБ]

I 467

«Певец! Издревле меж собою». См. Графу Олizarу.

«Певец, когда перед тобой». См. Козлову.

«Певец, увенчанный Эратой и Венерой». См. К Шашкову («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой»).

Первое послание к Аристарху. См. Послание цензору.

Первое послание цензору.

См. Послание цензору.

Перезод неизданных стихов

Андрея Шенье. См. «Близ мест, где царствует Венеция златая».

Перед бюстом завоевателя.

См. К бюсту завоевателя.

«Перед гробницею святой».

[К твоему полководцу]. [Конец мая — первая половина июня 1831 г.; Совр. 1836 г., т. IV и авт. БАН]

II 132

«Перестрелка за холмами».

См. Делибаш.

Песни западных славян

[1832 ? г.; стих. 35].

1. Видение короля («Король ходит большими шагами»)

II 137

2. Яко Марнавич («Что в развездах бей Янко Марнавич»)

II 143

3. Битва у Зениды-Великой («Радивой поднял желтое знамя»)

II 144

4. Феодор и Елена («Стамати был стар и бессилен»)

II 146

5. Влах в Венеции («Как покинула меня Парасковья»)

II 149

6. Гайдук Хризич («В пещере, на острых камнях»)

II 150

7. Похоронная песня Иакинфа Маглановича («С богом, в дальнюю дорогу»)

II 151

8. Марко Якубович («У ворот сидел Марко Якубович») II 152
9. Бонапарт и черногорцы («Черногорцы? что такое?»). II 154
10. Соловей («Соловей мой, соловейко») II 156
11. Песня о Георгии Черном («Не два волка в овраге грызутся») II 157
12. Воевода Милош («Над Сербией смилуйся ты, боже») II 158
13. Вурдалак («Трусоват был Ваня бедный») . . . II 159
14. Сестра и братья («Два дубочка вырастали рядом») II 160
15. Яныш Королевич («Полюбил королевич Яныш») II 163
16. Конь («Что ты ржешь, мой конь ретивый»)(Сербская песня) II 166
- Песни о Стенке Разине. [Январь—август 1826 г.; коп. ПД]
1. «Как по Волге реке, по широкой» II 40
2. «Ходил Стенка Разин» II 41
3. «Что не конский топ, не людская молвь» . . . II 42
- Песнь о вещем Олеге («Как ныне собирается вещий Олег»). [1 марта 1822 г.; стих. 29, I] I 321
- Песня. См. «Пью за здравие Мери».
- Песня о Георгии Черном («Не два волка в овраге грызутся»). См. Песни западных славян.
- Песня («О Делия драгая») [К Делин]. [1815 ? г.; коп. Илличевского] . . . I 489
- «Печален ты: признайся, что с тобой». См. Она.
- Пир Петра Первого («Над Невою резво вьются»). [1835 г.; Совр. 1836 г., I] . II 201
- Пирующие студенты («Друзья, досужный час настал»). [Июнь—декабрь 1814 г.; авт. ПД] I 95
- «Пир, любовницы, друзья». См. «Один, один остался я».
- «Писать я не умею». [Экспромпт]. [4 сентября 1817 г.; авт. ПБЛ] I 493
- Письмо к Лиде («Лишь благосклонный мрак раскинет»). [Январь—перв. числа июня 1817 г.; авт. 64 ЛБ] I 240
- Письмо Н. М. Языкову. См. К. Языкову («К тебе собирался я давно»).
- «Питомец мод, большого света друг». См. Послание к кн. А. М. Горчакову.
- Платонизм. См. Платоническая любовь.
- Платоническая любовь («Я знаю, Лидинька, мой друг»). [К Лиде; Платонизм]. [Ноябрь—декабрь 1819 г.; авт. ЦА] I 277
- П. А. Плетневу («Не мысля гордый свет забавить»). [19 декабря 1827 г.; «Евг. Он.» 1837 г.] . . . II 59
- П. А. Плетневу («Ты издал дядю моего»). [Из письма]. [Октябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ] I 469
- П. А. Плетневу. См. «Ты мне советуешь, Плетнев любезный».
- «Плещут волны Флегетона». См. Прозерпина.
- Н. Я. Плюсковой. См. Ответ на вызов написать стихи.
- «По камням гробовым, в туманах полуночи». См. Осгар.
- «По небу крадется луна». См. Мечтатель.
- «Победы памятник надменный». См. К Кагульскому памятнику.
- «Поверь: когда слепней и комаров». См. Совет.

«Поверь мне, быть тебе Панг-
лосом». См. Эпиграмма.
«Погасло дневное светило».
Подражание Байрону.
[Элегия. Черное море].
[Сентябрь 1820 г.; *стих.*
29, I] I 286
Погреб («О, сжальтесь надо
мною»). [1815 ? г.; I] . . I 181
«Под вечер, осенью ненаст-
ной». См. Романс.
«Под каким созвездием».
[1825 ? г.; *авт. БАН*] . . I 482
«Под небом голубым страны
своей родной». [29 июля
1826 г.; Элегия на смерть
Ризнич; Элегия]. [29 июля?
1826 г.; *стих.* 29, II] . . II 35
«Под кладом старости угрю-
мо угасал». См. Н. С.
Мордвинову.
«Поднялся шум, свирелью
полевой». См. Осеннее
утро.
Подражание. См. Элегия («Я
видел смерть; она в мол-
чаньи села»)
Подражание Анакреону. См.
«Кобылица молодая».
Подражание арабскому («От-
рок милый, отрок неж-
ный»). [1835 ? г.; *авт.*
БАН] II 204
Подражание Байрону. См.
«Погасло дневное свети-
ло».
Подражание Данту. См. «В
начале жизни школу пом-
ню я»; «И дале мы по-
шли».
Подражание итальянскому.
См. «Как с древа сор-
вался предатель-ученик».
Подражание латинскому. См.
На выздоровление Лу-
кулла.
Подражание Оссиану. См.
Кольна.
Подражание Парни. См.
Прозерпина.
Подражание Песне песней

Соломона. См. «В крови
горит»; «Вертоград моей
сестры».
Подражание турецкой песне.
См. «О дева-роза, я в
оковах».
Подражание французскому
 («Народ мы русский по-
забавим») — не введено
как не принадлежащее
Пушкину.
Подражание французскому.
См. Эпиграмма. («Суп-
ругую твою я так плен-
ился»)
Подражание А. Шенье. См.
«Ты вянешь и молчишь».
Подражания древним. [1833? г.
1 и 12 января; *стих.*
35].
1. (Из Ксенофана Коло-
фонского) «Чистый лос-
нится пол» II 187
2. (Из Афenea) «Славная
флейта, Феон, здесь ле-
жит» II 188
Подражания Корану (Посвя-
щено П. А. Осиповой).
[Ноябрь 1824 г.; *стих.*
29, I].
I. «Клянусь четой и нече-
той» I 360
II. «О жены чистые про-
рока» I 360
III. «Смутясь, нахмурился
пророк» I 361
IV. «С тобою древле, о
всесильный» I 362
V. «Земля недвижна» . . I 362
VI. «Недаром вы присни-
лись мне» I 363
VII. «Восстань, боязли-
вый» I 363
VIII. «Торгуй совестью
пред бледной нищетой».
[Милостыня] I 364
IX. «И путник усталый» . I 364
«Подруга дней моих суро-
вых». См. Няне.
«Подруга думы праздной».
См. К моей чернильни-
це.

- «Подруга милая! Я знаю, отчего». См. Антологический отрывок.
- «Подъезжая под Ижоры». [К. Е. В. Вельяшевой; К**]. [18 января 1829 г.; ц. рук. стих. 32] II 82
- «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья». Элегический отрывок. [23 декабря 1829 г.; ц. рук. стих. 32] II 97
- «Пожарский, Минин, Гермоген». [Эпиграмма на поэму кн. С. А. Ширинского-Шихматова. На поэму кн. С. А. Ширинского-Шихматова]. [1814 ? г.; Лиц. рук. сб. ПД] I 129
- «Позволь душе моей открыться пред тобою». [1818 ? г.; авт. 64 ЛБ] I 433
- «Поодно ночью из похода». См. Воевода.
- «Познай, светлейший лев, смятения вину». См. Нравоучительные четверостишия. Непоколебимость.
- «Пой в восторге, русский хор». [Канон в честь М. И. Глинки; «Слушая сию новинку»]. [13 декабря 1836 г.; авт. ПД] II 283
- «[Пока в нас сердце замирает]». [1828 ? г.; авт. БАН] II 277
- «Пока меня без милости бранят» — не введено как относящееся к «Домику в Коломне».
- «Пока не требует поэта». См. Поэт.
- «Пока супруг тебя, красавицу младую». [Ноябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ] I 471
- «Покойник, автор сухощавый». [1828 ? г.; авт. ПД] II 231
- «Покойник Клит в раю не будет». См. Эпиграмма на смерть стихотворца.
- «Покойны чувства, ясен ум». См. Таврида («Ты вновь со мною наслажденье»).
- «Покров, упитанный язвительного кровью». См. Из А. Шенье.
- Полководец («У русского царя в чертогах есть палата»). [Барклай де-Толли]. [7 апреля 1835 г.; Ссвр. 1836 г., III] II 193
- Полонофилу. См. «Ты просвещением свой разум осветил».
- А. П. и М. А. Полторацким. См. Другьям («Вчера был день разлуки шумной»).
- Е. П. Полторацкой. «Когда помилует нас бог».
- «Полу-герой, полу-невежда». См. На гр. М. С. Воронцова.
- «Полу-милорд, полу-купец» — другая редакция эпиграммы на гр. М. С. Воронцова («Полу-герой, полу-невежда»).
- «Полу-фанатик, полу-плут». См. На Фотия.
- Польская баллада. См. Воевода.
- «Полюби меня, девица». [Не ранее 16 июля и не позднее 3 октября 1829 г.; авт. 82 ЛБ] II 234
- «Полюбил королевич Яныш». См. Песни западных славян. Яныш королевич.
- «Полюбуйтесь же вы, дети». [Июнь — август 1830 г.; Библиограф. зап. 1858 г. № 16] II 288
- «Поля и горы ночь объемлет». [1821 г. — 1822 г.; авт. БАН] I 486
- «Поместья мирного незримый покровитель». См. Домовому.
- «Помилуй, трезвый Аристарх». См. Моему Аристарху.
- Поминание. См. «Надо поминать».

- «Помнишь ли, мой брат по чаше». См. Воспоминания. К Пушкину.
- «Попутный вест ветер». См. Медок.
- «Попутный дует ветер». См. Медок.
- Попытки вернуться к «Евгению Онегину». См. «В мои осенние досуги»; «Ты мне советуешь» и «Вы за «Онегиду» советуете, други».
- «Пора, мой друг, пора! [покая] сердце просит». [К жене]. [1834—1836 ? г.; авт. ПД] II 274
- «Поредел, побелели» См. Ода LVI. (Из Анакреона).
- Портрет («Вот карапузик наш, монах»). [1816 г. — май 1817 г.; Лиц. рук. сб.] I 255
- Портрет («Своей пылающей душой»). [Гр. А. Ф. Захаревской]. [23 июля 1828 г.; «Сев. цв. на 1829 г.】 II 68
- Посвящение «Гавриилиады» («Вот муза, резвая болтуня»; «Примите новую тетрадь», «О вы, которые любили»). [«Прими в залог воспоминанья»; «Не удивляйся, милый мой»]. [Апрель — май 1821 г.; авт. 65 ЛБ] I 445
- Послание в Сибирь. См. В Сибирь.
- Послание к А. См. Алексееву.
- Послание к брату. См. «Презрев и толки укоризны».
- Послание к В., сочинителю «Сатир на игроков». См.
- Послание к Великопольскому.
- Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатир на игроков» («Так элегическую лиру»). [И. Е. Великопольскому; Послание к В., сочинителю «Сатир на игроков»]. [Февраль — первая числа марта 1828 г.; Сев. пч. 1828, № 30]. II 63
- Послание к Галичу («Где ты, ленивец мой»). [Июнь — ноябрь 1815 г.; Росс. музеем, 1815 г., № 10 — 17] I 150
- Послание к кн. А. М. Горчакову («Встречаюсь я с осымнадцатой весной»). [Апрель — первые числа июня 1817 г.; Лонд. ЛБ] I 243
- Послание к кн. А. М. Горчакову («Питомец мод, большого света друг»). [Князю А. М. Горчакову]. [1819 г.; авт. коп. ПД] I 282
- Послание к молодой актрисе («Ты не наследница Клероны»). [Актрисе; К молодой актрисе]. [1814 г.; авт. БАН] I 93
- Послание к Д***. См. Череп.
- Послание к Натальи («Так и мне узнать случилось»). [1814 г.; авт. ЦА] I 90
- Послание к А. И. Тургеневу («В себе все блага заключаю»). [А. И. Тургеневу]. [Март ? 1819 г.; авт. ЦА] I 434
- Послание к Юдину («Ты хочешь, милый друг, узнать»). [1815 г.; авт. 64 ЛБ] I 169
- Послание к К. Н. Б. Ю***. См. К вельможе.
- Послание Лиде («Тебе, наперсница Венеры»). [1816 г.; авт. 64 ЛБ] I 200
- Послание В. Л. Пушкину. См. «Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович».
- Послание цензору («Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой»). [Первое послание цензору. Первое послание к Аристарху. Цензору]. [1822 г.; авт. 4835 ЛБ] I 329

- Послание П. И. Эгелстрому.
См. Ф. Ф. Эгелстрому.
- «Последнее мирское пепелище». См. «Стою печален на кладбище».
- Последние цветы. См. «Цветы последние милей».
- «Последним сияньем за лесом горя». См. Сраженный рыцарь.
- «Последняя туча рассеянной бури». См. Туча.
- «Послушай, дедушка, мне каждый раз». [На перевод Жуковского «Тленность»]. [Март? 1818 г.; Анж. I] I 262
- «Послушай, муз невинных». См. К Дельвигу.
- «Послушайте: вам тридцать лет». См. Кокетке.
- «Послушайте, я сказку вам начну». См. На Н. М. Карамзина.
- «Послушайте, я сказку вам скажу». См. На Н. М. Карамзина («Послушайте, я сказку вам начну»).
- Е. П. Потемкиной. См. «Когда Потемкину в потемках».
- Похоронная песня Иакинфа Маглановича («С богом, в дальнюю дорогу»). См. Песни западных славян.
- «Почтения, любви и нежной дружбы ради» — другая редакция стих. «Семейственной любви и нежной дружбы ради».
- «Пошли мне долгу жизнь». См. «От западных морей».
- Поэт и толпа. См. «Толпа холодная поэта окружала».
- Поэт и толпа. См. Чернь.
- Поэт и чернь. См. Чернь.
- «Поэт-игрок, о Беверлей Гораций». [Первые числа апреля 1829 г.; авт. 82 ЛБ] II 84
- «Поэт идет». См. Египетские ночи. III т.
- «Поэт! не дорожи любовью народной». См. Поэту
- «Поэт по лире вдохновенной». См. Чернь.
- Поэт («Пока не требует поэта»). [15 августа 1827 г.; стих. 29, II] II 52
- Поэту. Сонет («Поэт! не дорожи любовью народной»). [Награды]. [1 июля 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 107
- «Превозлюбил, не отрекусь» — не введено, как написанное прозой.
- «Пред испанкой благородной». [Романс]. [Сентябрь — ноябрь 1830 г.; авт. БАН] II 124
- «Пред рыцарем блестящим водами». См. Из Ариостова «Orlando furioso».
- Предчувствие («Снова тучи надо мною»). [Август 1828 г.; стих. 29, II] . . . II 69
- «Презрев и толки укоризны». [«Презрев и шопот укоризны»; Послание к брату]. [Октябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ] I 470
- «Презрев и шопот укоризны». См. «Презрев и толки укоризны».
- «Прекрая! пускай восторгом насладится». См. На Баболовский дворец.
- Прелестнице («К чему нескромным сим убором»). [1818 г.; стих. 29, I] . . . I 265
- «При шуме сладостным фонтанов». См. «В прохладе сладостной фонтанов».
- «Прибежали в избу дети». См. Утопленник.
- «Приветствую тебя, пустынный уголок». См. Деревня.
- «Придет ужасный миг — твои небесны очи». См. «Придет ужасный час — твои небесны очи».
- «Придет ужасный час.. твои небесны очи». [«Придет ужасный миг — твои небесны очи»; Наброски

- элегия]. [1823 г.; авт. 69 ЛБ] I 464
- Признание. К А. И. Осиповой («Я вас люблю. — хоть я бешусь»). [1824 ? г.; не ранее августа; Библ. д. чт. 1837 г., т. XXII и авт. ПД] I 370
- «Признаюсь пред всей Европой». См. «Раззевавшись от обедни».
- Приметы («Старайся наблюдать различные приметы»). [Отрывок]. [1821 г.; стих. 29, I] I 317
- Приметы («Я ехал к вам: живые сны»). [А. А. Олениной; * Е. В. Вельшевской]. [Январь 1829 г.; ц. рук. стих. 32] II 83
- «Прими в залог воспоминанья». См. Посвящение «Гавриилады».
- «Прими сей череп, Дальвиго». См. Череп.
- «Примите «Невский альманах». См. Н. Н.
- «Примите новую тетрадь». См. Посвящение «Гавриилады».
- Принцу Оранскому («Довольно битвы мчался гром»). [Конец мая 1816 г.; коп. ПД] I 186
- «Припадк ми болезни женской». [Эпиграмма; «Словесность русская больна»]. [1825 г.; авт. 70 ЛБ] I 480
- Притча. См. Сапожник.
- «Приют любви, он вечно полн». [Май—июнь 1824 г.; авт. 70 ЛБ] I 466
- Прителю («Не притворяйся, милый друг»). [Январь — июль 1822 г.; стих. 29, II]. I 325
- Прителам («Враги мои, покамест я ни слова»). [К журнальным прителам; Журнальным прителам]. [25 января 1825 г.; стих. 29, II] I 373
- «Притяно письма полу-
чать» — не введено как относящееся к «Евгению Онегину».
- Про себя («Великим быть желаю»). [1818 г.; Библ. зап. 1858, № 12]. I 516
- «Пробужденье» («Мечты, мечты»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 219
- Прозаик и поэт («О чем, прозаик, ты, хлопчешь»). [1825 г.; стих. 29, II] I 400
- Прозерпина («Плещут волны Флегетона»). [Подражание Парни]. [26 августа 1824 г.; стих. 29, I]. I 346
- «Пройдет ли мой недуг? — лев у осла спросил». См. Нравоучительные четверостишия. Верное предсказание.
- «Пройдет любовь, умрут желанья» — другая редакция стих. А. Н. Зубову («Когда погаснут дни мечтанья»).
- «Проклятый город Кишинев». См. Из письма к Вигелю.
- «Промчались годы заточенья». См. Товарищам.
- Пророк («Духовной жаждою томим»). [Январь — первая половина сентября 1826 г.; стих. 29, II]. II 42
- «[Проснулся я, а небосклон]». [1828 ? г.; авт. 71 ЛБ]. II 276
- «Прости мне, милый друг». См. Городок.
- «Прости, счастливый сын пиров». См. Всеволодскому.
- «Прости, украинский мудрец». См. Из письма к А. Г. Родзянке.
- «Простите, верные дубравы!» [Прощание с Тригорским]. [17 августа ? 1817 г.; коп. ПД]. I 247
- «Простишь ли мне резные мечты». [Элегия]. [11 ноября 1823 г.; стих. 29, I] I 338
- «Простой воспитанник при-

- роды». См. Кн. Е. И. Голицыной.
- Простонародная сказка. См. Жених.
- Простонародная сказка. См. Утопленник.
- «Прощай, любезная калмычка». См. Калмычке.
- «Прощай, отшельник бесарабский». См. Из письма к Н. С. Алексееву.
- «Прощай, письмо любви, прощай! Она велела». См. Сожженное письмо.
- «Прощай, прелестное дитя» — другая редакция стих. Младенцу.
- «Прощай, свободная стихия». См. К морю.
- Прощание. См. «В последний раз твой образ милый».
- Прощание. См. Товарищам («Промчались годы заточенья»).
- Прощание с морем. См. К морю.
- Прощание с Тригорским. См. «Простите, верные дубравы».
- Птичка («В чужбине свято наблюдаю»). [На выпуск птички]. [22 ? апреля 1823 г.; стих. 29, II]. I 338
- Пуншевая песня. Из Шиллера («Силы четыре»). [1816? г.; коп. 1254 ЛБ]. I 510
- «Пускай, не знаясь с Аполлоном». См. Князю А. М. Горчакову.
- «Пускай поэт с кадильницей наемной». См. Сон.
- «Пускай увенчанный любовью красоты». [Залог любви]. [1824? г.; авт. БАН]. I 372
- «Пускай угрюмый рифмотор». См. К Галичу.
- «Пустое вы сердечным ты». См. Ты и вы.
- Путешественнику. См. К Н. Г. Ломоносову.
- «Пучкова, право, не смешна». См. На Пучкову.
- Пушкин в унынии. См. «Но я не тот, мои златые годы».
- Н. Н. Пушкиной. См. «Пора, мой друг, пора!»; «Когда в объятия мои»; Мадонна; «Я влюблен, я очарован».
- О. С. Пушкиной. См. Городок*; К сестре; «Позволь душе моей открыться пред тобою». См. еще: На О. С. Пушкину.
- С. Ф. Пушкиной. См. К С. Ф. Пушкиной.
- В. А. Пушкину. Отрывок. («Что восхитительней, живей» и «Скажи, парнасский мой отец»). [П***ну. Отрывок из послания В. А. П-ну]. [1817 г.; стих. 29, I]. I 254 и 526
- В. А. Пушкину. См. Дяде, назвавшему сочинителя братом («Я не совсем еще рассудок потерял»); «Христос воскрес, питомец Феба»; «Любезнейший наш друг, о ты Василий Львович!»
- А. С. Пушкину. См. «Брат милый, отроком расстался ты со мной»; Из письма к брату («Что же, будет ли вино?»); «Презрев и толки укоризны».
- И. И. Пушкину («Мой первый друг, мой друг бесценный»). [Нежданный гость]. [13 декабря 1826 г.; Сово. 1841 г., т. XXII]. II 44
- И. И. Пушкину. См. В альбом И. И. Пушкину; Воспоминание. К Пушкину («Помнишь ли, мой брат по чаше»); К Пушкину. 4 мая («Любезный именинник»).
- П. С. Пушкину. См. «В дыму, в крови, сквозь тучи стрел».

- «Пчела ужалила медведя в лоб». См. Нравоучительные четверостишия. Мстительность.
- «Пью за здравие Мери». Песня. [*Сентябрь? — ноябрь?* 1830 г.; ц. рук. стих. 32]. II 125
- «Пьяной горечью Фалерна». См. Мальчику.
- «Пятнадцать лет мне скоро минет». См. Паж или пятнадцатый год.

Р

- Равновесие («О мирный селянин. В твоём жилище вет»). См. Нравоучительные четверостишия.
- «Радивой поднял желтое знамя». См. Песня западных славян. Битва у Зеницы-Великой.
- «Раевский, молодец прежний». См. Записка к Жуковскому.
- Ел. Н. Раевской. См. «О девара, я в оковах»; «Увы, зачем она блистает».
- Разговор книгопродавца с поэтом («Стишки для вас одна забава»). [26 сентября 1824 г.; стих. 35]. . . I 349
- Разговор Фотия с гр. Орловым («Внимай, что я тебе вещаю»). [1820-е гг.; Герб.] II 288
- «Разгневавшись от обеда». [Кишиневские дамы; Сатира на кишиневских дам; «Признаюсь пред всей Европой»; «Здравствуй, круглая соседка; «Вот еврейка с Тадарашкой»; «Ты наказана сегодня»; «Ты умна, велеречива»]. [Апрель — май 1821 г.; авт. 65 ЛБ]. I 302
- «Раз, полунощной порою». См. Казак.
- Разлука («Когда пробил последний счастливый час»).

- [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ]. I 209
- Разлука. См. «В последний раз, в сени уединенья».
- Разлука. См. «Для берегов отчизны дальней».
- «Разоблачив пленительный кумир» — не введено как относящееся к стих. «Ты прав, мой друг».
- Расставание. См. «В последний раз твой образ милый».
- Рассудок и любовь («Младой Дафнис, гонимый за Доридой»). [1815 ? г.; ДЛТ]. . . I 180
- «Расходились по поганому граду». См. «Расходились по поганскому граду».
- «Расходились по поганскому граду». [«Расходились по поганому граду»]. [1825 г.; авт. БАН]. I 523
- «Ревел ли зверь в лесу глухом». См. Эхо.
- «Рдеет облаков летучая гряда». [Таврида; Таврическая звезда; Эпиграмма во вкусе древних; Элегия]. [Конец ноября — декабрь 1820 г.; стих. 29, 1 и авт. 67 ЛБ]. I 290
- Репутация Беранжера («Ты помнишь ли, ах, ваше благородье»). [Октябрь — первая половина ноября 1827 г.; Отеч. зап. 1861 г. т. СXXXIX; Щерб.] II 284
- А. Ризнич. См. «Под небом голубым страны своей родной»; «Простишь ли мне ревнивые мечты»; «Закливание»; «Для берегов отчизны дальней»; «Мадам Ризнич с римским воем».
- Рифма. См. «Рифма — звучная подруга».
- Рифма («Эхо, бессонная нимфа, скиталась на брегах Поноя»). [Анфологиче-

ская эпиграмма]. [10 октября 1830 г.; *д. фук. стих. 32*]. II 115

«Рифма — звучная подруга». [Рифма]. [Сентябрь — октябрь 1828 г.; *авт. 71 ЛБ*]. II 227

А. Г. Родзянке. См. Из письма к А. Г. Родзянке («Прости, украинский мудрец»).

А. Г. Родзянке («Ты обещал о романтизме»). [Июнь — первая половина июля 1825 г.; *Совр. 1859 г., т. I*]. I 385

Родословная моего героя («Начнем аб оvs: мой Езерский»). [Езерский]. [1833 г.; *Совр. 1836 г., т. III*]. II 184 и 357

Родриг. См. «На Испанию родную».

Роза («Где наша роза»). [1815 ? г.; *авт. 64 ЛБ*]. I 182

«Романов и Зернов лхой». См. Двум Александрам Павловичам.

Романс («Под вечер, осенью ненастной»). [1814 г.; *Памятник Отеч. муз. на 1827 г.*]. I 101

Романс. См. Легенда.

Романс. См. «Пред испанкой благородной».

«Роняет лес багряный свой убор». См. 19 октября.

«Румяной зарею». См. Вишня.

«Румяный критик мой, насмешник толстопузой». [«Куда же ты? В Москву; Шалость; Каприз». [1—10 октября 1830 г.; *авт. БАН*]. II 114

Русалка («Над озером, в глухих дубровах»). [Баллада]. [1819 г.; *стих. 29, I*]. I 279

Русскому Геснеру («Куда ты холоден и сух»). [Январь — март 1827 г.;

«Опыт русской анфалогии» 1825]. II 48

С

С английского. См. Цыганы.

«С благоговейною душой».

См. Надпись в беседке.

«С богом, в дальнюю дорогу».

См. Песни западных славян.

Похоронная песня

Иакинфа Маглановича.

«С Гомером долго ты бесе-

довал один». [К Н^е; К Гне-

дичу]. [1830 ? г.; *авт. 76 Б, ЛБ; авт. ЦА*]. II 185

С латинского. См. К Лици-

нию.

С латинского. См. Лицинию.

С морского берега Тавриды.

См. Чаадаеву.

«С очами быстрыми». См.

«В [младенчестве моем]

бессмысленно лукавом».

«С перегорождою каморки.

[«На пыльной полке обра-

за», [«Стекло разбитое»],

«Лампада, вербная лоза»,

«Смотрю... окно, заткну-

тое». [Неизв. и.; *авт. ПД*]. II 275

«С позволения сказать». См.

Куплеты на слова: «С

позволения сказать».

С португальского («Там звез-

да зари взошла»). [Из

Гонзаго]. [1825 ? г.; *авт. 68 ЛБ*]. I 416

«С пятнадцатой весною». См.

Фавн и пастушка.

«С своей пылающей душой».

См. Портрет.

«С тобой мне вновь считать-

ся довелось». См. Из

письма к И. Е. Велико-

польскому.

«С тобой приятно удалить».

См. Наденько.

«С гобой в спор я не всту-

паю». См. На Н. И. Гне-

дича.

«С тобою древле, о всецель».

- ный». См. Подражания Корану.
- С французского. См. Золото и булат.
- «Сабуров, ты оклеветал». [Сабурову]. [Октябрь. 1824 г.; авт. 70 ЛБ]. . . I 470
- Сабурову. См. «Сабуров, ты оклеветал».
- «Сам Феб тебя готовил» — не введено как относящееся к стих. «Катенину» («Кто мне пришлет ее портрет»).
- Сапожник. Притча («Картину раз высматривал сапожник»). [1829 г. и 1836? г.; Совр. 1836, т. III]. . . II 85
- «Саранча летела, летела». [Экспромпт]. [Июнь 1824 г.; Москвит. 1854 г., № 9]. I 521
- Сатир на кишиневских дам. См. «Развевавшись от обедни».
- «Сатирик и поэт любовный». См. Из письма к кн. П. А. Вяземскому.
- Сафо («Счастливей юноша, ты всем меня пленил»). [Юноша]. [1825 г.; стих. 29, II]. . . I 400
- «Сват Иван — как пить мы станем». [1833? г.; авт. 74 ЛБ]. . . II 190
- Свобода. См. Вольность.
- «Свободы баловень беспечный» — не введено, как относящееся к стих. К С. Ф. Пушкиной («Зачем безвременную скуку»).
- «Свободы друг уединенный» [«Она цвела передо мною»; «Я видел, как она при мне»; «Она мне»; «Она при мне красой нежной расцвела»]. [1818 — 1819 г.; авт. 64 ЛБ]. . . I 438
- «Свободы сеятель пустынный». [Конец ноября 1823 г.; авт. ПД]. . . I 339
- «Свободы тайный страж, ка-
- рающий кинжал». См. Кинжал.
- «Свод неба мраком обложился». [Вадим. Отрывок из неоконченной поэмы (писано в 1822 году)]. [1822 г.; стих. 23, I]. . . I 333
- Сводня. См. «Сводня грустно за столом».
- «Сводня грустно за столом». [Сводня]. [1827 г.; авт. 68 ЛБ]. . . II 219
- «Священник: «Кто ты, мой сын». См. Исповедь стихотворца».
- «Ses manes parfumés». [«Quand la rose soudain»]. [1825 г.; авт. 70 ЛБ]. . . I 479
- «Со самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил». [Июнь 1817 г. — первые числа мая 1820 г.; авт. у С. Д. Иванова]. . . I 292
- «Себе ты выбрал, Зензелей». См. «Зачем раздался гром войны».
- «Сегодня бал у Сатаны». См. «Что ковырь?» — Черви. — «Мне ходить».
- «Сегодня, добрые мужья». См. Амур и Гименей.
- «Сегодня я поутру дома» [Из записки к приятелю. Записка к приятелю]. [1822 г.; авт. БАН]. . . I 459
- «Седой Свистов, ты царствовал со слазой». См. Эпиграмма.
- «Сей белокаменный фонтан». [«Кто б [ни был ты] па- стух»; К фонтану; «Кто б ни был ты — хожа»]. [Июль — декабрь 1829 г.; авт. ПД]. . . II 236
- «Семейственной любви и нежной дружбы ради». [«Почтения, любви и нежной дружбы ради»; Экспромпт на сестру]. [6 апреля 1825 г.; авт. 1254 ЛБ]. . . I 475

- Е. С. Семенов. См. «Ужель умолк волшебный глас». Нимфодоре Семеновой («Жедал бы быть твоим, Семенова, покровом»). [1818—1819 ? г.; *Ефр.* 1905, VIII]. I 518
- Сербская песня. См. Песни западных славян. Конь.
- Серенада. См. «Я здесь, Инезилья».
- Сестра и братья («Два дубочка вырастали рядом»). См. Песни западных славян.
- Сетозание. См. «Недально я — в часы свободы».
- «Сижу за решеткой в темнице сырой». См. Узник.
- Сила и слабость («Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей»). См. Нравучительные четверостишия.
- «Силы четыре». См. Пуншевая песня.
- «Символы верности любя». [1828 ? г.; *авт. ПД*]. . . II 276
- «Сия пустынная страна». См. Боратынскому из Бессарабии.
- «Сиятельный Аристофан». [«Всё ненавистно становится»]. [1818 ? г.; *авт. 64 ЛБ*]. I 484
- «Скажи, какие закланья». [Конец 1819 — начало 1820 г.; *авт. 64 ЛБ*]. . . I 439
- «Скажи, какой судьбой друг другу мы попались». Отрывок из комедии. См. III т.
- «Скажи мне, ночь, зачем твой тихий мрак». [1825 г.; *авт. 70 ЛБ*]. I 487
- «Скажи — не я ль тебя заметил». [«Умом и нежной красотой»]. [1823 г.; *авт. 69 ЛБ*]. I 454
- «Скажи, парнасский мой отец». См. В. А. Пушкину.
- «Скажи, что нового?» — «Ни слова». [1816 ? г.; *авт. ПД*]. I 230
- «Сказал деспот: «Мои сыны!» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Сказали раз царю, что на коне». [На Воронцова]. [1824 г.; *авт. 70 ЛБ*]. . . I 369
- Сказка о золотом петушке («Негде, в тридевятом царстве»). [20 сентября 1834 г.; *Библ. для чтения, 1835, № 4*]. . . II 349
- Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях («Царь с царицею простился»). [4 ноября 1833 г.; *Библ. для чтения, 1834, № 2*]. II 333
- Сказка о попе и работнике его Балде («Жил — был поп»). [13 сентября 1831 г.; *авт. 76 Б, ЛБ*]. II 321
- Сказка о рыбаке и рыбке («Жил старик со своею старухой»). [14 октября 1833 г.; *Библ. для чтения, 1835, № 5*]. II 327 и 361
- Сказка о царе Салтане, сыне его, славном и могучем богатыре, князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди («Три девицы под окном»). [Август? 1831 г.; *ц. рук. стих. 32*]. II 293
- Сказка. См. Амур и Гименей.
- Сказки. Noël («Ура! в Россию скачет»). [Вторая половина марта — апрель 1818 г.; *Герб.*]. I 514
- «Сквозь волнистые туманы». См. Зимняя дорога.
- «Скребницей чистил он коня». См. Гусар.
- «Скучной ролью Телемака». См. Ф. Ф. Вигелю.
- «Слаб и робок человек». [Из подражаний Корану]. [Сентябрь — октябрь 1824 г.; *авт. 70 ЛБ*]. I 487
- «Славная флейта, Феоня». См. Подражания древним.
- Слез («Вчера за чашей пун-

- шевою»). [1815 г.; *авт. коп. 64 ЛБ*] I 175
- И. В. Сленину («Я не люблю альбомов модных»). [К И. В. С.]. [1828 г.; *стих. 29, II*] II 77
- Слепец. См. «Внемли, о Гелиос».
- «Словесность русская больна». См. «Припадками болезни женской».
- Слово милой («Я Лилу слушал у клавира»). [1816 г.; *авт. коп. 64 ЛБ*] I 202
- «Слушая сия новинку». См. «Пой в восторге, русский хор».
- «Слышали ль вы за рошей глас ночной». См. Певец.
- «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи». См. На перевод Илиады.
- «Смелся жестоко над собранием». См. Моя родословная.
- «Смирдин меня в беду поверг». См. Из письма к М. Л. Яковлеву.
- А. О. Смирновой. См. Ее глаза; В альбом А. О. Смирновой. См. еще: Из письма к А. О. Россет.
- Мария Смит. См. К молодой вдове.
- «Смотрю... окно, заткнутое подушкой». См. «С пергородкою каморки».
- «Смутясь, нахмурился пророк». См. Подражания Корану.
- «Снесу иль нет главу свою» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Снова тучи надо мною». См. Предчувствие.
- Сновидение («Недавно обольщен прелестным сновиденьем»). [Из Вольтера]. [*Январь — первая числа июня 1817 г.; Мат.*] I 255
- «Со мной один воспоминанья». См. «Всё тихо. На Кавказ идет ночная мгла».
- Собой. См. «Что в имени тебе моем».
- К. А. Собольской. См. «Что в имени тебе моем».
- С. А. Соболевскому. См. Из письма к С. А. Соболевскому.
- Собрание насекомых («Мое собрание насекомых»). [1829 г.; *ц. рук. стих. 32*] II 100
- Совет («Поверь: когда слепней и комаров»). [*Июль — ноябрь? 1825 г.; стих. 29, II*] I 399
- Совет. См. «У Клариссы денег мало».
- «Сожаленье не поможет». См. На гр. Д. И. Хвостова.
- Сожженное письмо («Прощай, письмо любви, прощай! Она велела»). [*Январь 1825 г.; стих. 29, II*] I 373
- «Скрылся он». См. Гроб юноши.
- Соловей («В безмолвии садов, весной, во мгле ночей»). [*Январь — февраль 1827 г.; стих. 29, II*] II 47
- Соловей («Соловей мой, соловейко»). См. Песни западных славян.
- Соловей и кукушка («З лесом во мраке ночи праздной»). [*Июль — ноябрь? 1825 г.; стих. 29, II*] I 399
- «Соловей мой, соловейко». См. Песни западных славян. Соловей.
- «Сомненье, страх, порочную надежду». Из Alfieri. [Монолог Изабеллы, из трагедии Альфьери «Филипп II»]. [1827 г.; *авт. 68 ЛБ*] II 60
- Сон. Отрывок («Пускай поэт с кадилльницей наемной»). [1816 г.; *Мат.*] I 221
- Сонет. См. Мадонна.

- Сонет. См. Поэту.
- Сонет («Суровый Дант не превирал сонетов»). [*Январь—первая половина апреля 1830 г.; ц. рук. стих. 32*] II 104
- Сонет («Три розы на свете цветут») — другая редакция стих. «Есть роза дивная».
- «Соседство ваше всем опасно». См. «Твое соседство нам опасно».
- Е. Я. Сосничкой. См. В альбом Е. Я. Сосничкой.
- Сосны. См. «Вновь я посетил».
- «Сосок чернеет сквозь рубашку». См. На картинке к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе».
- «Составлен он из подлой спеси». См. «К. Г. со мною незнаком».
- «Софья Михайловна слушает цыган» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- Справедливость пословицы («Одна свеча ялбу лишь слабо освещала»). См. Нравоучительные четверостишия.
- Сравнение. См. «Ты хочешь ли узнать, моя драгая».
- Сраженный рыцарь («Последним сияньем за лесом горя»). [*1815 г.; авт. коп. 64 ЛБ*]. I 164
- «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду». См. Нереида.
- «Среди рассеянной Москвы». См. Книжнице З. А. Волконской.
- «Средь темной рощицы, под тенью лип душистых». См. Леда.
- «...Стаматы был стар и бессилен». См. Песни западных славян. Феодор и Елена.
- «Стамбул гяуры нынче сла-
вят». [*17 октября 1830 г.; авт. 76 В, ЛБ*]. II 118
- Stances («Avez vous vu la tendre rose»). [*1874 ? г.; коп. Илличевского ЦА*]. I 126
- Стансы. См. «Брожу ли я вдоль улиц шумных».
- Стансы. См. Станцы («Брожу ли я»).
- Стансы («В надежде славы и добра»). [*22 декабря 1826 г.; стих. 29, П*]. II 44
- Стансы («Нет, я не льстец, когда дарю»). [*Январь—февраль 1828 г. Анн. VII*]. II 62
- Стансы («Ты мне велишь пылать душою»). [Из Волтера]. [*Январь—перв. числа июня 1817 г.; авт. коп. 64 ЛБ*]. I 241
- Стансы Толстому («Философ ранний, ты бежишь»). [Стансы Т***му]. [*1819 г.; стих. 29, П*]. I 280
- Станцы. См. «В часы забав или праздной скуки».
- «Старайся наблюдать различные приметы» См. Приметы.
- Старик. Из Марота («Уж я не тот любовник страстный»). [*Январь — 27 ноября 1819 г.; стих. 29, П*]. I 274
- Старик. Из Марота («Уж я не тот философ страстной»). [*Январь—нач. мая 1815 г.; Росс. музей 1815 г., № 5*]. I 140
- Старый поэт («Благодарю вас за привет») — не введено, как написанное прозой.
- «Стекло разбитое». См. «С перегородкою каморки».
- «Стих каждый повестит твоей». См. К Боратынскому.
- Стихи в альбом. См. «Если жизнь тебя обманет».
- Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы («Мне не спится, нет

- огня»). [*Октябрь 1830 г.; авт. БАН*] II 123
- «Стишки для вас одна забава». См. Разговор книгопродавца с поэтом.
- «Сто лет минуло, как тевтон». [Отрывок из поэмы Мицкевича «Конрад Валленродт»]. [*Март 1828 г.; стих. 29, II*] II 64
- «Стою печален на кладбище». [«Последнее мирское пепелище»]. [*1830 ? г.; авт. ПД*] II 248
- Странник («Однажды странствуя, среди долины дикой»). [26 июня 1835 г.; авт. 77 А, ЛБ]. II 195
- «Страшно и скучно». [*Июль—декабрь 1829 ? г.; авт. 82 ЛБ*]. II 238
- «Стрекотуня белобока». [*Не ранее 16 июля и не позднее 3 октября 1829 г.; авт. ПД*]. II 234
- «Строгий свет». [*1830? г.; авт. ПД*] II 277
- «Судьба свои дары явить желала в нем». См. К портрету кн. П. А. Вяземского.
- «Султан ярится. Кровь Элады». См. Ода Его Сият. Гр. Дм. Ив. Хвостову.
- Сумасшествие. См. «Не дай мне бог сойти с ума».
- «Супругую твоей я так пленился». См. Эпиграмма.
- «Суровый Дант не презирал сонета». См. Сонет.
- Сцена из «Фауста» («Мне скучно, бес»). [Новая сцена из «Фауста»]. [1825 г.; стих. 29, II] I 403
- «Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенной». См. К***.
- «Счастлив, кто в страсти сам себе». См. Элегия.
- «Счастлив, кто избран своим нравом». [К***]. [*Июль—август 1828 г.; авт. БАН*] II 69
- «Счастлив ты в прелестных дурах». [К NN]. [*Август—первая половина сентября 1829 г.; ц. рук. стих. 32*] II 87
- «Счастливым юноша, ты всем меня пленил». См. Сафо.
- «Съезжаются могучие цари». См. «Зачем раздался гром войны».
- Т**
- «Т — прав, когда так верно вас». [«Туманский прав»]. [*Сентябрь — октябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ*] . . . I 358
- К. А. Т.—вой. См. Е. А. Тимашевой.
- Таврида. См. «Редает облаков летучая гряда».
- Таврида («Ты вновь со мною, наслажденье»). [«Покойны чувства, ясен ум»; «Воскресли чувства, ясен ум»]. [1822 г.; авт. 66 ЛБ]. I 457
- Таврическая звезда. См. «Редает облаков летучая гряда».
- «Тадарашка в вас влюблен» [«Тодорашка в вас влюблен»]. [1821 г.; авт. 65 ЛБ]. I 316
- «Таится пещера». См. «В рощах карийских».
- «Так вот детей земных изгнание». См. «Что козырь?» — Черви. — «Мне ходить».
- «Так и мне узнать случилось». См. Послание к Натальи.
- «Так, Маша, это точно он! Не прав а ль?» См. «Шляпа с розами».
- «Так море, древний душегубец». [Из письма к кн. П. А. Вяземскому]. [14 августа 1826 г.; авт. ЦА]. II 39
- «Так на нрзбр страницы». [«Так на последние стра-

- ницы»]. [1825 ? г.; авт. 70 ЛБ] I 488
- «Так на последние страницы». См. «Так на *нрзбр* страницы».
- «Так старый хрыч цыган Илья». [1830—1831 ? г.; авт. ПД]. II 253
- «Так точно! Это он». См. «Шляпа с розами».
- «Так элегическую лиру». См. Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков».
- «Так я бывало забывал» — не введено, как черновой набросок к эпилогу «Руслана и Людмилы».
- «Таков он был» — не введено, как относящееся к стих. Демон.
- Талисман («Там, где море вечно плещет»). [6 ноября 1827 г.; стих. 29, II] . . II 57
- «Там, где древний Кочерговский». См. Эпиграмма.
- «Там, где море вечно плещет». См. Талисман.
- «Там, где Семеновский полк» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Там громкой славою». («Боже, царя храни»). [*Первая половина октября 1816 г.; авт. ПД*]. I 492
- «Там звезда зари взошла». См. С португальского.
- «Там на берегу, где дремлет лес священный». («На берегу, где дремлет лес священный»). [1820 ? г.; Анн. VII]. I 440
- «Там у леска, за ближнюю долиной». («В лесу под липою, где келья за долиной»). [*Ноябрь—декабрь 1819 г.; авт. ПД*]. I 437
- «Твое соседство нам опасно» («Соседство ваше всем опасно»). [1825 ? г.; авт. 70 ЛБ]. I 432
- «Твоих признаний, жалоб нежных». См. Наперсник. Твой и мой («Бог весть, за что философы, пииты»). [1816 г.; авт. коп. 64 ЛБ и ДЛТ]. I 219
- «Тебе, наперсница Венеры». См. Послание к Лиде.
- «Тебе, о Нестор Арзамаса». См. Дяде, назвавшему сочинителя братом.
- «Тебе певцу, тебе герою». См. Д. В. Давыдов.
- «Тебе подобной в свете нет» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- «Тебя зову на томной лире». («Тебя пою на томной лире»). [1830 ? г.; авт. 71 ЛБ] II 244
- «Тебя ль я видел, милый друг?» См. Выздоровление.
- «Тебя пою на томной лире». См. «Тебя зову на томной лире».
- «Теките медленней в моем воспоминаньи». См. «Вы, дни [протекшие]».
- Телега жизни («Хоть тяжело подчас в ней бремя»). [1823 г.; стих. 29, I] . . I 343
- «Теснится средь толпы еврей сребролюбивый» — не введено, как относящееся к Братьям разбойникам.
- «Tien et mien, dit Lafontaine». [*Март — апрель? 1817 ? г.; авт. 64 ЛБ*] . . I 513
- Е. А. Тимашевой («Я видел вас, я их читал»). [К. А. Т—вой; К женщине — поэт]. [20 окт. 1826 г.; *Наше время, 1862, № 228*]. II 43
- «Тимковский царствовал — и все твердили вслух». [На цензоров]. [1824 ? г.; *Герб*]. I 522
- «То было вскоре после боя». [Из Байрона]. [1828 ? г.; авт. ПД]. II 276
- То даве еще («Зачем твой

- дивный карандаш». [9 мая 1828 г.; стих. 29, II] . . . II 66
- Товарищам («Промчались годы ваточенья»). [К товарищам перед выпуском; Прощание]. [Январь — перв. числа июня 1817 г.; авт. коп. 64 ЛБ] . . . I 242
- «Тогда я демонов увидел черный рой». См. «И дале мы пошли».
- «Тодорашка в вас влюблен». См. «Тадарашка в вас влюблен».
- La Tolyade. См. «Je chante ce combat».
- «Толпа глухая». [9 дек. 1833 г.; авт. 65 ЛБ] II 256
- «Толпа холодная поэта окружала». [Поэт и толпа]. [1827 г.; авт. 67 ЛБ] . . . II 217
- Я. Н. Толстому («Горишь ли ты, лампада наша»). [26 сентября 1822 г.; коп. 95 ЛБ] I 326
- Я. Н. Толстому. См. Стансы Толстому.
- «Только-что на проталинах весенних». См. «[Еще дуют холодные ветры]».
- «Тому мгновенью» («Цветок любви»). [1830 г.; авт. ПД] II 277
- «Торгуя совестью пред бледной нищейгой». См. Подражания Корану.
- Торжество Вакха («Откуда чудный шум, неистовые клики?»). [1817 г.; стих. 29, I] I 251
- «Три девицы под окном». См. Сказка о царе Салтане.
- «Три дия купеческая дочь». См. Жених.
- Три ключа («В степи мирской, печальной и безбрежной»). [27 июля 1827 г.; факс. Русск. библ. 1916 г., окт.] II 51
- «Три ровы на свете цветут». См. Сонет.
- «Три у Будрысы сына, как и он, три литвина». См. Будрыс и его сыновья. Кв. Ю. И. Трубецкому [?] См. Городок.
- Труд («Миг возделенный настал: окончен мой труд многолетний»). [Анфологическая эпиграмма]. [Сентябрь — октябрь 1830 г.; ц. рук. стих. 32] II 124
- «Трудясь над образом прелестной Ушаковой» [1 апреля 1829 г.; авт. Ушак. альбом ЛБ] . . . II 277
- «Трусоват был Ваня бедный». См. Песни западных славян. Вурдалак.
- «Туманский прав, когда так верно вас». См. «Т—прав, когда так верно вас».
- «Тургенев, верный покровитель». См. А. И. Тургеневу.
- А. И. Тургеневу («Тургенев, верный покровитель»). [8 ноября 1817 г.; Русск. арх. 1895 г., III; Русск. богатство 1901 г., № 1]. I 248
- А. И. Тургеневу. См. Послание к А. И. Тургеневу.
- Туча («Последняя туча рассеянной бури»). [13 апреля 1835 г.; Моск. Наблюд. 1835 г., II, кн. 2]. . II 195
- «Ты богат, я очень беден». См. Ты и я.
- «Ты богоматерь, нет сомнения». См. К **.
- «Ты в горести любви находишь наслажденье» — ранняя редакция стих. Мечтателю («Ты в страсти горестной»).
- «Ты в страсти горестной находишь наслажденье». См. Мечтателю.
- «Ты видел деву на скале». См. Буря.
- «Ты вновь со мною, наслажденье». См. Таврида.
- «Ты вянешь и молчишь, печаль тебя снедает». По-

- дражание А. Шенье.
[1824 г.; *стих. 29, I*] . . . I 359
- Ты и вы («Пустое вы серд-
очным ты»). [23 мая
1828 г.; *стих. 29, II*] . . . II 67
- Ты и я («Ты богат, я очень
беден»). [1818—1819 ? г.;
Герб.] I 517
- «Ты издал дядю моего». См.
П. А. Плетневу.
- «Ты ль предо мною». См.
Делия.
- «[Ты] [мне]». См. «[Ты не
внемлешь]».
- «Ты мне велишь открыться
пред тобой». [1819 ? г.;
авт. 64 ЛБ] I 484
- «Ты мне велишь пылать ду-
шою». См. Стансы.
- «Ты мне советуешь, Плет-
нев любезный». II 360
- «Ты наказана сегодня». См.
«Раззевавшись от обед-
н».
- «[Ты не внемлешь]». «[Ты]
[мне]» — не введено, как
относящееся к «Ольга,
крестница Киприды».
- «Ты не наследница Клеро-
ны». См. Послание к мо-
лодой актрисе.
- «Ты обещал о романтизме».
См. А. Г. Родзянке.
- «Ты пел вино». См. «Певец-
гусар, ты пел биваки».
- «Ты победный добрый моло-
дец» — не введено как не
принадлежащее Пушкину.
- «Ты помнишь ли, ах, ваше
благородье». См. Рефута-
ция Беранжера.
- «Ты прав, мой друг — на-
прасно я презрел». [*Ян-
варь — февраль? 1822 г.;
авт. 65 ЛБ*] I 455
- «Ты прав, несносен Фирс
ученый». См. Добрый че-
ловек.
- «Ты прав: хоть он поэт из-
рядный». См. «Хоть, впро-
чем, он поэт изрядный».
- «Ты просвещением свой ра-
зум осветил». [Полоно-
филу]. [1831 — 1834 ? г.;
Шляпки] II 259
- «Ты рождена воспемаюнья».
См. Гречанке.
- «Ты сердцу непонятный
мрак» — другая редакция
стих. «Люблю ваш су-
мрак неизвестной».
- «Ты слышал весть смешную».
См. На гр. А. К. Разу-
мовского («Ах, боже мой,
какую»).
- «Ты угасал, богат младой».
См. На выздоровление
Лукулла.
- «Ты умна, велеречива». См.
«Раззевавшись от обед-
ни».
- «Ты хочешь, друг бесцен-
ной». См. К сестре.
- «Ты хочешь знать, моя дра-
гая». См. «Ты хочешь ли
узнать, моя драгая».
- «Ты хочешь ли узнать, моя
драгая». «[Ты хочешь
знать, моя драгая]. Срав-
нение». [1816 ? г.; *авт.
ПД*] I 431
- «Ты хочешь, милый друг,
узнать». См. Послание к
Юдину.
- «Ты целый свет уверить хо-
чешь» — не введено, как
не принадлежащее Пуш-
кину.

У

- Е. Н. У***вой. См. Ел. Н.
Ушаковой.
- «У ворот сидел Марко Яку-
бович». См. Песни запад-
ных славян. Марко Яку-
бович.
- «У Гальяни иль Кольони».
См. Из письма к С. А.
Соболевскому.
- «У Кларисы денег мало».
[Эпиграмма]. [Январь
1822 г.; *стих. 29, II*] . . . I 320
- «... у моря под скалой». См.
«Есть у моря под скалой».

- «У русского царя в чертогах
есть палата». См. Полково-
водец.
- «Увы, зачем она блещает».
[Элегия]. [Втор. пол. ав-
густа—перв. пол. сентя-
бря 1820 г.; стих. 29, Л.] I 236
- «Увы, навеки скрылся он» —
другая редакция стих.
«Гроб юноши».
- «Увы! Напрасно деве гор-
дой». См. А. Н. Вульф.
- «Увы! язык любви болта-
вой». [9 мая 1828 г.; авт.
71 ЛБ]. II 225
- «Угрюмый сторож муз, гони-
тель давний мой». См.
Послание цензору.
- «Угрюмых тройка есть пев-
цов». [8 декабря 1815 г.;
авт. ЛБ]. I 157
- Уединение («Блажен, кто в
отдаленной сени»). [Из
Арно]. [Январь—27 ноя-
бря 1819 г.; стих. 29, II] I 274
- Уединение. См. Деревня.
- «Уединенная пещера. См.
«Есть у моря под ска-
лой».
- «Уж осень холодомдохнула»
—не введено, как относя-
щееся к стих. «Осень».
- «Уж полем всадники летят» —
другая редакция стих.
«Наседники».
- «Уж я не тот любовник
страстный». См. Старик.
- «Уж я не то! мои златые
годы». См. «Но я не тот,
мои златые годы».
- «Уж я не тот философ страст-
ной». См. Старик.
- «Ужели он казался прежде
мне» —не введено как от-
носящееся к стих. «Ты
прав, мой друг».
- «Ужель умолк волшебный
глас» [Е. С. Семеновой] —
не введено, как относя-
щееся к стих. Катенину
 («Кто мне придет ее
портрет»).
- «Узнаем коней ретивых». См.
Из Анакреона.
- «Узнают коней ретивых».
См. Из Анакреона.
- Узник («Сажу за решеткой в
темнице сырой»). [1822 г.;
ц. рук. стих. 32]. I 327
- «Улыбка уст, улыбка взоров».
[1821 г.—1823 г.; авт.
69 ЛБ]. I 486
- «Умножайте шум и ра-
дость». См. Имениты.
- «Умолкну скоро я. Но если
в день печали». [23 ав-
густа 1821 г.; стих. 29, Л.] I 305
- «Умом и нежною красой».
См. «Скажи — не я ль
тебя заметил».
- Уныние («Мой милый друг,
расстался я с тобою») —
другая редакция стих.
Разлука («Когда пробил
последний счастью час»).
- Уныние. См. К*** («Не спра-
шивай, зачем унылой ду-
мой»).
- Уныние. См. Желание («Мо-
дительно влекутся дни
мои»).
- «Ура! в Россию скачет». См.
Сказки. Noël.
- «Уральски казаки» — не вво-
дено, как не принадлежа-
щее Пушкину.
- «Урну с водой уронив, об
утес ее дева разбила». См.
Царскосельская статуя.
- «Уродился я, бедный недоно-
сок». [1828 г.; авт.
БАН]. II 230
- Кж. С. А. Урусовой («Не
веровал я троице доню-
не»). [1827 ? г.; Лон.] . . II 285
- «Усердно помолившись богу».
См. 19 октября 1828 г.
- Усы. Философическая ода
 («Глаза скосив на ус
кудрявой»). [Январь—20
марта 1816 г.; авт. коп.
64 ЛБ]. I 184
- «Утихла брань племен: в
пределах отдаленных». См.

На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году.

Утопленник. Простонародная сказка («Прибежали в избу дети»). [*Январь—сентябрь 1828 г.; стих. 29, II*]. II 70

Ек. Н. Ушаковой («В отдалении от вас»). [В альбом]. [16 мая 1828 г.; *Майков*]. II 50

Ек. Ник. Ушаковой («Когда, бывало, в старину»). [В альбом]. [3 апреля 1827 г.; *Майков*]. II 49

Ек. Ник. Ушаковой. См. Ответ («Я вас узнал, о мой оракул»).

Ел. Н. Ушаковой. В альбом («Вы избалованы природой»). [Е. Н. У***вой]. [7—6 января 1829 г.; стих. 29, II]. II 82

Ушаковой. См. «Трудясь над образом прелестной Ушаковой».

Ф

Фавн и пастушка. Картины («Спятнадцатой весною»). [Отрывок из стих. «Фавн и пастушка»]. [1816 г.; *Ефр. 1880, I*]. I 191

«Фаддей роди Ивана» — не введено, как не принадлежащее Пушкину.

Фаргат-беку. См. «Не плесняйся бранной славой».

«Феб и Геркулес». См. «Милый мой, сегодня».

Феодор и Елена. («... Стамат был стар и бесслен»). См. Песни западных славян.

Фиаал Анакреона («Когда на поклоненье»). [1816 г.; *авт. коп. 64 ЛБ*]. I 204

«Фиаалка в воздухе свой аромат дила». См. Нравоучительные четверостишия. Закон природы.

Филарету, московскому митрополиту. См. «В часы забав иль правдой скуки».

В. С. Филимонову, при получении поэмы его «Дурацкий колпак» («Вам музы, милые старушки»). [*Конек марта — нач. апреля 1828 г.; стих. 29, II*]. II 65

«Философ ранний, ты бежишь». См. Стансы Толстому.

«Философ резвый и пиит». См. К Батюшкову.

Философическая ода. См. Усы.

Фонарь («Друзья, не лучше ли на место фонаря») — не введено как не принадлежащее Пушкину.

«Фонтан любви, фонтан живой». См. Фонтану Бахчисарайского дворца.

Фонтану Бахчисарайского дворца («Фонтан любви, фонтан живой»). [1820 ? г.; 1824 ? г.; стих. 29, I]. I 292

Н. Форст. См. Наденьке.

Французским журналистам. См. Клеветникам России.

«Французских рифмачей суровый судия». [1833 г.; *авт. 74 ЛБ*]. II 256

Х

«Хаврониси! ругатель законный». См. Эпиграмма.

«Хвостовым некогда воспетая дыра». См. Надпись к воротам Екатерингофа.

Кж. Хованской. См. К** («Ты богоматерь, нет сомненья»).

«Ходил Стенька Разин». См. Песни о Стеньке Разине.

«Холоп венчанного солдата». См. На Стурдау.

«Хотел издать Ликурговы законы» — не введено, как

- не принадлежащее Пушкину.
- «Хотел я душу осветить». См. «Желал я душу осветить».
- «Хоть, впрочем, он поэт изрядный». [«Ты прав: хоть он поэт изрядный»]. [Перв. числа апреля 1821 г.; стих. 29, II]. I 298
- «Хоть тяжело подчас в ней бремя». См. Телега жизни.
- «Хотя стишки на именины». См. К имениннице.
- «Хочу воспеть, как дух нечистый ада». См. Монах.
- «Хочу я завтра умереть». См. Мое завещание. Друзьям.
- «Храни меня, мой талисман». [1827 г.; авт. БАН]. II 60
- «Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений». См. Царское Село.
- «Христос воскрес, моя Реввека». [Еврейке]. [12 апреля 1821 г.; авт. 67 ЛБ]. I 298
- «Христос воскрес, питомец Феба!». [Желание; Из письма]. [9 апр.? 1816 г.; Лои.]. I 508
- «Хромид в тебя влюблен». См. Дионея.
- «Художник-варвар кистью сонной». См. Возрождение.
- Художнику («Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую»). [25 марта 1836 г.; авт. БАН]. II 205

Ц

- «Царей потомок, Меценат». [Из Горация; Из «Мецената» Горация]. [1835? г.; авт. ПД]. II 265
- «Царица голосом и взором». См. Клеопатра.
- Царское село («Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений»). [1817? г. вторая половина года; авт. ПД]. I 431

- Царскосельская статуя («Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила»). [К статуе в Царском селе; Анфологическая эпиграмма]. [1 октября 1830 г.; ц. рук. стих. 32]. II 111
- Царь Никита. См. «Царь Никита жил когда-то».
- «Царь Никита жил когда-то». [Царь Никита]. [1822 г.; авт. 66 ЛБ]. I 457
- «Царь с царицею простился». См. Сказка о мертвой царице и о семи богатырях.
- «Царь увидел пред собой». [1833 г.; авт. 75 ЛБ]. II 257
- «Цветок любви». См. «Тому мгновенье».
- «Цветок засохший, безуханной». См. Цветок.
- Цветок («Цветок засохший, безуханной»). [1828 г.; стих. 29, II]. II 79
- «Цветы последние милей». [Последние цветы; В альбом П. А. Осиповой]. [16 октября? 1825 г.; авт. 7016 ЛБ]. I 398
- Цензору. См. Послание цензору.
- «Ценитель умственных творений исполнинских». [Козловскому]. [Август 1836 г.; авт. 84 ЛБ]. II 271
- Циклоп. См. «Язык и ум теряя разом».
- Цыганы. С английского («Над лесистыми брегами»). [1830 г.; ц. рук. стих. 32]. II 126

Ч

- Ч***ву. См. Чаадаеву («В стране, где я забыл»).
- Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет»). [К Чаадаеву; Ч***ву; К Чаадаеву]. [6 апреля, 20 апреля 1821 г.; стих. 29, I; Сын отечества

- 1821, № 35 и авт. 67
ЛБ). I 299
- Чаадаеву. С морского берега
Тавриды («К чему холо-
дные сомнения»). [К Ч***].
[Сентябрь? 1820 г.; стих.
29, Л. I 288
- Чаадаеву. См. К Ча-
адаеву («Любви, надежды,
тихой славы»); К портрету
Чаадаева.
- «Часто, часто я беседовал». См. Бова (Отрывок из поэмы).
- «Часы, протекшие в живом очаровании». См. «Вы, дни, [протекшие]».
- «Чего ж мечтатель моло-
дой» — не введено как от-
носящееся или к стих.
Свободы сеятель пусты-
ный или к стих. Демон.
- «Чем чаще празднует лицей». [Лицейская годовщина 1831 г.; 19 октября 1831 г.] [19 октября 1831 г.; авт. 77 А, ЛБ]. II 250
- Череп. Послание к Дельвигу («Прими сей череп, Дель-
виг: он»). [Послание к Д***]. [Октябрь — де-
кабрь 1827 г.; стих. 29, Л. II 53
- «Черна, как галка» — не вве-
дено как не принадлежа-
щее Пушкину.
- Черная шаль. Молдавская
песня («Гляжу как бе-
зумный на черную шаль»).
[14 ноября 1820 г.; стих.
29, Л. I 289
- «Черногорцы, что такое?». См. Песни западных славян. Бонапарт и черногорцы.
- Черное море. См. «Погасло дневное светило».
- «Черный ворон выбирал бе-
лую лебедушку». См. «Как
жениться задумал цар-
ский арап».
- Чернь («Поэт по лире вдох-
новенной»). [Ямб; Поэт
и толпа; Поэт и чернь].
[Январь — первая поло-
вина декабря 1828 г.;
стих. 29, Л. II 75
- [Чиновник и поэт] («Куда
вы? За город, конечно».)
[Неизв. и.; авт. БАН]. . . I 453
- «Чистотой, прислугой и пой-
лом». См. «Всем красны
боярские конюшни».
- «Чистый лоснится пол». См.
Подражания древним.
- «Что белеет на горе зеленой».
См. «Что белеется на горе
зеленой».
- «Что белеется на горе зеле-
ной». [«Что белеет на горе
зеленой»]. [1835 ? г.; авт.
ПД]. II 269
- «Что в имени тебе моем». В альбом. [Соб-ой; Со-
баньской; А. А. Оленн-
ной*]. [1829 и 1830 гг.;
ц. рук. стих. 32]. . . . II 77
- «Что в разъездах бей Янко
Марнавич». См. Песни
западных славян. Янко
Марнавич.
- «Что восхитительней, живей». См. В. Л. Пушкину.
Отрывок.
- «Что дружба? Легкий пыл
похмелья». См. Дружба.
- «Что ж нового?» — «Ей богу
ничего». См. Любопыт-
ный.
- «Что же? будет ли вино?». [К
брату; Из письма к бра-
ту]. [Перв. пол. декабря
1824 г.; авт. 70 ЛБ]. . . I 472
- «Что козырь?» — Черви —
«Мне ходить». [«Кто там? —
Здорово, господа»; «Я да-
мой крою»; «Так вот до-
тей земных изгнанье»;
«Сегодня бал у Сатаны»;
Отрывки из адской поэ-
мы]. [1825 г.; авт. 70 ЛБ]. I 477
- «Что можем наскоро стихами
молвить ей?». См. К. А.
Б***.

«Что не конский топ». См.
Песни о Стеньке Разине.
«Что с тобой, скажи мне,
братец». [1825 ? г.; авт.
БАН]. I 482

«Что смолкнул веселия глас». См. Вакхическая песня.
«Что-то гремит Боратын-
ский». [Неизв. и. Анн.
VII, 83]. II 289

«Что ты, девица, грустна». См. Баллада.
«Что ты ржешь, мой конь
ретивый». См. Песни за-
падных славян. Конь.

«Чу, пушки грянули» — не
введено как относящееся
к «Медному всаднику».
«Чугун кагульский, ты свя-
щен». [1821 г. — 1822 г.;
авт. 64 ЛБ]. I 461

«Чудесный ангел, гений мой»
— не введено как относя-
щееся к наброску «Она
цвела передо мною».

«Чудесный жребий совершил-
ся». См. Наполеон.

«Чья мысль востаргом уга-
дала». См. Недоконченная
картина.

Ш

Ш***ву. См. Шишкову
(«Шалун, увенчанный
Эратой и Венерой»).

Шалость. См. Бесы.

Шалость. См. «Румяный кри-
тик мой, насмешник тол-
стопузой».

«Шалун, увенчанный Эратой
и Венерой». См. Шишко-
ву и К. Шишкову.

Гр. Д. Н. Шереметеву. См. На
выздоровление Лукулла.

Шишкову («Шалун, увенчан-
ный Эратой и Венерой».
[Ш***ву]. [1825 ? г. не
позднее июля; стих. 29,
I]. I 411

Шишкову. См. К Шишкову
(«Певец, увенчанный Эра-
той и Венерой»).

«Шляпа ё розамй». [«Так,
Маша, это точно он! Не
правда ль?»; «Так точно!
Это он»]. [Январь — но-
ябрь 1819 г.; авт. 64 ЛБ]. I 484

Е. Шот-Шедель. См. Выздо-
ровление.

Шотландская песня. См. «Во-
рон к ворону летит».

«Штабс - капитану, Гете,
Грею». [Жуковскому]. [Ав-
то? 1817 г.; Русс. ст.,
1897 г., № 2]. I 511

«Шумит кустарник. На утес».
[«Глядит на светлые
края»]. [1829 ? г.; авт. 67
ЛБ]. II 239

Щ

«Щастлив, кто близ тебя, лю-
бовник упоенный». См.

«Счастлив, кто близ тебя,
любовник упоенный»,
М. А. Щербинину. См. К

Щербинину.

Э

Эвлега («Вдали ты зришь
утес уединенный»).
[1814 ? г.; Мат.]. I 120

П. И. Эгельстрому. См. Ф. Ф.
Эгерштрому.

Ф. Ф. Эгерштрому («О Эгер-
штром, я восхищенный».
[Эгельстрому]; Послание
П. И. Эгельстрому. [Ко-
нец октября — ноябрь
1828 г.; Анн. VII]. II 286

«Эй брат, я говорю тебе в по-
сledний раз». См. III т.

М. Е. Эйхфельдт («Ни
блеск ума, ни стройность
платья»). [1821 г.; Мо-
сквит 1830, № 1]. I 520

Экспромпт. См. Кн. П. А. Вя-
земскому («Зачем забыв-
ши славу»).

Экспромпт. См. «И останешь-
ся с вопросом».

- Экспромпт. См. «Писать я не умею».
- Экспромпт. См. «Саранча летела».
- Экспромпт на А. См. Экспромпт на Огареву.
- Экспромпт на Агареву. См. Экспромпт на Огареву.
- Экспромпт на сестру. См. «Семейственной любви».
- Экспромпт на Огареву («В молчаньи пред тобой сижу»). [Экспромпт на А. Экспромпт на Агареву]. [1816 ? г.; *Мат.*] . . . I 230
- Элегический отрывок. См. Гроб юноши.
- Элегический отрывок. См. «Поедем, я готов; куда бы, вы друзья».
- Элегия («Безумных лет угасшее веселье»). [8 сентября 1830 г.; *стих. 35*] . . . II 110
- Элегия («Воспоминаньем упоенный»). [К Кагульскому памятнику]. [30 марта 1819 г.; *авт. п. 67 ЛБ*]. I 434
- Элегия («Опять я ваш, о юные друзья»). [1816 г.; *авт. коп. 64 ЛБ*]. . . . I 214
- Элегия («Счастлив, кто в страсти сам себе»). [1816 г.; *авт. коп. 64 ЛБ*] . . . I 211
- Элегия («Я видел смерть; она в молчаньи села»). [Подражание]. [1816 г.; *авт. 64 ЛБ*]. . . . I 215
- Элегия («Я думал, что любовь погасла навсегда»). [1816 г.; *авт. коп. 64 ЛБ*]. . . . I 210
- Элегия. См. Желание славы.
- Элегия. См. «Люблю ваш сумрак неизвестный».
- Элегия. См. «Мой друг, забыты мной».
- Элегия. См. «Погасло дневное светило».
- Элегия. См. «Под небом голубым».
- Элегия. См. «Простишь ли мне ревнивые мечты».
- Элегия. См. «Редает облаков летучая гряда».
- Элегия. См. «Увы, зачем она бланстага».
- Элегия. См. «Я пережил свои желанья».
- Элегия (Из поэмы «Кавказ»). См. «Я пережил свои желанья».
- Элегия на смерть Анны Львовны («Ох, тетенька! ох, Анна Львовна»). [20—26 апр. 1825 г.; *ЦА*] . . . I 494
- Элегия на смерть Ризнич. См. «Под небом голубым».
- «Эллеферия, пред тобой». («Гречанка, прелесть, пред тобой»; «Гречанка, я люблю тебя»). [*Апрель — май? 1821 г.; авт. 65 ЛБ*] I 447
- «Эльвина, милый друг, пруди, подай мне руку». См. К ней.
- В. В. Энгельгардту («Я ускользнул от Эскулапа»). [NN. Из письма]. [*Конек июня—начало июля 1819 г.; стих. 29, I, Анн. VII*] I 263
- Эпиграмма («Ариэт нам обещал трагедию такую»). [1814 г.; *Росс. музей, 1815 г., № 1*] I 104
- Эпиграмма («Бывало прежних лет герой»). [На Рыбушкина]. [*Январь—нач. июня 1815 г.; Росс. музей, 1815 г., № 6*] I 146
- Эпиграмма («В жизни мрачной и презренной»). [На Ф. И. Толстого]. [1818 г.—первое числа мая 1820 г.; *авт. ПБЛ*] I 291
- Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко»). [*Февраль—первая половина марта 1829 г.; Москов. телегр. 1829 г., № 7*] . . . II 64
- Эпиграмма («Как брань тебе не надоела»). [1820 г.; *стих. 29, II*] I 291
- Эпиграмма («Когда б писать

- ты начал едуру»). [1820 г.; авт. ПБА] I 291
- Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес»). [На Надеждина]. [Втор. половина августа — первая половина декабря 1829 г.; «Сев. цв. на 1830 г.】 . . . II 97
- Эпиграмма («Не то беда, Авдей Флюгарин»). [«Не то беда, Фаддей Булгарин»]. [Октябрь? 1830 г.; Денница 1831 г.] . . . II 123
- Эпиграмма («Оставя честь судьбе на произвол»). [1821 г.; авт. 67 ЛБ] . . . I 315
- Эпиграмма («Поверь мне, быть тебе Панглосом»). [«Лечись, иль быть тебе Панглосом»]. [1821 г.; авт. 65 ЛБ] I 317
- Эпиграмма («Седой Свистов! ты царствовал со славой»). [Арзамаская эпиграмма. «Седой Хвостов! ты царствовал со славой»]. [1829 ? г.; не позднее первой пол. декабря; «Сев. цв. на 1830 г.】 II 101
- Эпиграмма («Там, где доевний Кочерговский»). [Эпиграмма на Каченовского]. [Январь — первая половина апреля 1829 г.; Моск. телегр. 1829 г., № 8]. . . II 85
- Эпиграмма («Хаврониос! ругатель закоснелый»). [На Каченовского]. [1820 г.; авт. ПБА] I 291
- Эпиграмма. См. «Аптеку позабудь ты для венков лавровых».
- Эпиграмма. См. «К. Г. со мною незнаком».
- Эпиграмма. См. «Как сатирой безымянной».
- Эпиграмма. См. На Булгарина.
- Эпиграмма. См. «Надеясь на мое презренье».
- Эпиграмма. См. Несчастье Клиты.
- Эпиграмма. См. «Припадками болезни женской».
- Эпиграмма. См. «У Кларисы денег мало».
- Эпиграмма. Из Антологии («Лук звенит, стрела трещит»). [На А. Н. Мусавьева]. [7—9 марта 1827 г.; Моск. вест. 1827 г., ч. II, № VII] . . . II 48
- Эпиграмма на Каченовского («Клеветник без дарования»). [1821 г.; авт. 1254 ЛБ] I 315
- Эпиграмма на Каченовского («Обиженный журналами жестоко»). См. Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко»).
- Эпиграмма на Каченовского. См. Литературное известие.
- Эпиграмма на Каченовского. См. Эпиграмма («Там, где древний Кочерговский»).
- Эпиграмма на А. М. Колосову («Всё пленяет нас в Эфирии»). [На А. М. Колосову]. [Первая половина января 1819 г.; Русс. стар. 1879 г.; № 6] . . . I 516
- Эпиграмма на поэму кн. С. А. Ширинского-Шихматова. См. «Пожарский, Минин, Гермоген».
- Эпиграмма на Пучкову («За чем об инвалидной доле») — не введено, как не принадлежащее Пушкину.
- Эпиграмма на гр. А. К. Разумовского. См. На гр. А. К. Разумовского.
- Эпиграмма на смерть стихотворца («Покойник Клит в раю не будет»). [Эпитафия; На смерть стихотворца]. [1816 г.?; Север. набл. 1817 г., № 2] . . . I 231
- Эпиграмма на кн. П. И. Шаликова («Князь Шаликов, газетчик наш печаль».

ный»). [15 мая 1827 г.: *Речь* 1911 г., № 9] . II 280

Эпиграмма. Подражание французскому («Супругою твоей я так пленился») [1814 г.; *Росс. музеум* 1815 г., № 1] I 105

Эпиграммы во вкусе древних.

См. Красавица перед зеркалом; Нереида; «Редает облаков летучая гряда».

Эпитафия («Здесь Пушкин погребен»). См. Моя эпитафия.

Эпитафия. См. Эпиграмма на смерть стихотворца.

Эпитафия младенцу кн. Н. С. Волконскому («В сиянии и в радостном покое»). [*Конец января — май? 1828 г.; Анн. VII*] . II 285

«Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пенея». См. Рифма.

Эхо («Ревет ли зверь в лесу глухом»). [Из Томаса Мура]. [*Январь—сентябрь 1831 г.; ц. рук. стих. 32*] II 133

Ю

П. М. Юдину. См. Послание к Юдину.

Юдифь, См. «Когда владыка ассирийский».

Юноша. См. Сафо.

«Юноша, полный красы, напряженья, усилия чуждый». См. На статую играющего в свайку.

«Юноша! скромно пируй и шумную Вахову влагу». [2 янв. 1833 г.; *авт. БАН*] II 188

«Юноша трижды шагнул, наклонился рукой о колено». См. На статую играющего в бабки.

«Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила». [1835 г.; *авт. ПД*] . . . II 202

Юрьеву («Любимец ветреных Лаис»). [К Ю...у].

[*Январь — июнь 1818 г.; печат. лист ПД*] . . . I 263

Ф. Ф. Юрьеву. См. К Ф. Ф. Юрьеву.

Кн. Н. Б. Юсупову. См. К вельможе.

Я

«Я был рожден для наслаждения» — не введено как относящееся к стих. Алексееву («Мой милый, как несправедливы»).

«Я был свидетелем златой твоей весны». [1825 г.; *авт. 70 ЛБ*] I 478

«Я вас любил: любовь еще, быть может». [*Январь — первая половина ноября 1829 г.; ц. рук. стих. 32*] II 94

«Я вас люблю, — хоть я бешусь». См. Признания (К А. И. Осиповой).

«Я вас узнал, о мой оракул». См. Ответ.

«Я верю; я люблю; для сердца нужно верить». См. Дорида.

«Я видел Азию бесплодные пределы». [*Вторая половина 1820 г.; авт. ПБА*] I 440

«Я видел вас, я их читал». См. Е. А. Тимашевой.

«Я видел, как она при мне». См. «Она цвела передо мною».

«Я видел смерть; она в молчаньи села». См. Элегия.

«Я вокруг Стурдзы хожу». См. На А. С. Стурдзу («Вкруг я Стурдзы хожу»).

«Я влюблен, я очарован». [*Март?—29 апр. 1830 г.; А. Н. Муравьев. «Знакомство с русскими поэтами», 1871 г.*] II 289

«Я возмужал и кажется навек». См. «Я возмужал среди печальных бурь».

«Я возмужал среди печаль-

- ных бурь». [«Я возмужал и кажется навек»]. [1835 г.; авт. 84 ЛБ] II 270
- «Я говорил пред холодной толпой» — не введено как относящееся к стих. «Ты прав, мой друг».
- «Я говорил тебе: страшися девы милой». См. Дева.
- «Я дамой крою». См. «Что козырь?» — Черви. — «Мне ходить».
- «Я думал, сердце позабыло». [1835 ? г.; авт. 84 ЛБ] . II 263
- «Я думал, что любовь погасла навсегда». См. Элегия.
- «Я ехал к вам: живые сны». См. Приметы.
- «Я жду обещанной тетради». См. Боратынскому.
- «Я здесь, Инезиаль». [Сереанада]. [9 октября 1830 г.; авт. БАН] II 113
- «Я знаю край: там на берега». [1827 ? г.; авт. БАН] II 224
- «Я знаю, Лидинька, мой друг». См. Платоническая любовь.
- «Я Лилу слушал у клавира». См. Слово милой.
- «Я люблю вечерний пир». См. Веселый пир.
- «Я мало жил и наслаждался мало». См. «Не угрожай ленивому молодому».
- «Я не видал негодней смеси». См. «К. Г. — со мною не знаком».
- «Я не дремал». [Отрывок]. [Октябрь 1824 г.; авт. 70 ЛБ] I 487
- «Я не любил альбомов модных». См. И. В. Сленину.
- «Я не рожден святыню словословить». См. Начало первой песни «Девственности».
- «Я не совсем еще рассудок потерял». См. Дяде, назвавшему сочинителя бра- том.
- «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». [Памятник]. [21 августа 1836 г.; авт. 84 ЛБ] II 209
- «Я пережил свои желанья». [Элегия; Элегия (Из поэм «Кавказ»)]. [22 февраля 1821 г.; стих. 29, 1] . I 295
- «Я помню деву юности прелестной» — не введено как относящееся к стих. «В начале жизни школу помню я».
- «Я помню чудное мгновенье». См. К. А. П. Керн.
- «Я прав, он виноват; решите». См. Куплеты на слова «Никак нельзя — ну, так и быть».
- «Я сам в себе уверен». [Сентябрь 1816 г. — май 1817 г.; Щерб.] I 513
- «Я слушаю тебя и сердцем молодею». См. «Цевец-гусар, ты пел биваки».
- «Я ускользнул от Эскулапа». См. В. В. Энгельгардту.
- «Язывительный поэт, остряк замысловатый». См. Кн. П. А. Вяземскому.
- «Язык и ум теряя разом». [Циклоп]. [1 января 1830 г.; авт. ПД] II 102
- «Языков, кто тебе внушил». См. К. Языкову.
- Н. М. Языкову. См. К. Языкову («К тебе сбился я давно»); К. Языкову («Издревле сладостный союз»).
- М. Л. Яковлеву. См. Из письма к М. Л. Яковлеву.
- Ямб. См. Чернь.
- Янко Марнавич. («Что в разъездах бей Янко Марнавич»). См. Песни западных славян.
- Яныш королевич. («Полубил королевич Яныш»). См. Песни западных славян.
- * * («Люблю ваш сумрак неизвестной»). См. «Люблю ваш сумрак неизвестной».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.		Стр.
1826		530. Ответ Ф. Т***. «Нет, не черкешенка она»	46
515. К Боратынскому. «Стих каждый повести твоей» .	35	1827	
516. В альбом Е. Н. Вульф. «Вот, Зина, вам совет: играйте»	35	531. В Сибирь. «Во глубине сибирских руд»	47
517. «Под небом голубым страны своей родной» .	35	532. Соловей. «В безмолвии садов, весной, во мгле ночей»	47
518. Из Ариостова «Orlando Furioso». Canto XXIII, ott. 100. «Пред рыцарем блесит водами»	36	533. Эпиграмма. Из Антологии. «Лук звенит, стрела трепещет»	48
519. «Так море, дрезний душегубец»	39	534. В альбом кн. П. П. Вяземскому. «Здравствуй, друг мой Паве»	48
520. К Языкову. «Языков, кто тебе внушил»	40	535. Русскому Геснеру. «Куда ты холоден и сух» . . .	48
521 — 523. Песни о Стеньке Разине. «Как по Волге реке, по широкой» . . .	40	536. «Есть роза дивная: она» .	49
«Ходил Стенька Разин» .	41	537. Ек. Ник. Ушаковой. «Когда, бывало, в старину»	49
«Что не конский топ, не людская молвь»	42	538. Княгине З. А. Волконской. «Среди рассеянной Москвы»	49
524. Пророк. «Духовной жаждою томим»	42	539. Ек. Н. Ушаковой. «В отдалении от вас»	50
525. Е. А. Тимашевой. «Я видел вас, я их читал» . .	43	540. К Языкову. «К тебе сбирался я давно»	50
526. К С. Ф. Пушкиной. «За чем безвременную скуку»	43	541. Арион. «Нас было много на челне»	51
527. И. И. Пущину. «Мой первый друг, мой друг бесценный»	44	542. Три ключа. «В степи мирской, печальной и безбрежной»	51
528. Стансы. «В надежде славы и добра»	44	543. Поэт. «Пока не требует поэта»	52
529. Зимняя дорога. «Сквозь волнистые туманы» . .	45		

	Стр.		Стр.
544. «Близ мест, где царствует Венеция златая». <i>Перевод неизданных стихов из Андрея Шенье</i>	52	561. Ты и вы. «Пустое вы сердечным ты»	67
545. 19 октября 1827 г. «Бог помочь вам, друзья мои»	53	562. 26 мая 1828 г. «Дар напрасный, дар случайной»	67
546. Череп. «Прими сей череп, Дельвиг! он»	53	563. «Кобылица молодая»	68
547. Талисман. «Там, где море вечно плещет»	57	564. Н. Д. Киселеву. «Ищи в чужом краю здоровья и свободы»	68
548. Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной. «Земли достигнув, наконец»	58	565. Портрет. «С своей пылающей душой»	68
549. Ангел. «В дверях эдема ангел нежный»	59	566. Наперсник. «Твоих признаний, жалоб нежных»	68
550. П. А. Плетневу. «Не мысля гордый свет забавить»	59	567. «Счастлив, кто избран своенравно»	69
551. «Храни меня, мой талисман»	60	568. Предчувствие. «Снова тучи надо мною»	69
552. Из Alfieri. «Сомненье, страх, порочную надежду»	60	569. Утопленник. <i>Простонародная сказка</i> . «Прибежали в избу доти»	70
553. Золото и булат. «Всё мое, сказало злато»	61	570. «Ворон к ворону летит». <i>Шотландская песня</i>	72
554. «Не знаю где, но не у нас»	61	571. 19 октября 1828. «Усердно помолவிшись богу»	73
1828		572. Анчар. «В пустыне чажлой и скупой»	73
555. Стансы. «Нет, я не льстец, когда царю»	62	573. Ответ Катенину. «Напрасно, пламенный поэт»	74
556. Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков». «Так элегическую лиру»	63	574. Ответ А. И. Готовцевой. «И недоверчиво и жадно»	75
557. «Сто лет минуло, как гевтон»	64	575. «За Netty сердцем я летаю»	75
558. В. С. Филимонову, при получении поэмы его «Дурацкий колпак». «Вам музы, милые старушки»	65	576. Чернь. «Поэт по мире вдохновенной»	75
559. To Dawe, esq-r. «Зачем твой дивный карандаш»	66	577. И. В. Сленину. «Я не люблю альбомов модных»	77
560. Воспоминание. «Когда для смертного умолкнет шумный день»	66	578. «Каков я прежде был, таков и ныне я». <i>Отрывок из Андрея Шенье</i>	78
		579. «Город пышный, город бедный»	78
		580. Ее глаза. В ответ на стихи князя Вяземского. «Она мила — скажу между нами»	78
		581. «Не пой, красавица, при мне»	79
		582. Цветок. «Цветок засохший, безуханной»	79
		583. К Каверину. 1817. «За-	

	Стр.		Стр.
будь, любезный мой Каверин»	80	603. Дорожные жалобы. «Долго ль мне гулять на свете»	90
584. Любопытный. «Что нового? — «Ей-богу ничего»	81	604. «Как сатирой безымянной». Эпиграмма	91
1829		605. Обвал. «Дробясь омраченные скалы»	91
585. Ел. Н. Ушаковой. «Вы избалованы природой» .	82	606. «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю» .	92
586. «Подъезжая под Ижоры»	82	607. Зимнее утро, «Мороз и солнце; день чудесный»	93
587. Приметы. «Я ехал к вам: живые сны»	83	608. «Я вас любил: любовь еще, быть может» . . .	94
588. Литературное известие. «В Элизии Василий Тредьяковский»	84	609. Загадка. «Кто на снегах возматил Феокритовы нежные розы»	94
589. Эпиграмма. «Журналами обиженный жестоко» . .	84	610. Легенда. «Был на свете рыцарь бедный»	95
590. «Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций»	84	611. Эпиграмма. «Мальчишка Фебу гимн полнес» . .	97
591. Эпиграмма. «Там, где древний Кочерговский» .	85	612. Олег в щит. «Когда ко граду Константина» . .	97
592. Калмычке. «Прощай, любезная калмычка» . . .	85	613. «Предм, я готов; уда бы вы, друзья». Элегический отрывок	97
593. «На холмах Грузии лежит ночная мгла». Отрывок	86	614. «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Станцы	98
594. «Не плещяйся бранной славой». Из Гафиза . . .	86	615. Делибаш. «Перестрелка за холмами»	99
595. Сапожник. Притча. «Картину раз выматривал сапожник»	86	616. Собрание насекомых. «Мое собрание насекомых»	100
596 — 597. На картинке к «Евгению Онегину». «Вот перешед чрез мост Кокушкин»	87	617. «Когда твои молодые лета»	100
«Солонок чернеет сквозь рубашку»	87	618. «Что в имени тебе моем». В альбом	101
598. «Счастливы ты в прелестных дурах»	87	619. Эпиграмма. «Седой Свистов! ты царствовал со славой»	101
599. Кавказ. «Кавказ подмною. Один в вышине» .	88	1830	
600. Монастырь на Казбеке. «Высоко над семью гор»	88	620. «Язык и ум теряя разом» .	102
601. К бюсту завоевателя. «Напрасно видишь тут ошибку»	89	621. Ответ. «Я вас узнал, о мой оракул»	102
602. Дон. «Бледа среди полей широких»	89	622. «В часы забав иль праздной скуки». Станцы . .	103
		623. На Булгарина. «Не то беда, что ты поляк» . .	103
		624. Сонет. «Суровый Дант не	

	Стр.
презирал сонета». <i>Сонет</i>	104
625. К вельможе. «От северных оков освобожда мир»	104
626. Поэту. «Поэт, не дорожи любовью народной» <i>Сонет</i>	107
627. Мадонна. «Не множеством картин старинных мастеров». <i>Сонет</i>	108
628. Новоселье. «Благословляю новоселье»	108
629. Бесы. «Мчатся тучи, выются тучи»	108
630. Элегия. «Безумных лет угасшее веселье»	110
631. Ответ анониму. «О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенъе»	111
632. Царскосельская статуя. «Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила»	111
633. «В последний раз твой образ милой»	112
634. Паж или пятнадцатый год. «Пятнадцать лет мне скоро минет»	112
635. «Я здесь, Инезилья»	113
636. «Румяный критик мой, насмешник толстопузой»	114
637. Отрок. «Невод рыбака растяла по берегу студеного моря»	115
638. Рифма. «Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеней»	115
639. Моя родословная. «Смеясь жестоко над братом»	115
640. «Стамбул гяуры нынче славят»	118
641. Заклинание. «О, если правда, что в ночи»	120
642. Герой. «Да, слава в прихотях вольна»	120
643. Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы. «Мне не спится, нет огня»	123

	Стр.
644. Эпиграмма. «Не то беда, Авдей Флюгарин»	123
645. На перевод Илиады. «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи»	123
646. «Для берегов отчизны дальней»	123
647. Труд. «Миг возделенный настал: окончен мой труд многолетний»	124
648. «Пред испанкой благородной»	124
649. «Пью за здравие Мерии». <i>Песня</i>	125
650. «Глухой глухого звал к суду судьи глухого»	126
651. Цыганы. «Над лесистыми берегами». <i>С английского</i>	126
652. «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением»	126

1831

653. Клеветникам России. «О чем шумите вы, народные витии»	128
654. Бородинская годовщина. «Великий день Бородина»	129
655. «Перед гробницею святой»	132
656. Эхо. «Ровет ли зверь в лесу глухом»	133

1832

657. Мальчику. (Из Катулла). «Пьяной горечью Фалерна»	134
658. В альбом А. О. Смирновой. «В тревоге пестрой и бесплодной»	134
659. В альбом кн. А. Д. Абамелек. «Когда-то (помню с умилением)»	135
660. Красавица. В альбом гр. Е. М. Завадовской «Всё в ней гармония, всё диво»	135

	Стр.
661. В альбом. «Гонимый рока самовластьем»	136
662. К ***. «Нет, нет, не дол- жен я, не смею, не могу»	136
663. В альбом. «Долго сиз лослов заветных»	136
664—679. Песни западных славян. Видение короля. «Король ходит больши- ми шагами»	137
Янко Марнович. «Что в разъездах бей Янко Мар- нович»	143
Би вау Зетицы-Великой. «Рад твой поднял желтое знамя»	144
Феодор и Елена. «Ста- мат был стар и бесси- лен»	146
Влаха в Венеции. «Как покинула меня Пара- сковья»	149
Гайдук Христинич. «В пе- щере, на острых камен- ях»	150
Похоронная песня Иа- кинфа Маглановича. «С богом в дальнюю до- рогу»	151
Марко Якубович. «У во- рот сидел Марко Яку- бович»	152
Бонапарт и черногорцы. «Черногорцы? что та- кое?»	154
Соловей. «Соловей мой, соловейко»	156
Песня о Георгии Черном. «Не два волка в овраге грызутся»	157
Воевода Милош. «Над Сербией смилуйся ты, боже»	158
Вурдалак. «Трусоват был Ваня бедный»	159
Сестра и братья. «Два дубочка вырастали ря- дом»	160
Яныш королевич. «Полю- бил королевич Яныш»	163

	Стр.
Конь. «Что ты ржешь, мой конь ретивый»	166

1833

680. Гусар. «Скребицей чи- стил ты коня»	173
681. «Когда б не смутное вле- чение»	177
682. Воевода. «Поздно ночью из похода»	177
683. Будрыс и его сыновья. «Три у Будрыса сына, как и он, три литвина»	179
684. Осень. Отрывок. «Ок- тябрь уж наступил — уж роща отряхает»	181
685. Речословная моего героя. (Отрывок из сатириче- ской поэмы). «Начнем авось мой Езерский»	184
686—687. Подражания древ- ним. «Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают»	187
«Славная флейга, Феон, здесь лежит. Проводи- теля хоров»	188
688. Вино. «Злое дитя, старик молодой, властелин до- бронзанный»	188
689. «Юноша, скромно пируй, и шумную Вакхову вла- гу»	188
690. «Бог веселый виногра- да»	188
691. Отрывок. «Не розу па- фосскую»	189
692. «Не дай мне бог сойти с ума»	189
693. «Сват Иван, — как пить мы станем»	190

1835

694. (Из Анакреона). Отры- вок. «Узнают коней ре- тивные»	192
695. Ода LVI (Из Анакреона). «Поредел, побелел»	192

	Стр.		Стр.
696. Ода LVII. «Что же сухо в чаше дно»	193	709. Художнику. «Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую» . . .	205
697. Полководец. «У русского царя в чертогах есть палата»	193	710. (Пображение итальянскому). «Как с древа сорвался предатель - ученик»	206
698. Туча. «Последняя туча рассеянной бури» . . .	195	711. Мирская власть. «Когда великое свершалось торжество»	206
699. Из А. Шенье. «Покров, упитанный язвительною кровью»	195	712. Из Пиндемонте. «Не дорого ценю я громкие права»	207
700. Странник. «Однажды странствуя среди долины дикой»	195	713. «Отцы пустынноики и жены непорочны»	207
701. «Вновь я посетил» . . .	198	714. «Когда за городом, задумчив, я брожу»	208
702. На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому. «Ты угасал, богач младой»	199	715. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» . . .	209
703. Пир Петра Первого. «Над Неввою резвю вьются» . .	201	716 — 717. На статую играющего в свайку. «Юноша, полный красоты, напряженья, усилия чуждый» .	210
704. «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила»	202	На статую играющего в бабки. «Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено» . .	210
705. «Кто из богов мне возвратил»	203		
706. «От меня вечер Леила» .	203		
707. Подражание арабскому. «Отрок милый, отрок нежный»	204		

1836

708. Д. В. Давыдову. (При посылке «Истории Пуга-

1830-е годы

718. «Забыв и рошу и свободу» 210

НЕОКОНЧЕННОЕ И НЕОТДЕЛАННОЕ

	Стр.		Стр.
1826		1827	
719. Из письма к И. Е. Велькопольскому. «С тобой мне вновь считаться довелось»	212	723. Из письма к Н. С. Алексееву «Прощай, отшельник бессарабской» . . .	214
720. «Едва уста красноречивы»	212	724. «Будь подобен полной чаше»	215
721. Из письма к С. А. Соболевскому. «У Гальяни иль Кольони»	213	725. «В еврейской хижине лампада»	216
722. «Как счастлив я, когда могу покинуть»	213	726. «О ты, который сочетал» . .	216
		727. Кипренскому. «Любимец моды легкрылой» . .	217

	Стр.		Стр.
728. «Толпа холодная поэта окружала»	217	750. «В прохладе сладостной фонтанов»	231
729. «Какая ночь! Мороз тре- скаучий»	217	751. «Когда Погемкину в по- темках»	232
730. «Сводя грустно за сто- лом»	219		
731. «Блажен в златом кругу вельмож»	221		
732. «В рощах карийских, лю- безных ловцам, таится пещера»	221		
733. Няне. «Подруга дней мо- их суровых»	222		
734. «Кто знает край, где небо блещет»	222		
735. «Я знаю край: там на берега»	224		
736. «Когда так нежно, так сердечно»	224		

1828

737. «[Еще дуют холодные ветры]»	225	752. «Как быстро в поле, вкруг открытом»	232
738. «[Увы! язык любви болт- ли ой»	225	753. «Благословен и день и час»	232
739. «Волненьем жизни уто- мленный»	226	754. «Благословен твой новый путь»	232
740. «В степях зеленых Буд- жака»	226	755. «Критон, роскошный гра- жданин»	233
741. Из письма к кн. П. А. Вяземскому. «А в не- настные дни»	226	756. «Зорю быют... из рук моих»	233
742. «Вези, вези, не жалей»	227	757. «Полюби меня, деица»	234
743. «Рифма — звучная под- руга»	227	758. «Стрекотунья-белобока»	234
744. «Всем красны боярские конюшья»	229	759. «Был и я среди дон- цов»	234
745. «Уродился я, бедный не- доносок»	230	760. «Зачем, Елена, так пугли- ва»	234
746. «Брадатый староста Ав- дей»	230	761. «О, сколько нам откры- тий чудных»	235
747. «В рюмке светлой предо мною»	230	762. Воспоминания в Царском Селе. «Воспоминаньями смущенный»	235
748. «Лищинский околед, — отечеству беда»	230	763. «Сей белокаменный фон- тан»	236
749. «Покойник, автор сухоша- вый»	231	764. «Надеясь на мое пре- зрень»	236
		765. «Еще одной высокой, важ- ной песни»	237
		766. «Меж горных рек несется Терек»	238
		767. «И вот ущелье мрачных скал»	238
		768. «Страшно и скучно»	238
		769. «Шумиг кустарник.. На утес»	239
		770. «В журнал совсем не ев- ропейский»	239
		771. «Авдотья Яковлевна пах- нет»	239
		772. «Мы наслаждение удво- ем»	240
		773. «День блаженства настоя- щий»	240
		774. «Дева, - - -»	240

1830

775. К переводу Илиады.
«Крив был Гнедич поэт» 240
776. «В начале жизни школу
помню я» 240
777. «Мы рождены; мой брат
названный» 242
778. «Когда порой воспомина-
ние» 243
779. «Тебя взову на томной
лире» 244
780. «Встань, о Греция, вос-
стань» 244
781. «Опять увенчаны мы сла-
вой» 244
782. «С Гомером долго ты бе-
седовал один» 245
783. «Как весной теплою по-
рою» 245
784. «Надо мной в лазури яс-
ной» 248
785. «Стою печален на клад-
бище» 248
786. Мёдок. (Мёдок в Уллах.)
«Попутный веет ветр. —
Идет корабль» 248
787. «Зачем я ею очарован» 249
788. «Женись». — На ком? —
«На Вере Чацкой» 249

1831

789. «Ну, послушайте, дети:
жил-был в старые годы» 250
790. Из письма к кн. П. А.
Вяземскому. «Любезный
Вяземский, поэт и ка-
мергер» 250
791. Из письма к А. О. Рос-
сет. «От вас узнал я
плен Варшавы» 250
792. «Чем чаще празднует ли-
цей» 250
793. «Когда в объятия мои» 252
794. Из письма к М. Л. Яко-
влеву. «Смирдин меня в
беду поверг» 252
795. «Два чувства дивно близ-
ки нам» 252
796. «Так старый хрыч цыган
Илья» 253

1832

797. «Желаю я душу освес-
жить» 253
798. «И дале мы пошли — и
страх обнял меня» 253

1833

799. «В славной в Муромской
земле» 255
800. «Колокольчики звенят» 255
801. «Толпа глухая» 256
802. «Французских рифмачей
суровый судья» 256
803. «Царь увидел пред со-
бой» 257
804. «В поле чистом серебрят-
ся» 257
805. «Напрасно я бегу к сион-
ским высотам» 258
806. «На это скажут мне с
улыбкою неверной» 258

1834

807. «Он между нами жил» 258
808. «Везувий зев открыл —
дым хлынул клубом —
пламя» 259
809. «За горами, за лесами» 259
810. «Ты просвещением свой
разум осветил» 259

1835

811. «Если ехать вам слу-
чится» 260
812. «Осердился Георгий [Пет-
рович]» 261
813. «Когда владыка ассирий-
ский» 261
814. «В мои осенние досуги» 262
815. «Я думал, сердце поза-
было» 263
816. «О бедность. Затвердил
я наконец» 263
817. «Альфонс садится на ко-
ня» 264
818. «Царей потомок, Меде-
ята» 265

	Стр.		Стр.
819. «На Испанию родную» .	266	826. «Была пора: наш праздни-	
820. «Что белеется на горе		ник молодой»*.	272
зеленой»	269	827. «Не видала ль, девица» .	274
821. «Одни стихи ему чита-		828. «Пора, мой друг, пора!	
ла»	270	[покая] сердце просит» .	274
822. «В [младенчестве моем			
бессмысленно лукавом]» .	270		
823. «Я возмужал [среди] пе-			
чальных бурь»	270		

1836

824. «От западных морей до	
самых врат восточных» .	271
825. «Ценитель умственных	
творений исполкиских» .	271

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ

	Стр.		Стр.
	1828		1829
833. «Символы верности лю-		838. «Трудясь над образом пре-	
бя»	276	лестной Ушаковой» . .	277
834. «То было вскоре после			
боя»	276		
835. «[Проснулся я, — а небо-			
склон]»	276		
836. «На разность утренних			
одежд»	277		
837. «[Пока в нас сердце зами-			
рает]»	277		

1830

839. «Тому мгновенье» . . .	277
840. «В пустыне»	277
841. «Стрелый свет»	277

1830-е годы

842. «За все заботы и досады»	277
-------------------------------	-----

КОЛЛЕКТИВНОЕ.

	Стр.		Стр.
	1826		
843—853. Нравоучительные		Мстительность («Пчела	
четверстопишия		ужалила медведя в лоб) .	278
Разнозвездие («О мирный		Непоколебимость («Поз-	
селянин! В твоём жили-		най, светлейший лез, смя-	
ще нет»)	278	тения вину»)	279
Верное предсказание		Сила и слабость («Орел	
(«Пройдет ли мой ве-		бьет сокола, а сокол	
дуг?—лев у осла спро-		бьет гусей»)	279
сил»)	278	Лебедь и гусь («Над ле-	
Справедливость посло-		бедем, желая посмеять-	
вицы («Одна свеча избу		ся»)	279
лишь слабо освещала?) .	278	Мартышка («Мартышка,	
		е юных лет прыжки свои	
		любя»)	279

	Стр.		Стр.
Общая судьба («Во ржи был василек прекрасный»)	279	1830	
Безвредная ссора («За кость поссорились собаки»)	279	855. «Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович»	280
Закон природы («Фиалка в воздухе свой аромат лила»)	280	1833	
		856. «Надо помянуть, непременно помянуть надо» .	280

1827

854. Эпиграмма на кн. П. И. Шаликова. «Князь Шаликов, газетчик наш печальный»	280	1836	
		857. «Пой в восторге, русский хор»	283

DUBIA.

	Стр.		Стр.
1827		1820-е годы	
858. Рефутация Беранжера. «Ты помнишь ли, ах, ваше благородье» . . .	284	867. Гр. А. А. Орловой-Чесменской. «Благочестивая жена»	288
859. Кж. С. А. Урусовой. «Не веровал я троице доныне»	285	868. Разговор Фэтия с гр. Орловой. «Внимай, что я тебе вещаю»	283
		869. «Воды глубокие»	283

1828

860. Эпитафия младенцу кн. Н. С. Волконскому. «В сиянии и в радостном покое»	285	1830	
861. Ф. Ф. Эгерштруму «О Эгерштрум, я восхищенный»	286	870. «Полюбуйтесь же вы, дети»	288

862. «Когда стройна и светлоока»	287	1834	
863. «Если в жизни поднебесной»	287	871. «Я влюблен, я очарован»	289
864. «Amour, exil»	287	872. Надпись к воротам Екатерингофа. «Хвостовым некогда воспетая дыра» .	289
865. «Не смею вам стихи Баркова»	287	1835	
		873. «В Академии наук»	289

1829

866. «Когда помилует нас бог»	287	1830-е годы	
		874. «К Смирдяну как ни зайдешь»	289
		Неизвестные годы	
		875. «Что-то грезит Боратынский»	289

СКАЗКИ.

	Стр.		Стр.
1831		Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях. «Царь с царичею простился»	333
Сказка о царе Салтане. «Три девицы под окном»	293		
Сказка о попе и о работнике его Балде. «Жил был поп»	321		
1833		1834	
Сказка о рыбаке и рыбке. «Жил старик со своею старухой»	327	Сказка о золотом петушке. «Негде в тридевятом царстве»	349
ПРИЛОЖЕНИЕ			356
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К ПЕРВОМУ И ВТОРОМУ ТОМАМ			363

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В первом томе:

Фототипия с портрета А. С. Пушкина
работы В. А. Тропинина — между 4 и 5 стр.

Автотипия с записи А. С. Пушкина 1811 г. (?)
в альбоме кн. А. М. Горчакова — между 496
и 497 стр.

Во втором томе:

Автотипия с рукописи стихотворения «Я памятник себе воздвиг
нерукотворный» (Рукописная тетрадь Пушкина № 2384) —
между 208 и 209 стр.

ЗАМЕЧЕННЫЕ В ПЕРВОМ ТОМЕ ОПЕЧАТКИ

- Стр. 288, строка 13 сверху читать: возгордилось
» 368, » 3 снизу читать: Тростник болотный
долю клонишь?
» 408, » 14 снизу читать: В розах кубок и ве-
нец...
» 446, » 8 и 9 сверху читать: Не удивляйся, ми-
лый [мой],
Ее израильскому
платью.

и памятник себе воздвиг нерукотворный

Вспомни, на заре ты с ним parted (пропал)

Вспомни, вдали он шагал в своем строю

Смертоубиенно молча

Мне встает ^{вспомни} и не гнуся — встал и в ~~бессмертии~~ ^{бессмертии} ~~мне~~
~~вспомни~~ ^{вспомни} ~~перестав~~ и ~~молча~~ ^{молча} ~~вспомни~~ —

и шагал, был в дождь и в мороз, и в туман наст

Мне встает и не гнуся — встал и в ~~бессмертии~~ ^{бессмертии} ~~мне~~

Смерть придет, обмолвит меня, встану

и не гнуся — встану, встану, встану, встану

и не гнуся — встану, встану, встану, встану

Мне встает ^{и не гнуся} и ~~молча~~ ^{молча} ~~вспомни~~ ^{вспомни} ~~мне~~

и не гнуся — встану, встану, встану, встану

и не гнуся — встану, встану, встану, встану

и не гнуся — встану, встану, встану, встану

и не гнуся — встану, встану, встану, встану

и не гнуся — встану, встану, встану, встану

и не гнуся — встану, встану, встану, встану

1826

авг. 21.

жизн. оцр.

